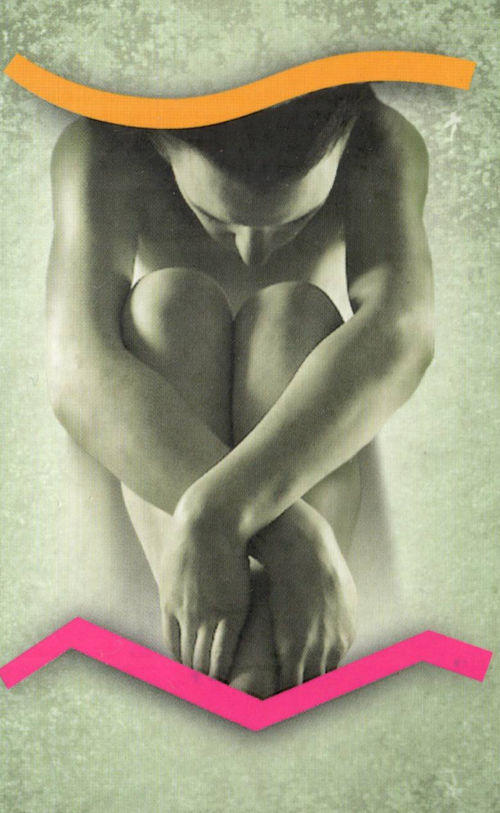
樂

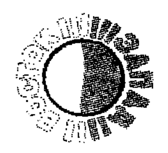
Парень из Асакусы

Такеши Китано

夢

«ОЛМА Медиа Групп»
представляет книжную серию
современной японской прозы
«ВОСТОК – ЗАПАД»

ТАКЕШИ КИТАНО

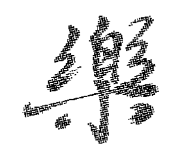
«Мальчик»
«Кикудзиро и Саки»
«Парень из Асакусы»
«Давай, Такеши!»

АМИ САКУРАИ

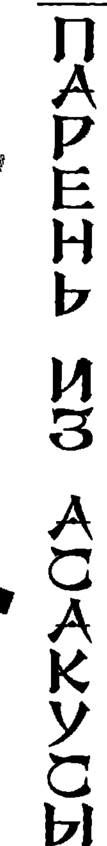
«Невинный мир»

КЕНЗО КИТАКАТА

«Клетка»

Такеши Китано

Москва
2009

УДК 82-31
ББК 84(5 (Япо))
К45

Китано Т.

К45 Парень из Асакусы. / Перев. с японск. Д. Кикнадзе. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 192 с.

ISBN 978-5-373-02919-3

Бурная юность Такеши Китано прошла на подмостках стриптиз-театра в Асакусе, старом артистическом районе Токио, где он выступал с комическими номерами и одновременно в качестве помощника директора присматривал за танцовщицами. Возможно, именно поэтому в дальнейшем творчестве Китано не существует запретных тем и моральных ограничений?.. Ведь что только не происходило с молодым человеком на сцене и за кулисами этого малопочтенного, но веселого заведения!

УДК 82-31
ББК 84.5 (Япо)

ISBN 978-5-373-02919-3

АСАКУСА, АСАКУСА...

Когда бродишь по модному кварталу Токио, все пахнет одинаково.

Но Боже мой, какой аромат! Как и при всяком избытке, *эффект* восхитительный, завораживающий, одурманивающий...

Дональд Ричи, японовед

«Вот я снова в Асакусе... Асакуса манит меня!» – читаем мы в первой же главе произведения. Чем же этот район Токио так манил прогрессивную молодежь 70-х, ровесников совсем еще юного Такэси Китано? Разгадка – в истории знаменитого района.

В далекие времена Асакуса была всего лишь небольшой деревушкой близ тогдашней столицы Эдо (ныне Токио) и служила перевалочным пунктом между городом и Ёсивара – кварталом «красных фонарей», где суровый сёгун Токугава Иэясу в XVII в. приказал изолировать жриц любви и актеров театра Кабуки, дабы избежать растления народа. Тем не менее, Ёсивара цвел и разрастался, а слава о красотках-гейшах, душещипательных театральных представлениях и веселых актерах давно просочилась сквозь высокие загрождения, полицейские посты и только манила к себе новых посетителей.

Те времена окутаны веянием – *укиё*, «изменчивый мир». Укиё – сродни философии, стилю жизни, ведь жизнь так коротка – давайте брать от нее все самое лучшее, да побольше! Колоссальный культурный пласт ярко и подробно рисует нам повседневную жизнь

горожан эпохи Эдо – гравюры *укиё-э*, новеллы Ихара Сайкаку, «моралиста», писавшего от лица проститутки, и не только, про быт и нравы обитателей «веселых кварталов».

Итак, Ёсивара был модным местом, где могли «отвести душу» и богачи, и бедняки, и студенты. Район рос, места не хватало, так что соседнюю деревушку Асакуса решено было отдать под нужды Ёсивара, потому и 1657 год стал для данного местечка переломным.

Однако давайте совершим путешествие во времени и посмотрим на Ёсивара-Асакусу конца XIX – начала XX века.

У талантливой, но безвременно ушедшей писательницы начала XX в. Хигути Итиё можно найти трогательные описания района Ёсивара. Это живописное место, где новое гармонично уживалось со старым, кое-где встречались трехэтажные дома и горели электрические лампочки, что было в новинку для остальных районов Токио. По ночам квартал оживал – гуляки, проститутки всевозможных рангов, гейши и блистательные красавицы-ойран, разодетые в старинные кимоно, которые не выходили без сопровождения двух служанок или «мамочки»; отовсюду гремела музыка, воздух был напитан всевозможными ароматами... Тут зарабатывали себе на пропитание актеры Кабуки, бродячие артисты, певички, фокусники, комики, акробаты – кто во что горазд! Ёсивара, как и ее преемница Асакуса, сделал знаменитыми многих талантливых артистов, о чем мы с вами уже знаем не понаслышке.

Но вот, настала эпоха Мейдзи – время смелых реформ и европеизации страны. Япония стала доступной иностранным судам, а те и не думали пренебречь диковинкой, и ринулись заново покорять ее. Император Мейдзи с пре-

великим удовольствием перенимал все, что можно было – конституцию у Англии, моду у Франции, да в таком объеме, что молодые японки и японцы несколько растерялись – как носить совершенно непонятные платья и костюмы, что делать с чулками и подвязками, как получше нахлобучить шляпу, чтоб она не слетала всякий раз с головы, что уж говорить о косметике парижских кокеток...

Граммофон с модным фокстротом вытеснил традиционный сямисэн и кото, палочки хаси заменили на серебряные ножи и вилки, интерьер, как и сама архитектура, со временем был вынужден подчиниться канонам европейской мебели. Первые автомобили, технический прогресс, целые улицы в Ёсивара стали застраивать зданиями из красного кирпича и стекла... однако Великое землятресение Канто 1923 года распорядилось по-своему. Да и Вторая мировая война со своей разрухой и голодом не могла способствовать воссозданию прежней разгульной жизни Ёсивара.

Тем не менее, осталась Асакуса со своим первым кинотеатром, первыми фотостудиями, модными салонами, театрами, мюзик-холлами, уже бетонным храмом Сэнсоо-дзи со статуей бодхисаттвы Каннон... Асакуса стала самым либеральным районом Токио, принимающей все новшества, всех гениев, чудаков и изгоев. Именно здесь появился 12-этажный небоскреб, построенный в 1890 г., в котором разместился торговый центр с иностранными товарами.

Первое, что бросается в глаза при входе в Асакусу – роскошный храм Сэнсоо-дзи с огромным ярко-красным фонарем «Каминаримон». Близлежащие кварталы же разбиты на семь частей. Шестой из них – Рокку, с 42 улицами, славится театрами и мюзик-холлами,

кабаре и питейными заведениями. Что касается баров, так именно здесь, в 1880 году было открыто первое заведение с таким названием – ну разве не вызывает восхищения и уважения этот район?!

Хотя... к чему слова – скоро вы, дорогие читатели, сами познакомитесь с прогрессивной и пестрой Асакусой и знаменитым Шестым кварталом, а заодно с молодым и безумно амбициозным начинающим артистом – Такэси Китано.

Приятного чтения!

Д. Кикнадзе, переводчик

КАК Я ПОСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В «АСАКУСА ФУРАНСУ-ДЗА»

Знойный полдень лета 1972 года. В районе Асакуса, возле Шестого квартала появляется паренек в спортивной футболке, шортах и пляжных шлепанцах... Смотрите-ка, это я!

Ну вот, я наконец-то попал в Асакусу! Вот она какая...

Огромный фонарь с размашистой надписью черными иероглифами «Ворота Каминари». Красные лакированные ворота и квартал под названием Накамисэдори с вереницей прихрамовых сувенирных лавок. Летнее небо над дорогой к храму.

«Прохладная Асакуса. Добро пожаловать в старинную атмосферу Асакусы!» – ветер качает пеструю вывеску над головой. Старая сувенирная лавка, не изменившаяся со дня своего появления. Магазин готовой одежды. Магазин военной одежды, что прекрасно существует невзирая на все времена. На ярлычке написано «Кожаная куртка», но и невооруженным взглядом видно, что это всего-навсего дешевка из кожзама. Хозяин заведения с претенциозным рекламным лозунгом «Магазин для молодежи! Последний писк моды!»

выставляет все вперемешку – туфли крокодиловой кожи с зауженным носком и лондонские ботинки, совершенно не считаясь с названием магазина. Сбоку можно увидеть и объявления вроде «В продаже есть пояса-харамаки[1]».

Как я истосковался по всему этому!

Сызмальства я рос в рабочем районе, но у меня сохранилось множество воспоминаний, связанных с редкими вылазками сюда в поисках развлечений в те годы, когда я еще учился в средней школе. Помнится, впервые я посмотрел голливудский фильм – назывался он «Самый длинный день» – в кинотеатре «Тайсёкан» в Асакусе, куда меня повел старший брат. Впрочем, в старших классах я стал игнорировать Асакусу и подобные ей кварталы. Эти места тогда казались мне изжившими себя и устаревшими. Теперь я бредил улицами Синдзюку, Сибуя и Икэбукуро, где и тусовался.

Чего там только не было – хиппи, психоделики, хулиганы, любители травки и гашиша и т. п. Мне хотелось перепробовать подряд, без разбору все то, что называлось современными нравами. В кафе «Красота природы» с утра до вечера околачивались люди, называвшие себя литераторами – эдакие псевдописатели, драматурги и бродячие поэты. Исследователи Сартра общались здесь с экзистенциалистами. С операторами-авангардистами, иллюстраторами, рекламщиками и кинорежиссерами соседствовали странные

---

[1] Пояс-харамаки – специальный вязаный пояс для сохранения поясницы в тепле, а также надежного хранения денег. Пользовался популярностью у хиппи. Основное же значение харамаки – медицинский бандаж. (*Здесь и далее прим. перев.*)

типы, которые с загадочным видом что-то с ними обсуждали. Впрочем, и я тоже не отставал, выдавая себя за хиппи.

В свободное время я работал официантом в джаз-баре Village Gate в Синдзюку, ночью же ошивался на съемной квартире в компании приятелей-хиппи, где довольствовался статусом нахлебника.

Как раз в 1970 году на некоторое время поутихло движение студентов-пацифистов Токийского университета, так что парни, не имевшие ни малейшего представления о том, куда себя девать, быстренько объединились в тусовки и бесцельно слонялись по улицам Синдзюку. Жаждущая общения компания хиппи каждый божий день собиралась в кафе и затевала спор с первым встречным на темы театра, искусства и кино.

Однако что бы я ни слушал – речи звучали как-то фальшиво, и я не мог найти с ними общий язык. О каких бы заумных или прогрессивных вещах не говорили эти парни – вернувшись домой, они становились всего-навсего глупыми, напыщенными пустышками из благополучных обеспеченных семей, завравшейся кучкой бездельников, строящих из себя бродяг-хиппи!

Если даже они проводили в этой тусовке свои студенческие годы, то после все равно поступали на службу в строительные фирмы, принадлежавшие их папашам, либо шли продавцами в рисовые или винные лавки. Или становились наследниками агентств по недвижимости, или, подстригшись, поступали на службу в какую-нибудь солидную фирму. Так или иначе, в этой компании «прожигали жизнь» лишь такие типы, чье будущее было обеспечено. Короче говоря, у них всегда имелся запасной вариант.

К тому времени я бросил учебу в университете и влачил жалкую жизнь, но у меня была одна жизненная ситуация, а у них другая. Сколько бы они не поминали Сартра, навряд ли они, особенно, начав работать в рисовой или винной лавке, продолжили бы изучать его. Когда я предавался таким размышлениям, то понимал, что их чрезмерная идиотская напыщенность раздражает меня, и желания общаться с ними всерьез больше не возникало.

Да и я на самом деле играл сам с собой в какие-то дурацкие игры. Хотел ли я всю жизнь провести в тусовке хиппи?! Было ли у меня намерение до скончания века оставаться официантом в джаз-баре?! Разве мне нечем было заняться?! Эй ты, парень, разве у тебя нет мечты?! Разве нет на свете такой работы, которую бы ты хотел делать всю жизнь?!

Чем больше я задумывался над этим, тем больше будущее казалось мне жестоким и призрачным. В один из таких моментов меня внезапно осенило! «Иди в Асакусу и стань артистом!» – сказал я себе.

Сам не пойму, с чего мне пришла в голову такая мысль?! Но вот раз я втемяшил себе в голову эдакое, то теперь уж никуда не деться! Это тот случай, когда говорят: «Прыгнуть прежде, чем увидеть куда прыгаешь». То, что втемяшил – ладно, вся беда была в том, что удержаться от соблазна я оказался не в состоянии.

Я решил, что ничего другого, кроме Асакусы мне не остается. У меня нет другого выхода, кроме как отправиться в Асакусу и испытать судьбу. В любом случае это Асакуса. Асакуса манит меня! Когда я так думал, мне ужасно хотелось ринуться в бой. Возможно, в такие моменты во мне играла кровь моей по-

койной бабушки – театральной сказительницы гидаю. Не уверен, но черт его знает...

...С легким волнением, вызванным нахлынувшими воспоминаниями своего отрочества, я зашагал по проспекту Шестого квартала, который едва ли не плавился под раскаленным летним солнцем. У меня возникло чувство, как будто я иду осуществить какой-то злой замысел. Однако Шестой квартал, куда я впервые попал много лет назад, оказался на удивление пустынным. Ничего себе! Какой же малолюдной стала Асакуса! Если сравнивать с переполненным туристами кварталом Накамисэ и вечной суматохой Синнакамисэ, тишина казалась просто звенящей. Тут бродили лишь безработные поденные рабочие да нищие. Тем не менее, несмотря на то, что людей – по пальцам сосчитать, театр в Шестом квартале выглядел точно таким, каким я его видел давным-давно. Если свернуть вправо с Синнакамисэ в Шестой квартал, сразу же по правую сторону улицы окажется кинотеатр «Рокси». Именно здесь показывали новинки западного кино. Рядышком – третье по счету здание – находился кинотеатр «Токива-дза», в котором шли только японские фильмы. Этот театр имел свою историю – здание эпохи Тайсё, раньше он был оперным.

Далее располагался токийский клуб с тремя программами западного кино. Первый кинотеатр эпохи Тайсё «Дэнкикан». Стены этого кинотеатра помнят день, когда впервые было показано звуковое кино. А вот и кинотеатр «Тиёда», где крутят западное порно. На противоположной улице – «Нихонкан», где показывают только порнофильмы японского производства. А вот театр-варьете «Сёутику», специализирующийся в комедийном жанре. А это – «Асакуса Сёутику», кинотеатр кине-

матографической компании Сёутику, где показывают новинки японского кино. Тут кабаре киностудии «Никкацу», а рядом мюзикхолл с «ракуго»[1]. Над ним стриптиз-театр «Асакуса фурансу-дза»[2]. И через дом, где расположен игровой центр, еще стриптиз-театр с давней историей – «Асакуса рокку-дза». В общем, примерно тридцать всяких театров! Непохожие друг на друга, они теснились на улицах Шестого квартала, как макеты зданий для киносъемок.

Я без тени сомнения направился к мюзикхоллу Сёутику, потому как твердо решил начать карьеру комика с мюзик-холла. «Скоро, совсем скоро. Скоро я увижу Дэнскэ!» – вертелось у меня в голове. Я проскользнул в деревянную дверь мимо дяденьки-зазывалы, купил билет за тысячу иен и прошел внутрь.

Мюзик-холл «Сёутику» был единственным театром в Токио, где представляли лишь развлекательные жанры: скетчи, мандзай[3], комедийные спектакли, жонглирование, фокусы и

---

[1] Ракуго – комический рассказ или анекдот. Старинное театральное представление разговорного жанра, где сказители, сидя на сцене, рассказывают то короткую басню, то длинную историю, а главным комическим элементом выступают не только персонажи, но и игра слов, метафоры.

[2] Фурансу – означает французский.

[3] Мандзай – современный, не театрализованный вид представлений разговорного жанра. Артисты мандзай обходятся без костюмов и реквизита. Как правило, мандзай представляет собой обмен глуповатыми шутками между эстрадными комиками, с небольшими вставками грубоватого фарса. Один из них – *бокэ* (беспечный растяпа), а другой – *цуккоми* (добродушный любитель подразнить). *Бокэ* скажет что-нибудь глупое, а *цуккоми* разнесёт, разругает его, а то и надаёт по голове.

прочее. В театре работала труппа Дэнскэ и в том числе актер Оомия Тосимицу, выступавший там регулярно. Когда я вошел внутрь, то увидел, как артист разговорного жанра исполнял скетч. Этот жанр имел успех на телевидении, но то, что я увидел, не было обычным скетчем – актер смеялся над сидевшими в зале тетеньками и пожилыми людьми, и его шутки касались каждого из них. Это не показалось мне особо интересным.

Часть шоу, которую я решил посмотреть, раз уж заплатил деньги, представляла собой мандзай Double Ace. Группа неизвестных мне комиков-музыкантов, нисколечко не интересный юмористический номер... я чуть не взвыл от скуки!

– Я тоже хотел бы стать артистом... но как же туда попасть? – спросил я у дяденьки-зазывалы, выйдя из мюзик-холла.

На лице мужчины отразилось удивление: «Что это ты такое говоришь?! Вот чудак!». Окинув меня взглядом, он подошел поближе.

– Артистом стать не так уж легко...

– Да, но ведь все этим занимаются! Хотя бы вот на таком уровне.

– На таком уровне, говоришь? Дурак ты! А все потому, что стать независимым артистом непросто. Надо поучиться у разных учителей, прослужить несколько лет, а как они тебе скажут, что уже можно выступать, тогда лишь и выйдешь впервые на сцену! На это требуется много-много лет.

Хмм, получается, должно пройти несколько лет, что ли? Да я через месяц выйду на сцену!

– Раз такое дело, дяденька, познакомил бы ты меня с каким-нибудь учителем.

– Ничего не выйдет! Такие, как ты, каждый год являются... сотнями и тысячами. Прихо-

дить-то приходят, но что с того? Все до единого оказываются неудачниками! В этом деле лишь один из нескольких десятков тысяч людей становится любимцем публики! Если ты считаешь, что это так легко – сильно ошибаешься, парень! Вот потому маэстро Кэндзи, что выступает на этой неделе, считается не просто мастером, а богом!

Ого, ничего себе, вот они и есть «боги»?! Одно лишь «Кушать подано!» – и становишься богом?! Таким актерам можно позавидовать!

– Неужели нет никакой лазейки, а? Помоги мне, ведь у тебя связи. Очень тебя прошу!

– Ничего не выйдет. Сказано – нет, значит, нет! И всё. Хватит, хватит, хватит!

Мда-а, этот жлоб лишь отказывать умеет! Что бы я ни сказал, он мне в ответ – нет, нет, нет! Не мужчина, а дитя капризное!

Дойдя до середины Шестого квартала, я краем глаза заметил вывеску «Асакуса фурансу-дза». «Фейерверк фантазий всех звезд стриптиза районов Канто и Кансай во время шоу!», «Выступление Фуками Сэндзабуро с юмористическими скетчами», – прочитал я. И мелкими буквами: «Выступление начинающих актеров».

Пока я любовался вывеской, в моей памяти всплыло зыбкое воспоминание, как я много лет назад смотрел спектакль с участием комика Фуками Сэндзабуро в театре «Роккудза».

Надо же, человек по имени Фуками Сэндзабуро все еще выступает на сцене «Асакуса фурансу-дза?» И он еще участвует в музыкальных номерах спектаклей стриптиз-театра? Хм, оказывается, тут еще и скетчи показывают! Может, об этом мало кто знает, но тут и комики выступают! А что, почему бы не попро-

бовать? И если ты срочно решил стать артистом, не все ли равно где?! Возможно, выступление в антрактах стриптиз-театра интереснее перфомансов театра «Сёутику»...

Больше я не колебался. В следующую секунду я уже беседовал с кассиром «Асакуса фурансу-дза». Первым человеком, выслушавшим меня в театре, была тетенька-билетерша по имени Цукахара. Познакомившись с ней, я узнал, что тетенька – потомок Цукахара Бокудэн и занималась актерским ремеслом в Осаке. С ее слов я понял, что она принимала участие в «Шоу Цукахара», чем-то смахивающем на игру уличных актеров. Муж ее сражался на мечах, играл в батальных сценах, совершал харакири, а тетеньке же доставалась роль комментатора этих самых батальных сцен.

– А я вот пришел, чтобы стать комедиантом! – доложил я ей при первой возможности.

На что тетенька прыснула:

– Ах, комиком?! В последнее время сюда часто приходят с такими намерениями! Не уверена, но, кажется, сейчас молодых в театре предостаточно.

– Послушай-ка, а не поработал бы ты лифтером, пока не стал артистом? – внезапно предложила она. – Если б ты был лифтером, то тебя сразу приняли бы на работу, а потом, рано или поздно, я похлопочу о твоем выступлении на сцене. Вот поработаешь некоторое время лифтером, а потом я могла бы познакомить тебя с директором театра, маэстро Фуками Сэндзабуро. Послушай меня – дело говорю!

– Значит, лифтером?..

– Что, не нравится?

– Да не то чтобы не нравится... А артистом-то я потом смогу стать?

– Все зависит лишь от тебя самого! Здешняя молодежь работает разнорабочими и уже после выходит на сцену. Сразу после поступления в театр никто тебя на сцену не выпустит! Но если я попрошу, все будет гораздо быстрее. Так что начни с работы лифтера и не сомневайся!

– Угу...

– Ты попробуй. Согласен? Ну, раз так, тогда я поднимусь на минутку наверх, потолкую с менеджером, – и тетенька-билетерша отправилась походатайствовать о моем сценическом будущем.

– Приходи завтра! – почти сразу же сказали мне.

Не знаю даже отчего, но у меня промелькнула мысль, что я попался в лапы лисы-оборотня... Тем не менее я выпалил:

– Тетенька, большое вам спасибо! С завтрашнего дня я к вашим услугам! – ну и отвесил вежливый поклон.

– Ну, ну, не стоит благодарности. Как раз и пройдешь предварительное сценическое обучение. Заодно будешь заниматься уборкой фойе, лестницей с первого по четвертый этажи, ну и сам лифт не забывай вымыть.

– Что?!

– Угу. А ведь и впрямь, как здорово все вышло, да, сынок? – улыбаясь, тетка вручила мне веник с совком.

Со следующего дня я начал служить в «Асакуса фурансу-дза». После принятия этого решения, возникло чувство, что Шестой квартал Асакусы, где был расположен старый театр, внезапно стал мне родным. И запах мяса из ресторанчика госпожи Сэкинэ, и аппетитный дух рисовых крекеров из пекарни, и аромат вареных свиных потрохов из винной лавки, и душок дешевого сакэ, пролитого пьяни-

цами, и зловоние мочи, которой разило от бездомных... И даже запах вонючей, кисло пахнущей копченой рыбы – все мне нравилось. Я осознал, что все запахи, наполнявшие Асакусу, близки моему сердцу.

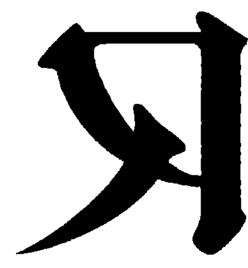
Я вернулся! Нет, это Шестой квартал с нетерпением дожидался моего прихода...

Где ты шатался, какими глупостями занимался прежде? Идиот!

Почему эта мысль не приходила мне в голову раньше? Почему я так долго растрачивал себя попусту?

Вечером я гулял по Шестомуу кварталу, а сердце мое учащенно билось от избытка чувств.

КАК Я НАПРОСИЛСЯ В УЧЕНИКИ К ФУКАМИ СЭНДЗАБУРО

– лифтер в «Асакуса франсу-дза». Таким стало мое новое звание при вступлении в Асакусу. Ну, если чуток пококетничать, можно и так – «лифтер, мечтающий стать комедиантом».

«Франсу-дза» открывался каждый день в 12 часов дня. Я же приходил в театр за два часа до открытия, то есть в 10 часов, и должен был вымыть лифт и убрать холл.

Здание стриптиз-театра «Асакуса франсу-дза» располагалось в самом центре Шестого квартала, ирония заключалась в том, что напротив него как раз и находилась будка местного полицейского. Театр был четырехэтажным, первый этаж отводился под зал для спектаклей варьете, которыми руководили представители компании «Тоё когё», так называемые «Четыре бога» – Хаясия Санпэй, Данси, Энраку, Синтё. Они были мастерами «ракуго» – на них, в основном, и валил народ.

Здание театра я убирал следующим образом: приходя туда поутру подметал фойе и

лестницы, начиная с билетной кассы на первом этаже и заканчивая комнатой билетеров на четвертом, аккуратно счищал пыль мокрой щеткой. После окончания уборки я до половины десятого ночи торчал в лифте, только и делая, что катая зрителей вверх и вниз.

– Как же ты меня выручил своим приходом! Я уже не могла бегать вверх и вниз, делая и то, и другое – умаялась! Постарела совсем, а как пришлось убирать четыре этажа – и вовсе спина стала отваливаться, – благодарила меня тетенька-билетерша Цукахара.

И чем больше она меня нахваливала, тем сильнее возникало чувство, что мне заговаривают зубы. Но как бы то ни было, у меня появилась работа – и с этого дня я стал служащим «Асакуса фурансу-дза»!

Кто бы из друзей ни спрашивал меня, я хвастался: «А я теперь поступил в "Асакуса фурансу-дза!"». Ведь что ни говори, этот Фурансу-дза был знаменит в Асакусе! Взять хотя бы Ацуми Киёси или Нагато Исаму – все они дебютировали в этом театре!

А я как подумаю, что хотя бы прибираю этот самый театр, так меня гордость и прошибает! Даже такая монотонная работа, как подниматься и спускаться на лифте не была мне в тягость – напротив, она мне нравилась. По утрам в лифт с гомоном и смехом врывались танцовщицы, направляющиеся в свои гримерные. Заходили и начинающие комедианты.

Среди них была одна артистка, дама далеко не первой свежести, но каждое утро энергия у нее била через край. «Доброе утречко!» – всегда здоровалась она. Будь то день или поздний вечер, где бы мы ни повстречались – она радостно улыбалась «Доброе ут-

речко!», даже с новичками здоровалась как положено, предельно вежливо. Самым крутым было то, как она представлялась: «Я – танцовщица "Асакуса фурансу-дза!"» – и в этом заявлении чувствовалась такая гордость! Как ни крути, и я, попавшись в сети ее обаяния, был жутко доволен, и всякий раз радовался приветствиям этой женщины.

Если сравнивать ее выступления с девушками из японского мюзик-холла, что на Гиндзе, то эта женщина уступала тамошним танцовщицам в индивидуальности и понимании танца, однако с точки зрения носителя традиций мастерства она заткнула бы за пояс любую танцовщицу в Асакусе.

Среди моих пассажиров был еще один, маленького росточка, но жутковатого вида пожилой мужчина – каждое утро он входил в лифт с серьезным выражением лица. В руке постоянно сжимал кожаный портфель, а с клетчатым костюмом носил яркий галстук. Ботинки его всегда были начищены до блеска. Он входил в лифт беззвучно и плавно и, не моргая, сурово глядел прямо перед собой.

– Доброе утро!

– Угу, – обычно отвечал он.

Иного звука я от этого человека так и не услышал. Он входил, поворачивался лицом к дверце и так молча стоял вплоть до остановки лифта на четвертом этаже. Мне бил в нос приторный аромат помады для волос и еще какой-то косметики, исходящий от его затылка, подстриженного в старомодном Regent Style[1]. Мне становилось как-то не по себе, уж слишком он смахивал на якудза! К

[1] Regent Style – мужская прическа с волосами, целиком зачесанными со лба назад. Была в моде в 1950-х гг.

тому же мужчина был чрезмерно расфуфырен, да и у меня возникло чувство, что я его уже где-то видел...

Хоть бы он еще что-нибудь сказал, а то каждое утро при посадке в лифт повторялся один и тот же «диалог»:

– Доброе утро!

– Угу, – и ни слова больше!

Может, он и был местной знаменитостью, но кем именно?!

Иногда этот таинственный мужчина наряжался в пиджак с двумя рядами пуговиц и зауженные книзу брюки. Он действительно походил на главаря якудза, однако его поведение и манеры заставляли в этом усомниться. В чем-то в его облике чувствовался высокий класс, а что касалось его гардероба, то он, безусловно, был старомодным, но отнюдь не старьем! Нет-нет, незнакомец оставлял впечатление эдакого стильного денди и выглядел безупречно! Кто знает, может, вкус у старика получше, чем у нас, молодых? И все же, ну кто, кто же он?!

Несколько раз во время поездки в лифте с этим господином я порывался завязать разговор с ним, однако он был похож на человека, вечно отказывающего людям, и я, почувствовав это, струхнул – заговорить первым не хватило мужества.

Как-то раз я спустился в лифте со стариком с четвертого этажа, а когда сам засобирался домой, то решил расспросить о нем теteньку-билетершу Цукахару.

– Эээ... а кто этот старик, похожий на главаря якудза... ну, суровый такой?

– Глаза протри, дурень! Да ведь это сам директор театра – маэстро Фуками Сэндзабуро!

Как?! Неужели это ОН?

Я видел его раньше в «Рокку-дза», но разве он был так разодет? Эх, как же я удивился! Я же думал, что он крупный мужчина, а на самом деле г-н Фуками Сэндзабуро оказался таким сухоньким старикашкой!

Взять хотя бы лицо – из зрительного зала оно показалось мне смешным, а не таким мрачным! Интересно, а на кого же я тогда пялился?! Величие облика г-на директора вмиг улетучилось, и я пребывал в изумлении, не веря уже и собственным глазам.

– Послушайте, тетенька, а не представите ли вы меня маэстро Фуками Сэндзабуро? Я ведь мечтаю стать комиком... Может, вы замолвите за меня словечко? Разве вы не говорили, что, если я стану лифтером, то вы меня представите директору? Ну, прошу вас, тетенька! Вы же праправнучка Цукахара Бокудэн!

– Вот оно что... да, я давала обещание... Ладно, когда завтра утром придет маэстро, я попробую с ним заговорить, но ты учти – я не даю тебе гарантии, что смогу его убедить! Знай, даже если я к нему обращусь, это не будет означать, что все получится – маэстро Фуками несговорчивый человек, да и на контакт не всегда идет! Так что прими это к сведению!

На следующее утро я заявился в театр со страстной готовностью ринуться в бой.

Как обычно, я пришел за два часа до открытия театра, два раза вымыл щеткой лестницу с первого по четвертый этаж, как следует вытер пыль в лифте, сбрызнул водой пол в фойе и старательно, как никогда раньше, начистил его до блеска. И стал поджидать г-на директора.

Пришли танцовщицы, потом молодые комедианты и только за полчаса до поднятия

занавеса, стуча каблуками кожаных башмаков, в Шестом квартале появился маэстро Фуками. Сегодня он был одет в полосатый пиджак с двумя рядами пуговиц в стиле Джеймса Кэгни, снимавшегося в гангстерских фильмах, а в руке сжимал все тот же темно-коричневый кожаный портфель. Самоуверенный, с чуть поднятой головой, он величественно шагал, рассекая воздух Шестого квартала. С легкой улыбкой на губах маэстро отвечал приветствием на возгласы билетера кинотеатра, расположенного в Шестом квартале, директора варьете, менеджера мюзик-холла, старенького продавца из магазина европейской одежды, хозяйки закусочной и так далее.

Остановившись возле «Асакуса фурансудза», он оглянулся по сторонам, немного потоптался на месте и скрылся за кассой. Мое сердце учащенно забилось. Я даже забеспокоился – а не услышат ли мое сердцебиение все, кто находятся в этот момент в Шестом квартале?

Не глядя в лицо профессору я дурацким голосом произнес: «Доброе утро!». После до меня дошло, что сказано это было слишком громко, но маэстро как всегда ограничился одним лишь «угу».

Перед тем как директор вошел в лифт, я быстро подал знак тетеньке Цукахаре. Та энергично закивала в знак согласия и с оханьем-аханьем вылезла из своей билетной будки.

– А, маэстро, это вы? Какая сегодня чудесная погода, не правда?

– М-м-м...

Что за чушь несет эта старуха?! От волнения я чуть не грохнулся на пол перед лифтом!

– Ой, что я говорю? Всё не то! Нет-нет, о погоде сейчас не стоит... а, по правде говоря,

я про этого паренька хотела поговорить... Недавно вот стал у нас работать. Заладил свое – хочу, мол, попасть в ученики к учителю, чтоб выучиться на комедианта!

– Эхе! Кто такой?! – маэстро мельком оглянулся на меня, застывшего на месте.

В этот момент я словно язык проглотил.

– Ну, и кто ты такой?! – повторил г-н директор, не глядя на меня.

– Я... я... я – это я! Я смотрел в «Рокку-дза» представление с вашим участием... давно еще. Хочу стать комиком! Возьмите меня в ученики, прошу вас!

– Комиком? Что за глупости ты говоришь?!

– Это невозможно?

– Невозможно! И вообще, сынок, в твои молодые годы не следует стремиться к такому низкому ремеслу! И хватит, хватит! Поднимай меня.

– Слушаюсь! Но я очень хочу стать артистом!

– Сейчас в театре полно молодежи – ты опоздал!

– Но тогда покажите мне, пожалуйста, вашу сцену!

– Ну... посмотреть можно...

Бросив эту фразу, маэстро скрылся в гримерной, оставив после себя лишь аромат помады для волос.

Ну что тут скажешь? Сам артист, а об амплуа комика так нелестно отзывается. Считает, что лучше отказаться от этой затеи... Что же он про меня подумал? Разве он не должен был обрадоваться тому, что молодой паренек так стремится в артисты?!

Хоть мне и отказали, так легко я не собирался сдаваться – нрав у меня был тот еще! Наоборот, у меня улучшилось настроение,

внезапно появилось желание бороться до конца – объясниться с профессором с глазу на глаз и открыть ему душу. Если б только он дал добро – я оставался бы лифтером и не жаловался каждый божий день на свою участь. Ладно, интересно поглядеть: кто из нас победит, у кого больше упрямства!

Со следующего дня, заручившись поддержкой тетеньки Цукахары, я попросил одного служащего подменить меня в лифте, и вот я уже стою позади мест для зрителей, во все глаза пялясь на представление маэстро Фуками, которое шло между двумя стрип-шоу – теперь я поступал так изо дня в день.

Представление Фуками Сэндзабуро нисколько не отличалось от того красивого и остроумного шоу «Искусство говорить колкости», которое я видел несколько лет назад. И по сей день оно не утратило своей силы и вызывало неподдельный хохот. Мастер не льстил зрителям, не говорил ерунды и лишних слов.

«Искусство говорить колкости» маэстро Фуками было талантливым и изначально смешным, исходя из одного только сценария. Маэстро и не думал заискивать перед зрителем. Смех вызывали не только импровизации, остроты, игра слов, убийственный образ самих персонажей, но и психологическое воздействие на публику. Скетчи ничуть не отличались от настоящих серьезных постановок.

Ритм и скорость шли рука об руку, ощущался хороший вкус, острота восприятия эпохи. И даже в вышедших из обихода, устаревших репликах, безусловно, был свой шик и очарование. Сам же Фуками Сэндзабуро выглядел намного моложе и элегантнее своих молодых партнеров по сцене.

Разумеется, ведь это Фуками Сэндзабуро, самый настоящий! О, как правильно я выбрал своего учителя! Здешние постановки гораздо интереснее тех, что идут в мюзик-холле «Сёу-тику»! Я сделал верный выбор.

Несколько дней спустя мне удалось подкараулить севшего в лифт маэстро. Я вновь стал напрашиваться к нему в ученики.

– Маэстро, я во что бы то ни стало должен выступать на сцене! Я вовсе не стремлюсь достичь совершенства в качестве уборщика и лифтера! Я вообще, скрепя сердце, работаю лифтером – мне же обещали помочь выйти на сцену!

Господин Фуками с присущей ему молчаливостью выслушал меня до конца, затем кивнул и приступил к допросу:

– Ребят вроде тебя много. Вот только никто пока всерьез не пробовался в актеры. А чем ты занимался до этого?

– Учился, а потом бросил.

– Учился, говоришь... в средней школе?

– Нет, в университете!

– В университете?! Балда! Неужели есть на свете люди, бросившие университет ради лицедейства?! Прекращай ты эти глупости! Возвращайся-ка обратно в свой университет и выучись. Надо думать о своем будущем! Во-первых, чтобы стать комиком, недостаточно просто труда! Этот мир требует от актера таланта! Талант – это всё!

– Понятно.

– Понятно, говоришь? Легче всего брякнуть, не подумав – понятно! Ну-ка скажи мне, тебе приходилось заниматься актерским мастерством?

– Актерским мастерством?

– Ну, в смысле, обучался ты чему-нибудь такому?

– Да нет, в общем-то... не обучался.

– Не обучался, а в актеры рвешься! Тут нужна большая храбрость! Актер многому должен научиться, прежде чем выйти на сцену. Нужна голова на плечах, нужно быть в курсе происходящего в мире, и чечетку отбивать, и петь, и музыку знать, а не только заучивать диалоги! Вот, скажи мне на милость, как у тебя с музыкой дела обстоят?

– Люблю слушать джаз.

– При чем тут «люблю слушать»?! Задача артиста – играть и петь для зрителя! С чем ты думаешь выйти на публику? Нужно непременно что-то уметь!

И тут произошло следующее: маэстро, не выпуская из руки портфеля, стал энергично выплясывать прямо перед лифтом ... Это была чечетка! Прямо так, в обыкновенных уличных ботинках, Фуками Сэндзабуро принялся демонстрировать мне зажигательный степ, отбивая при этом вслух ритм – стук каблуков сотрясал пространство.

Здорово-то как! Ух ты, настоящая чечетка... с ума сойти! Я уставился на него во все глаза, не в состоянии вымолвить ни слова.

– Вот и займись этим, а после на сцену!

– По... понятно. С завтрашнего дня запишусь в школу степа!

– Брось, не стоит! Я сам тебя научу! Попробуй недельку потренироваться.

– Спасибо!

– Угу.

Маэстро вышел из лифта и скрылся в гримерной, оставив после себя шлейф аромата помады для волос.

Я стал отбивать ритм чечетки...

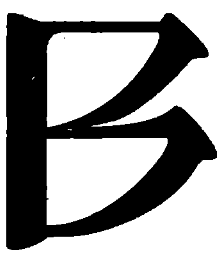
После этого разговора в течение недели я отбивал ритм повсюду – во время утренней и вечерней уборки, посадки в лифт зрителей, по

пути в театр, где угодно, когда угодно... Я приложил все усилия, чтоб овладеть чечеткой, которой меня обучал маэстро.

Каждое утро, прежде чем приняться за свои дела, маэстро проверял мое умение. Если мне хорошо удавался тот или иной шаг, то он показывал мне новый.

Все то, что продемонстрировал учитель, я разучивал в лифте, когда оставался один.

МОЙ ДЕБЮТ В РОЛИ ТРАНСВЕСТИТА

от и кончилась осень в Асакусе. С момента моего появления в «Фурансу-дза» прошло три месяца.

– Если тебе негде жить – можешь ночевать в гримерной, а за это время я подыщу тебе квартирку, – сказал как-то Фуками Сэндзабуро.

Вот так с легкой руки маэстро Фуками я на неопределенный срок заселился в гримерку и пытался приспособиться к новому жилью. Две гримерки располагались чуть сбоку от сцены на том же этаже. Третья находилась на втором этаже, к которому вели лестницы по обе стороны коридора. Еще одна гримерка была под сценой (в здании сцены имелись на трех этажах). Мне предоставили как раз ту, что под сценой.

Эта гримерка площадью в шесть татами, похоже, нечасто использовалась по назначению – внутри было холодно, как в пещере. Стены потемнели и покрылись пятнами, люминесцентная лампа едва давала свет, татами пропахли сыростью, в одном из углов в огромном количестве скопилась пыль, еще там были навалены ветхие на вид матрасы, которые светлым пят-

ном выделялись на общем сером фоне. В комнатенке имелось одно-единственное малюсенькое окно, да и у того железная рама безнадежно заржавела – сколько я не нажимал и не тянул, она не сдвинулась ни на сантиметр! Через стену соседнего дома, где располагалось заведение патинко, проникали невыносимые для слуха звуки военного марша, тем не менее, я не испытывал разочарования. Стоило мне вспомнить, что в былые времена здесь приходилось жить многим танцовщицам и артистам – и меня переполняло чувство восторга. Не раздражал даже запах грязных стен и матрасов, дешевых духов и косметики, который мне приходилось вдыхать. Я, лифтер, стоявший весь день на ногах, до утра спал как убитый, давая своему изможденному телу возможность отдохнуть.

Ежедневно я изо всех сил отрабатывал шаги и прыжки в лифте и таким образом очень быстро усваивал все движения чечетки. Пришел день, когда маэстро Фуками вытаращил глаза от изумления и сказал:

– Ну, вот и всё! Мне больше нечему тебя учить – все движения ты уже освоил! В дальнейшем есть смысл походить в танцевальную студию.

– А можно мне записаться в школу степа?

– Угу.

Вот и весь разговор, который между нами состоялся.

Правда, он просто душка – этот суровый и упрямый старикан, после в корне изменивший свое отношение ко мне?!

Итак, я со страхом стал ожидать поворота Судьбы. Это произошло несколько дней спустя. Было утро, и я, как обычно, стоял у лифта в ожидании посетителей, но тут ко мне по служебной лестнице с четвертого этажа сбежал маэстро Фуками.

– А ну-ка быстренько дуй в будку, попроси подменить тебя в лифте и бегом в гримерку!

– Что?..

– Этот негодяй Акира ни с того ни с сего решил устроить себе выходной! Мерзавец! Вместо того чтобы пораньше позвонить, этот идиот только недавно сообщил о том, что не придет! Боюсь, он уже не успеет к началу скетча... Завтра я уволю этого негодяя! Послушай, ты выйдешь на сцену вместо Акиры! Ты ведь хочешь выступать на сцене?

– Да, но... именно сегодня... вот так сразу на сцену?!

– Именно! В роли трансвестита в скетче «Извращенец»... ну, знаешь ведь?

– Да-да, мне несколько раз приходилось его смотреть из зрительного зала.

– Угу. Тогда иди, готовься к выходу!

– Понял! – я помчался в билетную кассу на четвертом этаже, разъяснил тетеньке Цукахаре ситуацию и попросил подменить меня в лифте.

Билетерша, как обычно, приняла меня крайне приветливо. Тетенька Цукахара, потомок актерской династии, так обрадовалась, услышав известие о моем выходе на сцену, как будто это было ее собственное выступление:

– Ух ты, как здорово! Старайся изо всех сил! И все будет хорошо, – ободрила она меня.

Выслушав ее напутствия, я побежал в гримерную. Гримерная маэстро Фуками располагалась над сценой, слева по коридору, рядом с актерскими уборными. Это помещение тоже было площадью в шесть татами, внутри имелся телевизор и холодильник.

Так как близился конец выступления танцовщиц, вдоль левой стены были разложены принадлежности для гримирования, а сам маэстро сидел на стуле в глубине комнаты, ожидая меня.

– Маэстро, я пришел...

– Угу. Там висит твой костюм трансвестита – переоденься. Тут все для грима – наложишь грим на лицо. А я потом порепетирую с тобой роль.

– Хорошо.

Я вынул из шкафа цветастое платье, разделся и натянул его через голову. Как мне было велено, я устроился перед зеркалом и стал гримироваться... однако сделал дело лишь наполовину, ибо на меня обрушились молнии гнева маэстро!

– Болван, ты что вытворил со своей рожей?!

– Ааа? Что?.. – я заглянул в зеркало над туалетным столиком, чтоб увидеть свое лицо...

Веки теперь у меня были синими-пресиними, глаза густо подведены черным карандашом, щеки разрисованы красным, как у деревенской девки, а помаду я намазал выше контуров рта, на клоунский манер.

– Как назвать это безобразие на твоей роже?! – грохотал маэстро.

– А это... ну так ведь это скетч – вот я и подумал, что неплохо было бы наложить интересный грим. А что, слишком ярко?

– Идиот! Смывай все немедленно! Это самое... как там тебя зовут?

– Я – Такэси Китано.

– Такэси, говоришь? Будешь «Такэ»! Такэ, ты, как я понимаю, ошибочно представляешь свой образ, так ведь? Ты говоришь, что наложил интересный грим, потому что это скетч. Ты думал, что скетч – клоунада, раз состряпал такое у себя на лице?! И что же ты себе вообразил, болван?!

– Да я всякое себе представлял...

– Идиот! Ты должен смешить зрителя остроумными репликами, а не этим!.. Такэ, разве можно смешить зрителя одной только физи-

ономией или обликом в целом?! Артист должен смешить игрой! Игрой!

– А-а-а...

– Вот ты оглядись по сторонам – сколько вокруг странных типов! Если бы можно было рассмешить одним только видом, я вытащил бы на сцену какого-нибудь урода и не нужен никакой актер! Ну что, идиот, до тебя доходит?

– Все понятно.

– И впредь заруби себе на носу – даже не думай смешить зрителей глупой физиономией! А что касается грима – если это трансвестит, то ты сперва подумай, а подойдет ли это к его образу?! Мужиков с таким гримом, как у тебя – пруд пруди! Даже если у них морда кирпича просит – они накладывают похабный грим. Ты должен гримироваться с мыслью о том, что ты самый красивый! Такэ, чтобы стать настоящей красоткой, ты должен постараться создать свое индивидуальное лицо. Уяснил?

– Да.

После того как я разгримировался, я попытался наложить грим заново, представляя себе образ трансвестита. Однако с основой, то есть с собственным личиком, мне явно не повезло, и как я ни старался – красивого трансвестита из меня не получалось. Даже маэстро, увидев поправленный грим, промолчал. Когда с этим было покончено, настал черед сценария. Скетч «Извращенец» оказался самой простенькой и приятной вещью из десятка других, шедших в «Асакуса фурансу-дза». Среди действующих лиц лишь двое мужчин – два брата-шустрячка, потом девушка, проходящая мимо, и четыре трансвестита, которых играет один актер. Роль старшего брата исполнял сам Фуками Сэндзабуро, младшего – его давний ученик Такаяма Санта, девушку играла – танцовщица Рэми Ике-

да, ну а в роли переодетых мужиков должен был выступить я...

Сюжет истории прост: два прохвоста, изголодавшиеся по женщинам, стали приставать к проходившей мимо девушке, желая завязать с ней отношения. В общем, по замыслу что-то похожее на пьесу театра Кёгэн.

Два хулигана поочередно пристают к девушке, а потом один из них внезапно делается порядочным и решает заступиться за нее. Он разбирается с братом-приставалой, чем ее и спасает. Спасшаяся девица из благодарности к этому порядочному парнишке думает: а не угостить ли его чаем? У него же тайный замысел – улучив удобный момент, он хочет завлечь ее в гостиницу, авось что-нибудь да отломится!

Поворотными моментами скетча становится превращение братьев в насильников-приставал, потом заступничество одного из них за девушку и попытка ее обмануть. Однако девица догадалась о тайном замысле, и план братьев потерпел фиаско. Раздосадованным негодяям ничего больше не оставалось, как поискать другой объект, и вот тут уже был мой выход в роли трансвестита.

Маэстро Фуками разучивал со мной сценарий, интонацией показывая образы всех героев – начиная с их монологов и заканчивая сценами драки.

Старший его ученик Такаяма-сан и танцовщица Рэми Икеда уже закончили приготовления и появились на пороге гримерной. В «Фурансу-дза» сегодня выступали семь танцовщиц: в первой части скетча четыре, а во второй – три, однако отсутствовал именно тот комик, чей выход был в первой части, то есть с первыми четырьмя.

– Все ли вы усвоили? Рэми, смотри, слова не спутай! Такэ уже готов.

– Ой, маэстро! – я слегка разнервничался.

Содержание скетча до меня дошло, но когда я должен вступать – нет.

– Маэстро, я про свои слова... а что мне говорить-то?

– Ты про диалоги?

– Надо же что-то говорить!

– Ах да, у тебя же роль трансвестита... слова, слова... ну, ты там по ходу дела придумай что-нибудь подходящее. Сможешь сымпровизировать? Ты ведь видел пару раз выступление Акиры? Его реплики всегда были импровизацией! Парень, твой час настал – срази всех наповал, говори все, что хочешь, лишь бы подходило к роли!

Мда... маэстро, говорящий мне об импровизации в день дебюта? Не слишком ли это смело?!

– И вот еще что... когда ты выйдешь, они поднимут переполох – «ааа, переодетый мужик!» и бросятся наутек. Ты только запомни, что должен погнаться за ними, но не суметь догнать. Ладно, итак, Рэми и Такэ, поднимайтесь на верхнее крыло и ждите.

Как нам было сказано, мы отправились на верхнюю сцену.

– Такэ-сан, все будет хорошо! Стоит лишь выйти, а там само пойдет, как по маслу! – с улыбкой подбадривала меня смугленькая Рэми, уроженка Окинавы.

Ей было всего лет двадцать, примерно столько же, сколько и мне. Она рассказывала, что раньше хотела стать актрисой, даже училась одно время у актрисы Театра комедии Киёкава Нидзико, но безуспешно, а потом со временем стала стриптизершей. Так она пришла в мир танца, но при этом не утратила желания играть, поэтому по сравнению с другими танцовщицами у нее это здорово получалось.

Четвертая танцовщица на сцене – Сава Каори, засунула в пах подол платья, так называемого baby-doll, и продолжая убирать волосы под парик, изящно вытанцовывала. Зрители таращили глаза, заглядывали танцовщице между ног, но Каори и не думала им ничего показывать.

В театре Тиба, что в районе Сайтама, шло популярно стрип-шоу «Шарик внутрь – шарик наружу», в котором стриптизерши развлекали публику таким образом: они заталкивали себе в вагину и выталкивали обратно всякие секс-игрушки, однако «Асакуса фурансудза» отставал от провинциального театра лет на пять-шесть. Тут не показывали даже волос танцовщиц! Может, потому и зрителей было не густо... Как-то раз, на дневном представлении, перед сценой сидело лишь чуть больше десятка зрителей.

– Такэ-сан, пойдем потихоньку.

Закончился танец Каори, она откланялась и выпорхнула в боковую дверь. Миг – и сцена озарилась ярким светом. Настало время скетча. В считанные секунды Фуками Сэндзабуро и Такаяма-сан очутились перед зрителями.

– Черт! Да в таком месте неудобно нападать на женщин – зря тут только время теряем! Ой, внизу живота вот-вот лопнет... подожди-ка!

– Брат, и у меня тоже! Вот только, всякий раз, когда мы будем отходить в кусты, чтоб поссать, все женщины мимо нас и проскочат! Ой-ой-ой!

– Ты чего?

– А вот то, что и мне невмоготу – яйца скоро лопнут! Ну сделай же что-нибудь! Квартал Ёсивара[1] ведь совсем рядом – приволоки мне хоть уличную проститутку, умоляю!

– Болван, если бы у меня было столько денег, я бы сам туда пошел! Если бы мы раньше

[1] Квартал Ёсивара – «веселый квартал» в Токио.

нашли какую-нибудь девку, стоящую на обочине, разве отважились бы на такое грязное дело?!

– А нет другого способа, почище?

Вот так начался скетч. Зрители поначалу сидели тихо. Мой выход был после разочарования Рэми-сан, увлекаемой в отель одним из братьев, роль его играл сам маэстро.

Я думал, что в первый выход на сцену растеряюсь намного больше, но к своему удивлению был холоден, как ледышка. Единственное, что действовало на нервы – туфли на высоких каблуках были малы и давили на пальцы... от боли я не мог стоять прямо.

Вот на сцену выскочил Такаяма в роли брата – наконец настал мой черед!

Маэстро из-за кулис показал знаком – мой выход, и я впервые в жизни вышел на публику, вживаясь в образ трансвестита.

Однако ковыляющая походка выдавала во мне кривоногого мужика, которого выпустили на сцену, ничуть не потрудившись облагородить его внешность.

Зал покатился со смеху...

В общем, стоило мне выйти, как маэстро всего затрясло от гнева:

– Болван! В этой сцене ты не оттуда выходишь! Всё напутал! Надо было выйти из ближайшей кулисы – в мизансцене ты идешь по улице!

Он шагнул ко мне.

– Напутал все! Ты не там должен стоять! – выпалил маэстро на одном дыхании, якобы случайно проходя мимо меня.

Даже если актеры и могли услышать это, то зрители вряд ли – это был шепот, как у суфлера. Выведенный из равновесия маэстро внезапно начал свой монолог на сей раз громко.

– Девушка, девушка, а куда это ты идешь?

– Что??? – Но ведь эта реплика не предполагалась по сценарию! – Куда??? Это самое...

– *Дура, да куда угодно! Ответь уже как-нибудь!* – прошипел маэстро.

– За... за покупками!

– Что это ты собралась покупать?

– Что?

– *Ну ответь хоть что-нибудь подходящее!*

– Разумеется, шмотки.

– Ишь ты! Что именно? – Сволочь, он задавал вопросы, которых не было в сценарии!

– Ю... юбку!

– А покажешь мне, что у тебя под юбкой, а? Слышишь, что я сказал, ты, девка?!

– Аааа!!!! – По сценарию маэстро накинулся на девушку...

Наблюдавший за этой сценкой Такаяма, который играл младшего брата, выскочил, ударил извращенца и скрылся.

– Ну что, сестренка, опасное же было местечко!

И вот тут, только вот тут вступал со словами мой трансвестит! Именно отсюда начиналась моя импровизация!

– Хмм... а что?! Давненько у меня не было мужичка, так что лишним не будет! Ну, давай, не робей! Пошли со мной в отель, займемся делом! – Это была импровизация по ходу скетча, то, что сразу пришло мне в голову.

– Фу, ты кто такая?! Ну и ведьма!

– Ничего себе! Чем я, ряженый мужик, тебе не нравлюсь? Разве твое хобби – не утешение таких, как я, а?

– Шутки шутишь?! Я с педиками дел не имею! Эй, брат, поди сюда, помоги-ка!

– Постой-постой... сейчас я сам тебя изнасилую!

– Во, ненормальный! Не подходи! Не приближайся ко мне, а не то я за себя не ручаюсь! Ну и идиот! – и в момент, когда Такаяма-сан убежал со сцены, свет погас.

Ну, зрители, конечно, не умерли со смеху, но все же смеялись.

В первой сцене я полностью выложился. Я вообще быстро ориентируюсь в трудных ситуациях. Стоит мне оказаться припертым к стенке, как появляется храбрость, и тогда мне ничего не страшно. Смеялись, и хорошо... я ведь не гений... Я вернулся в гримерку в прекрасном настроении. Однако явившемуся туда же маэстро было не до шуток.

Пока я смывал грим очищающим молочком, он обратился ко мне с серьезным видом:

– Ну да ладно... сегодня я не стану говорить о деталях, так как у тебя был дебют, а так... Запомни – на сцене ты должен подлаживаться под спектакль несмотря ни на что. Это все потому, что спектакль по ходу действия может и удлиняться, и сокращаться! Я как вышел на сцену – сразу понял, что ты растягиваешь время! К тому же в скетче есть реквизит, сценарий, а он как дом – сначала его строят, затем обносят стеной, вешают табличку и проводят электропроводку. Так что представляй себе это и играй – ты меня понял, Такэ?

– Понял!

– Раз понял – возвращайся в лифт к своей работе! – В следующую секунду маэстро уже сидел ко мне спиной с газетой в руках.

Кроме того, что, импровизируя, я должен соответствовать сценарию и не выбиваться из ритма, другого совета я от маэстро не дождался. Когда я вернулся в лифт, тетенька Цукахара, вся взволнованная, стала расспрашивать меня о спектакле.

– Зал сразу отреагировал, и смех был слышен! – отвечал я со смешанным чувством.

Тетенька Цукахара все приговаривала – «ой, как хорошо!», но мне-то хотелось услышать настоящую критику от маэстро.

МНЕ НАКОНЕЦ-ТО ВЫПАЛ ШАНС СТАТЬ АРТИСТОМ!

Настал ноябрь, и год Тигра вступил в свои права. Этот год характеризовался Тремя Тиграми – в народе говорят, что зима в год Трех Тигров холодная и часто случаются пожары. Возможно, поэтому та зима в Асакусе выдалась на редкость лютой. Холод особенно ощущался на малолюдной по сравнению с другими районами Асакусы, улице Шестого квартала. По ночам в кинотеатрах и театрах сильно задувало в щели. У меня, стоящего целыми днями то в фойе, то в передних рядах в зале, от ледяного пронизывающего ветра, гуляющего вдоль Шестого квартала, ломило кости.

Я так и не дождался критического разбора моего дебюта от маэстро – хорошо это было или плохо? После того выступления он больше не заикался о моем выходе на сцену. Более того, когда старшие ученики обсуждали, кто хорош, а кто нет, они меня всегда критиковали: «Такэ – мрачный тип. Ему не удастся рассмешить публику!».

Я слушал и злился... Безусловно, лицом я не вышел и играть красавчиков мне не улыба-

лось, но посовещавшись с Такаяма-сан мы решили, что с такой физиономией мне на роду написано быть комиком. Но тут помешал мой хокурикский[1] акцент, с которым никто не знал что делать... Акира-сан считал меня неотесанным чурбаном, да к тому же мешало то, что я отчасти презирал маэстро Фуками. И вообще, все они решили, будто я бесчувственный сухарь, не умеющий показывать свои эмоции...

Таким, как я, был и еще один тип по имени Дзиро, что приносило мне некоторое облегчение. Настоящая деревенщина из района Тохоку. Раньше он выступал в театре «Роккудза» и, по всей видимости, пытался попривыкнуть к сцене, но своих номеров не имел. Он хорошо и быстро запоминал монологи, которым его учил маэстро, однако на сцене самостоятельно придумать ничего не мог.

Однажды поздним вечером я вышел из театра и решил отправиться в храм Отори, что в районе Сэндзоку, желая посмотреть на божество Тигра. Помню, меня сюда приводили, когда я был мальчишкой, но воспоминания об этом почти уже стерлись из памяти.

Вдоль станции Тавараматы вплоть до конца Международного театра, у задней стороны храма Каннон[2] в Асакусе, от улицы Кототои до улицы Сэндзоку клубилась плотная

---

[1] Хокурику – экономический район на о-ве Хонсю, Япония.

[2] Каннон, одна из наиболее популярных бодхисаттв в буддийском пантеоне. Каннон – милосердная заступница, обратиться к которой за помощью мог любой человек. Каннон была способна к перевоплощению: к старику она приходила стариком, к монаху – монахом, к женщине – женщиной. Ранние изображения Каннон имели тысячу рук, причем считалось, что каждой из них богиня спасала грешника.

людская толпа, напоминавшая муравейник. Она образовалась в честь божества Тигра.

Да что ж это такое? Почему столько народа? Зачем эта человеческая волна двигалась в сторону Шестого квартала? Что за день такой особенный? Я пересек улицу Кототои, вышел на улицу Кокусай, и тут меня взяла злость. Одна сторона улицы, ведущая к храму с Тигром, состояла сплошь из открытых прилавков со всякими лакомствами: рядом с забегаловкой с такояки[1] продавали высококлассные сласти, выпечку с карамелью... Леденцы кинтаро[2] соседствовали с цветочной лавкой, жареный кальмар – с сырым... почти вся сторона этой улочки была сплошь занята едой!

Черт, что за наплыв людей?! Мне пришла в голову разумная мысль быстренько прошмыгнуть мимо по улице Шестого квартала. Ну и ну! Такого столпотворения тут не случилось бы, даже если б сгорели все театры в этом районе! Я продирался сквозь толпу, пыхтя и потея, – отвратительное чувство, должен вам сказать! На обратном пути я решил вернуться по другой улице, со стороны театра. Я даже зашел в забегаловку, чтоб съесть рамэн[3], надеясь, что народ схлынет, да чуть не уснул на месте. После, когда я прогуливался по торговым рядам, что тянутся с улицы Сэндзоку до улицы Хисаго, мне показалось, будто от угла театра в мою сторону направляется маэстро Фуками. Его дом находился недалеко от ули-

---

[1] Такояки – сезонное блюдо из кусочков жареных осьминогов в тесте.

[2] Кинтаро – многоцветные леденцы с личиком мальчика. Изготовляются с давних времен и поныне.

[3] Рамэн – пшеничная лапша-рамэн – один из самых дешевых продуктов, очень популярный среди молодежи.

цы Хисаго, как раз в том месте, откуда я начал свою прогулку с улицы Сэндзоку. Поскольку это была торговая улочка, особо удивляться не стоило, однако он и в самом деле шел мне навстречу. Я слегка смутился.

Поверх своего обычного полосатого костюма маэстро надел плащ, и походка его не была такой уверенной, как обычно, – мне он показался подвыпившим. Маэстро всегда покидал театр за полчаса до его закрытия, не приводя себя в порядок. Очевидно, по пути домой он отправлялся в какой-нибудь бар, чтобы выпить.

Увидев меня, он направился в мою сторону, нарочито громко стуча металлическими набойками туфель. В силу своего малого роста, маэстро почти затерялся в толпе...

– Вот так встреча! Тебя ведь зовут Такэ? Ты что, дурак? Зачем ты гуляешь в таком месте? Что, на Тигра решил поглазеть? Вот болван! И не смей мне врать!

– Конечно... простите!

– За что ты извиняешься? Небось, явился сюда, с такой подлой рожей, чтоб натворить чего-нибудь?

– Да нет... и в мыслях не было...

– Послушай-ка... ты есть хочешь?

– Хочу!

– Что будешь есть?

– Скорее всего, рамэн...

– Болван! Не ешь эту дешевку! Пошли со мной!

Не тратя лишних слов, маэстро резво двинулся на улицу Сэндзоку. Я опять пошел обратно, следуя за маэстро, клацавшего своими туфлями по мостовой. Мы вошли в ресторанчик в самом начале улицы – это был малюсенький и опрятный суси-бар, похоже, любимое место старика.

– О, маэстро! Добро пожаловать! – поздоровался с Фуками Сэндзабуро шеф-повар, нарочито громко произнеся слово «маэстро».

Похоже, в этих местах он был известен именно так. Перед ресторанчиком хотя и толклось полным-полно желающих поклониться Тигру, но внутрь никто не заходил. По всей видимости, это место посещали лишь завсегдатаи.

– Что ты обычно заказываешь?

– Хм...

– Что ты заказываешь?!

– Ну... кальмаров и осьминога.

– Балда ты! Не смей есть такую дрянь! Артист должен хорошо питаться! Заказывай что-нибудь получше!

– Да, но... у меня пока...

– Ита-сан, прощу прощения, но не могли бы вы подать еще один набор, такой, как у меня? – попросил маэстро Фуками.

– Ой... икра тунца, морское ушко с красными водорослями... мне сгодился бы и карась... – и тут передо мной оказались такие же суси, как и у маэстро.

Похоже, что это был самый дорогой набор!

– Красота! Ну, ешь давай! Хватит меня стесняться!

– Ну и ну... не может быть!

– Что ты мелешь, дурак, ешь давай! Ты, небось, тоже из бедной семьи? На что вы жили?

– В Адати[1] у нас магазинчик красок.

– Ах вот оно что...Ну, хватит, ешь давай!

Суси были в токийском стиле и очень вкусные. Мне предложили выпить пива, я повиновался и понял, что давно так вкусно не ел! Мой желудок слегка удивился и принялся издавать громкие звуки.

[1] Адати – район на окраине Токио.

– Да, кстати, как тебе работа лифтера?

– Как вам сказать... стараюсь, как могу.

– Интересно?

– Да нет, не особо...

Маэстро некоторое время молча разглядывал счет, и тут мне очень захотелось узнать его впечатления о моем дебюте. Я вовсе не напрашивался на то, чтоб меня хвалили, но так хотелось узнать об уровне моих способностей! Стоило ли мне и впредь продолжать это дело? Однако задавать вопросы, глядя в глаза маэстро, мне не доставало мужества.

– Ты упражняешься в степе?

– Да, хотелось бы поучиться и в другом месте, но времени не хватает...

Неужели маэстро заглянул в мою душу? С чего вдруг он завел такой странный разговор?

– Эй, Такэ, ты ведь знаешь типа по имени Акира? А ведь он черт-те откуда приехал, чтоб найти учителя, но ушел из театра... поговаривают, что выступает в мюзик-холле Мацутакэ, вот болван! Во что он ввязался с его-то способностями?! Что ему там делать? А всего-то десять лет у нас проработал!

Я молчал, не зная, что сказать.

– Хоть и хорошо играет, а тот еще подлюга! Было бы лучше, если б этот болван уволился пораньше! Как он меня просил дать отпуск, скотина эдакая! Я ему руку помощи протянул, а он предал! Я его во второй раз на порог театра не пущу!

Неожиданно для меня маэстро быстро захмелел – он всё повторял слова типа «болван» и «проходимец», и его облик здорово изменился. Сейчас он вовсе не походил на прежнего, честолюбивого и самоуверенного маэстро Фуками Сэндзабуро. У меня воз-

никло чувство, что это вовсе другой Фуками Сэндзабуро... Я больше не мог сопротивляться многократным предложениям маэстро вроде: «Ешь быстрее!» или «Ешь, ешь!», и наелся до отвала, слопав еще несколько порций суси.

Когда мы вышли на улицу, перед нами потоком шли люди с украшенными бамбуковыми граблями на плечах и подарками, обернутыми, как полагается в День зелени[1].

– Быстро иди в театр и ложись спать. И осторожно с огнем!

– Хорошо, маэстро, спасибо за угощение.

– Угу.

На прощание маэстро пожал мне руку, а в ладонь сунул деньги со словами «Держи, это тебе!» Я опустил глаза и увидел две сложенные купюры в тысячу иен.

Маэстро развернулся и пошел прочь пошатывающейся походкой, скоро он исчез в свете фонарей района Кисаката. Со спины он казался бессердечным и одиноким стариком.

...Это случилось утром на второй или третий день после той встречи. Меня позвали в гримерку, в которой я давненько не был. Так же, как и в первый раз, маэстро сидел на своем стуле в глубине комнаты, перед гримерным столиком тщательно накладывали грим Такаяма-сан и Дзиро.

– Маэстро, я пришел.

– Угу. С сегодняшнего дня этот негодяй Акира не будет сюда ходить. Он уволен. Я отказал этому своенравному типу, несмотря на его мольбы. Так что, Такэ, с этого дня ты получаешь повышение!

[1] Отмечается 29 апреля. В этот день по всей Японии сажают деревья.

– Что?..

– Будешь моим помощником, а насчет выступлений поговори с Такаямой и Дзиро!

– Да но... кто же тогда будет работать в лифте?

– В лифте?! Болван, опять попросишь тетку Цукахару! Сцена поважнее будет!

– А как же я?

– Такэ, ты что, глухой? Мы тебя берем на постоянную работу, – обернулся ко мне Такаяма-сан.

Смотрите-ка, я добился! Ха-ха-ха, с сегодняшнего дня я – актер! Мне хотелось прыгать от радости, но, постеснявшись старших коллег, я уперся глазами в пол, скрывая свою радость.

– Ты что, дурачком прикинулся? А ну быстро за дело! Через полчаса занавес поднимется!

– Ох...

– Такаяма, а в каком же спектакле участвовал Такэ, когда его приняли на работу – не в «Извращенце», нет? – задумчиво спросил маэстро.

Так началась моя карьера в театре.

Надо сказать, что должность помощника директора существовала в «Асакуса фурансу-дза» издавна – еще когда там был Отдел литературы. Человек, получивший эту должность, являлся важной фигурой в театре, занимаясь всем – начиная со сценариев и заканчивая повышением сотрудников. Помощник директора обладал серьезным влиянием.

Истории известно, что одновременно с Ацуми Киёси, комедиантом «Фурансу-дза», в 1957–1958 гг., помощником директора работал Хисаси Иноуэ, ставший впоследствии писателем.

Обязанности помощника были весьма многочисленны. Подъем занавеса, регулирование сценического расписания, подготовка реквизита, проверка порядка выхода и вызова на сцену танцовщиц (еще и приходилось подбирать за ними снятую во время выступления одежду), далее опека самих танцовщиц и мальчиков на побегушках, а помимо этого – все хлопоты, связанные со сценой и гримерными.

Если сравнивать работу помощника с работой лифтера, то это – все равно как день и ночь. Однако, хоть такая деятельность и была утомительной, она того стоила.

Первым делом мне надо было попасть к танцовщицам, которые расположились в четвертой гримерной – туда меня отвел старший ученик маэстро Такаяма-сан.

– Доброе утро! Я – Такэси, которого на днях повысили. Прошу любить и жаловать...

– А... так ты паренек из лифта! А ты постарался на славу! – наперебой заверещали девчонки.

– Точно, – отвечал я.

– О... да ты еще совсем молоденький! Ты тоже мечтаешь стать артистом? Наш старик, прежний помощник... тоже раньше был комиком. Но он уже ушел со сцены. Ты должен бережно приносить нам наши трусики! – И все они дружно расхохотались.

В гримерке танцовщиц повсюду висели роскошные наряды – черные вечерние платья, темно-красные костюмы с блестками, белоснежные одеяния с перьями... На принадлежности для грима были наклеены полосы бумаги с именами девушек, например, Кэй Аканэ или Мери Тацукава, на зеркальных столиках, что шли вдоль всей стены, в огромном количе-

стве громоздились розовые, белые и всевозможные разноцветные косметические средства. Танцовщицы ходили в одних пижамах или трусах и футболках, еще среди них были те, что сидя в юката[1], читали мангу или еженедельный журнал, были и такие, которые дремали или набивали рот пищей... В общем, как говорится, 10 людей – 10 цветов! Каждая была особенной...

Я и впрямь почувствовал здесь спокойную уютную атмосферу, какая бывает в родном доме.

Покинув гримерную, я отправился знакомиться в осветительскую, находившуюся на втором этаже зрительного зала. Тут попеременно работали два дяденьки-осветителя. На первый взгляд они ничем не отличались от рабочих сцены, но были необычайно энергичными. При моем появлении сложилась неловкая ситуация – так, как обычно бывает, когда заявляется новичок и все его разглядывают...

Ну, все, хватит... с сегодняшнего дня я – помощник директора! Я буду выполнять работу, непосредственно связанную со сценой. И в спектаклях мне дадут постоянные роли! Вот только некрасиво выходит с тетенькой Цукахарой... но хватит уже работать лифтером, наездился вниз и вверх! Черт, давай же, давай Такэ! Надо работать!

Меня просто колотило от восторга, и дрожь никак не унималась.

На часах двенадцать – как меня учил Такаяма-сан, я прошел в осветительскую. Закан-

---

[1] Юката – хлопчатобумажный халат с узким пояском, летний вариант национальной японской одежды. Часто используется в банях, гостиницах и летних фестивалях.

чивая приводить в порядок сцену после спектакля, я отключил провода и тут случайно нажал на кнопку звонка...

По всему театру прогремел оглушительный звонок, а после слова: «Простите за ожидание. Сию минуту вы увидите представление "Асакуса фурансу-дза!" Выступление всех звезд районов Канто и Кансай в незабываемом стрип-шоу! Просим вас расслабиться и досмотреть шоу до конца!»

Далее вступил записанный на пленку голос конферансье Такаямы и зазвучала мелодия к первому выходу танцовщицы. Я дрожащей рукой выдернул шнур...

МЕНЯ ОПЕКАЕТ ТАНЦОВЩИЦА АЯ СИНОКАВА

На меня, новоиспеченного помощника директора, не пойму с какой стати, обратила внимание танцовщица по имени Ая Синокава. Синокава, которой уже перевалило за тридцать, была какой-то там по счету женой маэстро Фуками. Она росла в префектуре Нагано в бедной семье и начинала карьеру танцовщицы тоже в полной нищете. Ая походила на женщину из хорошей семьи, опустившуюся до уровня стриптизерши, – стереотипная картинка обнищания. Даже после того, как она стала танцевать, на ее хрупкие плечи легла забота не только о родителях и братьях, но и о безработной младшей сестре с ее мужем.

Один раз Ая зачем-то позвала меня в свою гримерную, а когда я пришел – стала меня угощать. И так изо дня в день. Мол, я для тебя приготовила о-бэнто[1], съешь! Я заказала в «Тэнсё» тэмпуру[2] на рисе, поешь-ка! Я зака-

---

[1] О-бэнто – традиционный японский завтрак в коробочке. Берется с собой на работу, в школу или путешествие.

[2] Тэмпуру – овощи и креветки, обжаренные в кляре.

зала рамэн, попробуй! Я купила в супермаркете «Сампэй» сладостей и фруктов, поешь!

Видимо, она избрала меня своей жертвой, так как ей хотелось кормить кого-нибудь, как посетителям зоопарка хочется кидать бананы обезьянам...

Это заботливое создание так стремилось меня откормить, что я даже испугался!

Хоть я и сделал огромный шаг от работы лифтером до помощника директора, зарплата моя повысилась лишь на 500 иен, при этом один день изматывающей работы стоил 1500 иен. По утрам я заходил в кафе «Блонди», что наискосок от «Фурансу-дза» – там брал тосты по 250 иен; на обед я спасался лапшой с темпурой по 100 иен за пиалу в бистро «Ити-хати», что располагалось за обувным магазином; покупал сигареты, по вечерам пропускал стаканчик-другой и денежкам приходил конец... Все деньги полностью проедались, не оставалось ни сэна![1] Потому-то я и ходил вечно голодным, тощим, как дворняга... Так что от предложенной Синокавой пищи я и не думал отказываться. Все же эта еда не могла меня насытить, я не полнел, а только глаза начинали блестеть. А заботливая танцовщица вместо того, чтобы кормить дворовых собак, бесцеремонно и громко звала меня – «Такэ-э-э!..», не принимая в расчет, где я и что делаю в данный момент.

– Что?.. – покорно отзывался я.

Мне ничего не оставалось делать, как бросать свое рабочее место на нижней сцене и тащиться в ее гримерку.

– Что ты отзываешься таким дурным голосом? – спрашивала она. – Когда зову, сразу же приходи!

– А разве я не прихожу?! Зачем звала?

[1] Сэн – мелкая разменая монета.

– Такэ, на этой неделе у нас шоу со свечами, поэтому сбегай-ка и купи свечей. Они продаются в буддийской лавочке в районе Инари. Такие толстые, что зажигают перед статуей большого Будды.

Что же получается, я стал учеником не Фуками Сэндзабуро, а Ая Синокавы?

Шоу Аи со свечами получилось просто ужасным. Сюжет там следующий. Праведную монашку одолевает похоть, и она начинает самозабвенно онанировать в танце. Пляска онанирующей в темноте монашки со свечой в руке сама-то по себе возбуждала, ну а зрителей, безусловно, и вовсе должна была приводить в экстаз. Однако Ая умудрялась делать нечто в корне противоположное. Паникуя и спотыкаясь, она не только не возбуждала зрителей, но напротив – смешила их... Разлив нечаянно расплавленный воск по обнаженной груди, она громко вопила: «Ай! Горячо, горячо!» И, обогнув сцену, просила у меня, сидящего на месте помощника, сделать что-нибудь.

– Ая, ты слишком близко подносишь свечу! Держи ее повыше! – шипел я, однако, грудь Аи к этому времени уже вся багровела...

– Такэ, так нельзя – я вся в ожогах! Я не смогу выходить на сцену с этим номером! Со следующей недели надо придумать что-нибудь другое... да, именно так! Давай-ка покажем шоу с купанием? Раз так, то я смогу выпить любимого сакэ! Такэ, прикупи для шоу три бутылки!

На сей раз меня послали за сакэ...

Я всего раз видел это шоу с купанием. В кадку с водой усаживалась Ая с прической в стиле Симада, а затем она, в образе гейши, приглашала зрителя на сцену, просила поливать себе водой спину, затем в одном юката угощала его сакэ. Ая настолько точно передавала движения гейши, что если бы ее игру уви-

дела хозяйка борделя Асакусы, то она приняла бы ее за свою! Знала ли Ая об этом – неизвестно, но европейские танцы исполняла крайне редко, предпочитая японские.

Итак, начался последний день приготовлений. Наконец-то в театре после десятидневной подготовки наступил день премьеры, однако для меня, новоиспеченного помощника директора, это утро было безумным как во время пожара.

Не успев войти в театр, Фуками Сэндзабуро вызвал к себе в гримерную меня и всех актеров.

– На этой неделе в спектаклях как обычно будут задействованы четверо танцорок, приглашенных будет трое – итого семеро. Между танцевальными номерами будут 20-минутные скетчи. Такаяма, – следи за временем!

– Понял!

– Такэ, держи-ка это!

Маэстро всучил мне листы со списком выхода на сцену танцовщиц, рассчитанным на неделю. Первым номером выходила Кэй Аканэ, вторым – Рэми Икеда, третьим – Асабуки Дзюн, четвертым – Сава Каори, потом шел скетч «Извращенец», потом опять танцовщицы: Синокава Ая, за ней Мери Яги и Мацубара Михо. Из них четверо – Кэй Аканэ, Рэми Икеда, Синокава Ая и Мацубара Михо были лучшими танцовщицами «Фурансу-дза». С этой пачкой расписаний я пробежался по комнатам девушек и каждой приклеил по листочку на дверь, и то же сделал в осветительской и в кабинете директора.

Такаяма с Дзиро тоже занялись уточнениями деталей предстоящего спектакля – обошли все гримерки девушек, каждую попросили дать запись музыкального сопровождения их номеров на все десять дней. Заодно они записали продолжительность выступлений, костюмы и реквизит.

В первый день открытия сезона девушки заметно волновались, так что во всех гримерках стоял шум и гам. Когда я вернулся на свое место в зале, то вновь услышал привычный душераздирающий призыв Синокавы: «Такэ, Такэ!»

Гримерная Аи располагалась рядом с гримерной маэстро – это была большая комната на четверых. Когда я прибежал туда, то услышал:

– Такэ, прошу, помоги мне с завтрашним шоу с купанием! Вон там графинчики для сакэ – наполни их. Можешь для этого использовать воронку. Когда покончишь с этим делом, возьми там, в подсобке, чайник и вскипяти. Когда будет мой номер, вытащи кадку и быстро влей горячую воду, но только проверь сперва температуру! Понял меня? – Ая отдавала мне распоряжения и так обильно пудрила свое нежное личико, что ее было совсем не узнать.

– Господин новый помощник, неплохо бы нанять отдельного человека для госпожи Синокавы! – съязвила Сава Каори, чинившая свое платье за соседним столиком.

– Вот именно! Сколько ни прошу мне объяснить, чем занимается наш новый помощник Такэ, а он все недовольную мину строит!

– Да ничего подобного!

– Тогда почему у тебя такой невеселый видок, а?!

– А потому, что я не для того поступал в «Фурансу-дза», чтобы учиться работе помощника!

– А для чего тогда? Неужели актером захотел стать? Ты скажи лучше честно – не за наш ли счет вы набиваете себе желудки?! Разве все вы не за счет танцовщиц живете?! Разве зрители платят вам деньги не за то, что приходят поглазеть на нас – голых и показывающих свои прелести? – запричитала Синокава. – Эх, Такэ... рано тебе еще рот открывать, подожди лет де-

сять. А все потому, Такэ, что одной силой актерской игры вы сюда зрителя не затащите! И не болтай попусту про то, что в «Фурансудза» ваши скетчи интереснее танцевальных номеров! Если такое произойдет – мы вам просто в ноги бросимся!

На самом деле все так и было. В ответ на упреки Синокавы никто и не пикнул.

И вот наконец-то настал вечер представления. Зрителей было всего человек двадцать. Такаяма-сан дал звонок, приглашающий к началу действия, а когда занавес поднялся, на сцену в темно-красном вечернем платье вышла Кэй Аканэ. Это красное платье она попросила взаймы у отзывчивой Асабуки. Кэй пока была стажером, ее приняли в театр три с половиной месяца назад.

Движения Кэй, которым ее научил в тот же вечер хореограф Тамура Ясуси, были неуверенными, совсем как па на репетициях.

На каждую танцовщицу отводилось минут двадцать. Записей музыкального сопровождения у номера было пять или шесть. Все девушки начинали свой танец под первые две записи медленной музыки, а фишка номера заключалась в том, что во время танца с раздеванием включалась третья запись с более быстрой мелодией, под которую и происходило основное сбрасывание одежды. Четвертая мелодия также была медленной и создавала особый настрой, а на последней записи девушки раздевались догола, и все заканчивалось под весьма легкий, бодренький мотивчик.

Музыкальные предпочтения танцовщиц были разными: некоторые выступали лишь под «энка»[1], но встречались и любительницы лишь одних популярных певцов, другие танцевали

[1] Энка – жанр эстрадной песни.

под рок, поп, блюз, что имитировало атмосферу клубов «Ган-ган» или «Гоу-гоу»...

Кэй Аканэ, не привыкшая к высоким каблукам, шаталась и танцевала так, словно делала утреннюю зарядку под радио. На третьей мелодии она наконец-то сбросила с себя лифчик. Это вызвало робкие возгласы и всплеск аплодисментов зрителей. Все еще в свете прожекторов, Кэй стала медленно перемещаться в сторону места помощника.

– Простите, будьте добры, вот это... – Кэй сложила снятую одежду в кадку, какая обычно стоит в предбаннике.

Относить в гримерную одежду, снятую танцовщицами, тоже было делом помощника. Это занятие еще называлось «подбирание трусиков», так как помощник должен был подбирать не только снятую одежду, но и трусики. Синокава не то чтобы попрекала меня, но говорила, что за такую работу как-то раз один помощник получил надбавку к зарплате.

После выступлений Рэми Икеда, Асабуки Дзюн и Сава Каори наконец-то настал черед нашего скетча! Старшие коллеги Такаяма-сан и Дзиро также принимали участие в приготовлениях. Мне опять досталась роль трансвестита. На этой неделе маэстро не выступал, потому на сцене работали мы втроем – Такаяма, Дзиро и я.

– Эй, Такэ-сан, сразу же по окончании скетча выход Синокавы в шоу с купанием – не забудь вскипятить воду и подготовить кадку.

Ах, черт!.. При этих словах Такаямы я аж вспотел. Я живо принялся за дело: набрал воды в чайник по самый носик, поставил на большой огонь и зажег газовую плиту. Вытащил кадку и подготовил ее вместе с графинчиком для сакэ. После – полотенце для обтирания рук... Ну вот, все готово!

Я влетел в гримерку и стал переодеваться и накладывать грим для роли трансвестита. То ли от волнения, то ли уж не знаю отчего, но внезапно в гримерку заглянула Синокава в образе гейши (выглядела она отлично – нужно отдать должное ее безупречному вкусу), которая до этого момента никогда сюда не захаживала.

– Такэ, ну как, с водой все в порядке?

– Да-да, она сейчас греется. Сейчас двадцатиминутный скетч, так что, думаю, я как раз успею.

– Я же просила сделать это перед поднятием занавеса! Говорила же, чтоб ты вытащил кадку и сакэ на середину сцены, к пятачку, где сам шест! Постой, Такэ, что за грим у твоего трансвестита?! Прямо вылитый кочегар, который разгуливает по проспекту Хисаго! Да, что поделать – я в плохом настроении! Но так оно и есть. А твои ноги колесом... а волосы на ногах, как у медведя!

– Фу ты, забыл!

– То-то ты их сильно рассмешишь!

– Буду стараться!

– Да нет, не сможешь, куда тебе... Ты ведь плохо поел сегодня утром!

Наговорив гадостей, Синокава громко рассмеялась и пошла в свою гримерку.

Скетч «Извращенец» удался более смешным, чем обычно. Возможно, мы расслабились оттого, что с нами не было маэстро Фуками, и Такаяма и Дзиро могли, не стесняясь, импровизировать. Скорее всего, нас хорошо приняли, поскольку мы играли экспромтом и делали то, что сами хотели. И я придумал беспроигрышные импровизации и всякие словечки, чем продлил скетч аж на десять минут.

Заслужив смех и аплодисменты, дождавшись занавеса, я прямо в женском платье спешно приступил к приготовлениям для шоу с купанием.

На газовой плите уже вовсю кипел чайник, приподнимая бульканьем крышку. Я быстренько вытащил кадку на темную сцену, пока не подняли занавес, и сразу опрокинул кипяток вовнутрь. Во мраке сцены из кадки повалил пар. Растерявшись, я разбавил кипяток водой. Приготовил сакэ и как только разложил полотенца для обтирания, подал знак ждущей в кулисах Синокаве.

Свето-и звукорежиссеры, убедившись в моем исчезновении со сцены, врубили мелодию выступления танцовщицы и прожекторы. На сцене появилась ослепительная Ая в образе гейши. Похоже, что в зале было несколько ее поклонников, так как послышался оглушительный свист. Под первую и вторую мелодии она поразила всех своим танцем и, вдоволь усладив зрителей, стала спускаться в зал. И вновь послышался свист... Ая взяла за руку мужчину средних лет, с виду какого-то клерка, что сидел прямо в первом ряду, и вытащила на сцену. Взволнованный клерк, несмотря на то, что его вывели на сцену и освещали прожекторами, следуя указаниям Ая, ловко снял с нее пояс-оби, затем и узкий поясок-датэмаки. Получая огромное удовольствие, он помог Ая раздеться и войти в кадку.

Итак, Синокава должна была полностью оголиться и погрузиться в кадку. После продемонстрировать зрителям спину, затем наполнить чарочки для сакэ и направиться в зал, предлагая зрителям выпить.

Танцуя, Ая обнажалась, прикрываясь полотенцем. Кокетничая и одновременно медленно пятясь назад, она входила в кадку...

– Ай, горячо, горячо! – голая Ая запрыгала на месте.

Во время танца она присела на корточки и опустила руку в кадку, как бы проверяя темпе-

ратуру воды. Через некоторое время она с решительным видом собралась опустить туда ногу, но опять стала приговаривать «ай, ай»... а ведь должна была полностью погрузиться в воду!

Ая поправила узкий алый поясок и, танцуя, стала кружить вокруг кадки. То и дело касаясь рукой воды в кадке, она все порхала вокруг нее, а вода, похоже, и не думала остывать!

Клерк с жиденькими усиками, вытащенный на сцену, устало взирал на происходящее.

Разъяренная Синокава потихоньку, не прекращая танца, переместилась к месту на верхней сцене, где сидел я, одетый в платье.

– Такэ, болван ты эдакий! Я тебе не кочегар Гоэмон!!! С моей-то нежной кожей и в кипяток?! Воды, холодной воды! Неси быстрее, идиот!

– А... да-да, конечно!

Я в костюме трансвестита, едва переставляя ноги в туфлях на каблуках, потащился, чтоб набрать в таз воды. Приняв у меня таз, она танцуя, вылила воду в кадку на сцене и, продолжая танцевать, приблизилась ко мне. Я пододвигал Ае тазы с водой при помощи шеста. Вода с шумом выливалась в кадку... В парике в стиле Симада и одних трусиках, с сиськами напоказ, Ая танцевала и вновь повторяла это действо... И впрямь все это смахивало на тушение пожара в бане! Вконец разозлившись, усатый клерк решил спуститься со сцены в зал и оттуда со смехом наблюдал за происходящим.

Сдерживавшая поначалу смех публика, в конце концов, разразилась хохотом – послышались и возгласы: «Держись!» «Ну что, пока не можешь влезть?».

Но это еще не все... Наконец-то вода в кадке, по всей видимости, остыла, но когда Ая с шумом нырнула, внезапно на сцене зазвучала последняя звукозапись... а последним был танец начала шоу! Вот ей ничего другого и не

оставалось, как опять войти в воду и демонстрировать зрителям свою спину, а затем, обойдя сцену, обслуживать их! Бедняжка Синокава, задуманная ей сцена изящного омовения гейши развалилась...

Разумеется, по окончании выступления Ая затребовала меня в гримерку:

– Ну, Такэ!! Какое же удачное выступление ты мне устроил!

– Ая-сан, я очень виноват... но ведь зрителям понравилось!

– Болван, я ведь не скетч исполняла! Надо мной смеялись и хлопали! Я бегала вокруг кадки, приговаривая «ай-ай» – я тебе не енот с горы Кати-кати![1]

– Хи-хи-хи... – находящиеся в гримерке танцовщицы сложились пополам от смеха.

Ая высокомерно глядела на всех, но все нарастающий хохот никак не стихал...

– Такэ, ты все еще не понял, да?! Благодаря кому ты ешь свой хлеб?!

– Благодаря тебе, Ая, и таким как ты.

– И ты должен делать все как следует!

– Ладно, понял. Все понял!

– Кстати, Такэ, а что, мой танец имел такой успех?

– Да, зрители так вообще со смеху лежали!

– Неужели?! Аха-ха-ха! Раз и тут я сумела рассмешить их, тогда и я – в самом деле артистка Асакусы! Что ж, сегодня я наготовила рисовой каши с луком, так что, Такэ, и ты поешь!

– Как скажешь, Ая!

На этом ворчанье Аи завершилось, но после она вдоволь накормила меня обжигающе горячей кашей.

---

[1] «Гора Кати-кати» – японская народная сказка. Во фразе перекличка с героем сказки – енотом-тануки, который бегал кругами оттого, что заяц поджег вязанку хвороста у него на спине.

КАК Я БЫЛ ПОТРЯСЕН АКТЕРСКИМ ДАРОМ МАЭСТРО ФУКАМИ

По мере наблюдения за моей старательной игрой на сцене маэстро Фуками стал постепенно обучать меня новым сценариям скетчей. Он никогда не говорил мне ни слова – плохо я играю или хорошо – и я лишь мог догадываться, что он тайно восхищается мной. Так это и было. У самого маэстро уже в 16 лет была собственная труппа, гастролировавшая по Хоккайдо, Тохоку и даже Гавайским островам, и имя Фуками Сэндзабуро он придумал себе сам. Сейчас он занимал должность художественного руководителя стриптиз-театра и выступал в нем в качестве комедианта, однако раньше, по словам маэстро, был артистом мюзик-холла Асакусы – Фуками Сэндзабуро, не боявшимся и самого бога!

Маэстро сам никогда не комментировал игру молодых артистов, считая, что они совсем не понимают сути игры в театре-варьете.

– Незачем кому-нибудь видеть твою бездарную игру, парень! Забудь о сцене! – только и говорил он, если его пытались выспрашивать.

Несомненно, это было искреннее мнение.

Маэстро столь же придирчиво относился и к своей игре. Сам он ни разу не работал на сцене спустя рукава, однако, интересно, что он думал, когда играл с нами, своими молодыми учениками? Несомненно, маэстро был сложной личностью – он мог отказаться от спектакля лишь потому, что видел даже в самом пристойном сценарии и скетче вульгарность и низкопробность, а это могло испортить ему репутацию. Поэтому маэстро Фуками не выступал каждую неделю.

Наши же выступления ограничивались периодом, когда он использовал новые импровизации, а также выходными, праздниками и ярмарками в Асакусе – ведь тогда был сравнительно большой наплыв зрителей. Кроме того, маэстро говорил, что мы еще молоды и должны уступать сцену старшим, а во время наших выступлений запирался в гримерке, не желая даже взглянуть на происходящее. Или, к примеру, он ни разу так и не высказал нам своего мнения, чем же мы понравились или не понравились зрителю. Просто он любил сами спектакли, не помышлял о жизни вне сцены, поэтому даже когда он сохранял молчание, было заметно, что он все-таки понимает нас, молодых любителей поприкалываться.

Вот потому он, хотя и месяца не прошло с тех пор, как я стал артистом, вызвал меня к себе. Торопливо, словно прорвало дамбу, он стал предлагать мне на выбор новые роли: «Наводнение», «История про сутенера», «История о парализованном», «Воришка», «Попрошайка» или «Тапер» из «Истории братьев – полицейского и зазывалы», «Битва с фехтованием», ну и помимо всего прочего «История про чистильщика обуви», схо-

жая по сюжету с «Извращенцем»... Маэстро Фуками сперва сам продемонстрировал мне все эти скетчи, а затем показал мизансцены. Подобные скетчи по традиции издавна исполнялись в стриптиз-театре Асакусы. Оказывается, сценарии для них писались известными в прежние годы драматургами, но со временем они устарели, и артисты новых поколений постепенно стали привносить в них собственные шутки и импровизации – так эти пьески обретали вторую жизнь.

И мы делали то же самое. Разумеется, таким образом пьески дольше оставались злободневными... Если шутки начинали устаревать, то зрители больше не смеялись. Бывало и так, что даже с блеском сыгранные старшими учениками скетчи полностью проваливались и больше никогда не ставились на сцене театра.

В скетче «Наводнение» рассказывалось про двух мужчин, работавших строителями в маленьком городишке. Выдумав, что началось наводнение, они стали заглядывать прохожим женщинам под юбки – в общем, совершенно ненормальный с любой точки зрения и слишком старомодный скетч! Однако нам понравилась роль чересчур старательного провинциального работника Управления строительством в замечательном исполнении маэстро Фуками. Маэстро сумел от души воплотить в этой роли свой характер гадкого старикашки, что было интересно и смешно.

Суть в том, что эти работнички притаились на берегу, выдумав, что из-за сильного ливня произошло наводнение, которое разрушило мост. Мимо проходила девушка-селянка...

– Ты что, девушка, хочешь перейти через тот мост?! Туда нельзя! Нельзя! Ты что, газет

не читаешь? Вот потому и мир катится неизвестно куда – оттого, что есть такие, как ты, которые ни газет не читают, ни радио не слушают... Надо быть повнимательнее к обществу!

Короче говоря, вчера, поздней ночью, из-за ливня рекой смыло мост... Дура, вчера ночью ливень шел! Ты что, не веришь мне? Вот поэтому возникают всякие происшествия, что мы живем лишь своими заботами и ничем остальным не интересуемся! Куда это годится – отъедешь на сто метров, а там другой мир со своей погодой! Сколько раз бывало – в соседнем городе ни капли, а у нас ливень! Нельзя туда, возвращайся назад!

Что?! У тебя важные дела и нужно во что бы то ни стало перейти? Ладно. Для того мы и тут – два работника инженерных сетей, чтоб помогать попавшим в беду людям. Для тех, кто непременно хочет перейти на другой берег, есть лишь один способ – мы заранее понакидали большие камни в безопасное место в реке, там не такое сильное течение. Когда вода немного сойдет, можно будет по ним перейти на тот берег. Только по камням надо перейти быстренько, а не то тебя снесет течением и прибьет к устью реки, словно дамбу.

– Согласна? – наседали они на девушку. – Вон там камушки, видишь? И знаешь что? Чтобы аккуратно перейти реку, сперва поучись переходить ее тут, посуху. Мы будем камнями, а ты пройдись по нам. Чего ты стыдишься? Ты что, пренебрегаешь правилами строительного управления? Давай, это вопрос жизни и смерти! А ну-ка быстро подоткни подол юбки! Не будешь?! Ты кому не доверяешь, работникам Управления?! Нас же специально сюда прислали с поручением!

А ну-ка закрой рот. Быстрей давай. А теперь медленней, медленней раздвинь ноги, покажи трусики как следует! А теперь переходи! Вот так, вот так хорошо... Сюда, поближе, чтоб лучше было видно. А, хватит, хватит – камень уже затвердел... внизу уже все сплошной камень. Хватит, до сих пор достаточно! Остановись, больше не двигайся!

– Уууу, ууу... а я тебя легко уломал показать это мне!

И тут девушка убегала.

– А, вот опять, опять идет женщина! Айда за ней! – продолжали безобразники.

Ну вот, когда они увидели, что в их поле зрения якобы появилась еще одна девочка, ею оказалась старуха – на этой забавной ноте и заканчивался скетч. Зрителям особенно нравились места, когда артист изображал похотливого негодяя, накидываясь на девочек, не знающих о работниках из Управления: «А что ты не знала, что такое Управление?!» или «Ты кому не доверяешь – работникам Управления?!»

Скетч «История про сутенера» был не столько выдающимся скетчем из репертура «Фурансу-дза», сколько наиболее часто исполняемым на сцене. В этом скетче артисты разыгрывали умелый диалог сутенера с клиентом, и мне он очень нравился.

Лысый дяденька, назвавшийся председателем сельскохозяйственного кооператива г. Касукабэ, заглянул в Асакусу ради развлечения. Его цель – женщина. Вот он бродит в поисках женщины, давшей объявление в колонке знакомств в соответствующем журнале. И тут должен появиться сутенер. Этого лысого озабоченного дядьку из Касукабэ играл маэстро Фуками.

Когда с ним заговаривает сутенер, лысый дядька на секунду пугается, но сразу переходит в наступление:

– Фу, ну как же ты мне надоел своим «господин», «господин»... да ты ведь попросту сутенер! Я вас хорошо знаю – мне не впервой развлекаться в Асакусе! Стоит сюда прийти, так сразу ваш брат набегает! Тебе меня не провести!

Это еще что такое? Говоришь, такая же пухленькая девушка, как Коянаги Румико?! А есть такая же, как на обложке этого еженедельника? Ах, ты меня надуть вздумал?! Меня не проведешь! А ну взгляни на это: я – председатель сельскохозяйственного кооператива г. Касукабэ! Ты у меня попляшешь, когда я вернусь к себе! Обманывай таких же, как ты сам, а сельскохозяйственный кооператив не трожь! А ну, пошел вон! Мне не нужны услуги таких, как ты! Убирайся!

Да? А почему же там было написано «Коянаги Румико»? Что??? 20 000 иен?! Ну ты и дешевка! Если ты еще раз заикнешься об этом – разорву тебя на клочки! Обманешь – не прощу! Даже если ты предашь председателя, то страна меня не бросит! За мной стоит уйма политиков из парламента! Одно мое слово и таких, как ты, вмиг сотрут в порошок! Хватит мне врать! Ну, говори, есть девочка?!

– О нет, ведь сегодня, я, как представитель кооператива, могу опробовать ее! Я уже давно думал, а не провести нам вечеринку в Асакусе? Чтоб оградить нашу молодежь от таких пройдох, как ты, нужно все разнюхать. Ну, так есть такая же на самом деле или нет? Я про Коянаги Румико, что на развороте журнала, – так твердил председатель, искавший женщину.

Далее диалог продолжался в том же духе:

– Эротические фотографии? Дурак, опять надуть меня вздумал? Посмей только! Недавно вот купил журнал «Воздействие наготы», а там борцы сумо! Больше меня не проведешь!

Что-что? Есть черно-белые? Что, фотки белых и чернокожих? Негодяй, опять вздумал надуть жителя Касукабэ? Разве не так? Черно-белые говоришь? А что за черно-белые, интересно? Есть с лесбиянками? Покажи-ка мне «Хэкман»! Белая собака, черная собака, собака... женщина и собака, мужчина и собака, собаки спариваются... болван, ты в своем уме? У нас всюду в Касукабэ каждый день собаки спариваются! В моем-то возрасте специально платить деньги за картинки с собачьим сексом и пялиться на них?! А что там с женщинами типа Коянаги Румико? Ну что, есть или нет? Приведи-ка ее быстрей!

Женщина, наконец, появлялась.

В конце концов, сутенер ловко надувает своего клиента, – пройдоха обирает его до нитки, вплоть до портфеля и часов.

В этом скетче моими любимыми репликами были: «Я не такой мужчина! Ты на меня так не смотри!» – как он старался прикинуться джентльменом...

В исполнении мастера образ озабоченного старикашки, припертого к стене, получался еще более занятным.

Когда маэстро Фуками играл дядечку из Касукабэ как бы во время прогулки, живо представлялась реальная картина Шестого квартала Асакусы с подобными типами. Несмотря на то, что у партнера по скетчу не было реплик, я любил свое внезапное вступление с женскими рассуждениями о том, какие же гадкие эти ветреные гуляки.

Скетч «История о парализованном» был все о том же. Нашего дядечку из сельскохозяйственного кооператива г. Касукабэ все-таки заманила к себе продажная женщина, которую дома ждал парализованный дед. В общем, эта история о том, что женщина была вынуждена заниматься своим ремеслом на глазах у старика. Однако дядька из сельскохозяйственного кооператива выдал вот что:

– Я – старый извращенец и никак не могу так поступать с молоденькой девушкой! Вы, вероятно, заботитесь о родителях и усердно занимаетесь этим из добрых побуждений!

Ну и прочая болтовня, а чтобы скрыть сексуальную озабоченность, он хитро выстроил свои уловки и доводы. И этот скетч заканчивался тем, что секс с женщиной был сорван парализованным дедом.

Скетч «Воришка» – история с низкопробным сюжетом о том, как в гостиничный номер для новобрачных пробрался вор и в момент их первой близости собирается выкрасть личные вещи супругов.

В спальне молодоженов темно – хоть глаз выколи, весь свет прожекторов направляется на вора, так что вся соль в смешных репликах вора в спальне супругов. Сложность спектакля заключалась в соблюдении правильной пропорции между временем, которое актер тратит на диалог в сценке с первой ночью молодоженов, и той частью, где вор показывал ситуацию лишь нелепой пантомимой.

Что впечатляло в игре маэстро – это образ вора и грим. При слове «вор» возникает образ актера со ртом, обведенным чем-то черным, или шлемом на голове, однако вор в ис-

полнении маэстро Фуками всего-навсего носил куртку-хаори[1], небрежно наброшенную поверх поношенного джемпера, и на первый взгляд ничем не отличался от обычного служащего. Странно, что на сцене внезапно появляется персонаж в таком виде, ну и тогда всем зрителям становится понятно, что это вор. Яркий грим отсутствовал напрочь, лишь глаза, нос и рот были слегка подведены черным.

В скетче «Попрошайка» с участием Фуками Сэндзабуро, попрошайка совсем не выглядел грязным и несчастным – наоборот, его образ с чашей в руке и подстилкой, которую он волок за собой, в отличие от настоящих бродяг, был величествен и впечатлял зрителя.

Пока маэстро играл на сцене роль попрошайки, поддатая публика принималась швырять на сцену монеты или что-нибудь еще под видом милостыни, и я, ожидая в кулисах своего выхода, непрестанно поражался этому зрелищу. В этом скетче мне досталась роль вредного служащего, издевавшегося над убогим. В одной из сцен я был настолько жесток, что зрители из зала кричали в мой адрес что-нибудь резкое и злобное. Ну и конечно, я никак не мог соревноваться с образом величественного нищего, создаваемым маэстро Фуками.

Дальше шли «Тапёр» из «Истории братьев полицейского и зазывалы» и «Битва с

[1] Куртка-хаори – короткая мужская куртка в виде укороченного кимоно. Теперь ее носят изредка – в основном на народных гуляньях. Является повседневной одеждой ремесленников, хозяев и работников традиционных забегаловок, продуктовых и сувенирных лавок. Здесь подчеркивается принадлежность вора к низшему сословию.

фехтованием». Маэстро без капли сожаления и ревности ввел меня во все свои спектакли. Мнение о спектаклях с маэстро, как о претенциозных и посредственных, бесследно испарилось из моей головы. Он всегда стремился раззадорить зрителя, но его игра при этом была совершенно спокойной и неторопливой – таков стиль исполнения Фуками Сэндзабуро.

Во время скетчей всегда кто-то с шумом вставал и выходил из зала. В такие моменты маэстро не терялся – не переставая играть, он кричал, например: «Эй, ты, расшумелся-то как! Чего буянишь? Кто-нибудь, принесите-ка ему закуску!»

Зрители немели от удивления и терялись, не понимая, с чего это он затеял перепалку. Публика затихала, и в ту же секунду маэстро продолжал доигрывать свою роль, и срывал бурю аплодисментов и смеха.

Вот что-что, а общаться со зрителями во время спектакля я никак не мог, хотя всяческие подражания мне удавались мастерски. Удивительным было то, что зрителя действительно интересовал ход представления, оно вызывало неподдельный смех. Маэстро по ходу спектакля мог своей игрой развеселить самого нелюдимого человека.

– «Вы не надо мной смеетесь, это я вас смешу!» – эти слова Фуками Сэндзабуро, отражающие его актерский дух, сильно повлияли на мою дальнейшую судьбу.

Дух непревзойденных шуток маэстро... Мои собственные шутки, которые я должен был вставлять по ходу представления, чтобы рассмешить публику... Теперь я самостоятельно должен был продумывать спектакль, но как же я любил и восхищался уникальной игрой маэстро!

По мере постепенного заучивания сценариев представлений маэстро постоянно говорил: «Такэ, ты легко запоминаешь, но, импровизируя, слишком сильно соперничаешь со сценарием! Слишком уж хочешь себя показать».

В ту пору я бредил сценой и только сценой.

КАК В ТЕАТР ЯВИЛСЯ ИНОУЭ, ЖЕЛАЮЩИЙ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

один из дней в конце года меня вызвали в гримерку маэстро.

– Такэ, ты ведь хотел бы жить на квартире?

– А что, есть что-нибудь подходящее?

– Да, в моей развалюхе, то есть, во Втором доме Мацукура, пустует однокомнатная квартира – мне об этом сказал управляющий. Я сниму ее для тебя!

– Но, маэстро, видите ли... снимать...

– Ты о деньгах, так ведь? Плату за заселение внесу я, а ты отдашь мне с зарплаты.

– Хорошо, раз так, то...

Таким образом я покончил с жизнью в гримерке «Фурансу-дза» и стал жить самостоятельно в съемной квартире! Кстати, эта квартира во Втором доме Мацукура и впрямь была весьма в плохом состоянии. Второй дом Мацукура находился в Третьем квартале Асакусы, прямо позади банка «Фудзи», что на пересечении улиц Кототои и Сэндзоку.

На небольшом пятачке в ряд выстроились несколько зданий, на углу каждого из них располагались увеселительные заведения с гейша-

ми, японскими ресторанчиками, чайными домиками и Общество гейш «Кисаката». Днем здесь можно было услышать звуки сямисэна, на котором группка гейш разучивала мелодии, старинные стихотворения-коута, декламируемые нараспев сладкими голосками, а с наступлением сумерек лицезреть нескольких учениц гейш с традиционными прическами в стиле Симада, идущих на процедуру регистрации[1].

Несмотря на такую атмосферу, окружавшую мой нынешний дом, он все равно оставался мрачным, словно и не принадлежал к увеселительному кварталу. А моя квартира, как по заказу, сильно соответствовала моей жизни в Асакусе.

По рассказам маэстро, Второй дом Мацукура был выстроен Усити Мацукурой – президентом Азиатского театрального общества, заведовавшим делами «Асакуса фурансу-дза». Поэтому раньше этот дом использовался для нужд служащих общества – работников, танцоров и даже комедиантов «Асакуса фурансу-дза», – а после и как общежитие для взятых на службу по найму. Потом театральный «пятачок» в Шестом квартале потерял свою значимость, сократилось число сотрудников театрального общества и служащих в театрах, даже танцовщицы со временем стали жить самостоятельно, – и число обитателей общежития уменьшилось. Теперь там проживало больше обычных квартиросъемщиков, чем людей из театрального мира. По правде говоря, среди жителей пятнадцати домиков к

---

[1] Японская налоговая служба облагает гейш налогами. Имеется в виду регулярная регистрация или процедура постановки гейш на учет в налоговой службе.

театральным кругам Шестого квартала Асакусы имели отношение только я, недавно принятый на службу, маэстро Фукамис супругой и танцовщица Ан Нисияма.

Квартиры там были жуткие. С виду – крепкий четырехэтажный дом, на первом этаже даже располагался гараж, и архитектурный облик здания просто великолепный, но внутри... И стены, и лестницы прогнили настолько, что едва ли не обрушивались, в коридорах темнотища, хоть глаз выколи – совсем как в тюремной камере! В мою комнату на втором этаже прямо из прихожей вела лестница. Это была комната домоправителя размером в три татами. Меня поразило то, что она даже не запиралась на ключ! И мне ничего не оставалось, кроме как самому купить замок с кодом и повесить его на входную дверь. Получилось – как дверь в сокровищницу. Как-то я пришел домой вдребезги пьяным и здорово помучился с этим кодовым замком – я смог попасть к себе лишь минут через пять–десять!

К дверному проему моей комнаты примыкала жалкая кухонька, внутри имелось только одно оконце, совсем не пропускающее солнечных лучей. Плата за такое убожество составляла шесть тысяч иен в месяц, а с учетом платы за газ и воду – все девять! Дешево это было или дорого – не знаю, расчетов я не делал. Если говорить о расположении, то дом находился в центре города. Отсюда до театров Шестого квартала можно было добраться за пять минут, пройдя через проспект Хисаго. Моим единственным богатством стал подаренный маэстро Фуками жесткий свалявшийся матрас – так началась моя нищая жизнь во Втором доме Мацукура!

Именно тогда в «Фурансу-дза» заявился некто Иноуэ – паренек желавший стать пи-

сателем. Этот тип читал книгу Хисаси Иноуэ, «Последняя сделка господина Мокинг Пот»[1], написанную о временах его службы в Отделе литературы в «Асакуса фурансу-дза», и стремился достичь того же, что и автор книги. Когда я услышал, что этот парень учился на кафедре литературы в каком-то университете, то во мне все вскипело – а ведь и я до недавнего времени был студентом технического факультета университета Мейдзи, хоть и недоучкой...

Но потом я успокоился и уже в хорошем настроении сопровождал Иноуэ во время осмотра мест его будущей работы – осветительской и комнаты спецэффектов. На первый взгляд Иноуэ был всего лишь бледным, слабеньким мальчуганом с лицом вечного студента в очках в черной оправе.

– Я Китано, помощник директора. Все зовут меня Такэ, так что...

– А я – Иноуэ. Рад познакомиться. Мне бы тоже хотелось на должность, но пока определили в осветительскую...

– А сюда ты поступил для того, чтобы что-то написать?

– Да, это так.

– Напиши и для меня что-нибудь... скетч, к примеру, – я решил проверить новичка и несколько охладить его пыл.

– Нет, я никогда не писал скетчей.

– Ну а что же ты тогда пишешь?!

– Я пока не решил. Хотелось бы поучиться здесь всему понемногу...

Ни рыба, ни мясо... У меня возникло чувство, что передо мной попросту заучившийся парень, не знавший жизни, потому я решил немного сгладить свою резкость.

[1] Mocking pot (*англ.*) – усмехающийся чайник.

– А не выпить ли нам этим вечером? Как окончится представление, подваливай в гримерку!

Через некоторое время Иноуэ, закончив разбирать аудиозаписи, не спеша добрел до меня. Похоже, что в гримерных бывать ему еще не приходилось... Я предложил Иноуэ подкрепиться блюдом из овощей и выставил на стол две бутылки пива из ресторанчика «Цукуси», что в корейском квартале. Впервые за все свое пребывание в «Фурансу-дза» я угощал новичка! Иноуэ потягивал налитое мной пиво, прищурив от удовольствия близорукие глаза. Похоже, я проникся к нему симпатией, он показался мне простым, незаносчивым парнем.

– Может, пойдем куда-нибудь пропустить по стаканчику? Есть у меня на примете бар, что за храмом Каннон... идешь? Если что, можешь сегодня переночевать у меня.

Я повел Иноуэ в бар «Сакума», что располагался наискосок от больницы храма Асакуса на улице Кототои. Когда я отодвинул занавеску-норэн и открыл стеклянную дверь, то увидел, что на прилавке булькала огромная кастрюля. Вообще-то «Сакума» – самая обыкновенная рюмочная. Помнится, сюда меня впервые пригласил некий дяденька – мой поклонник. В то время у меня завелось уже несколько поклонников моих скетчей. Вообще-то это были старички-бездельники, любители театров, живущие в Асакусе, или постоянные зрители театра, которым нравился этот район. Тем не менее, не так уж и плохо принимать угощения от своих фанатов-покровителей.

Здесь Иноуэ, эдакий пай-мальчик, смог-таки расслабиться и проявил себя во всей красе.

– Какое вкусное блюдо и напиток!

Мда... судя по тому, как странно засверкали глаза Иноуэ от выпитого и как он посасывал ломтик лимона, вынутый из стакана, я понял, что в подобном месте он был впервые!

– Думаешь?

– Вам лучше знать, вы уже не раз приходили, а я тут впервые. Вот вы такой умный и интересный, а разве мы оба делаем не одну и ту же работу?

Глядя на него, мне представилась хозяйка рюмочной «Сакума» – девица из рабочего квартала с сильным токийским говором, – ведь подвыпивший Иноуэ больше не мог контролировать свою речь. Иноуэ сбивчиво продолжал:

– Я совсем недавно окончил университет – потому такой наглый. Когда учился в старших классах, был награжден медалью за отличную успеваемость!

– Ух ты! А с виду не скажешь... Мы оба молоды, но пока сам не попробуешь, не поймешь что это за работка – служить в театре!

– А... так ты хочешь стать актером! А я... В «Асакуса фурансу-дза» я пока стажер, но пришел, чтобы стать писателем! Хочу быть вторым Хисаси Иноуэ, но только не служить в театре! Кто знает, что по этому поводу думал сам Иноуэ? В нынешней Асакусе больше не увидишь Кин-тяна, вот и дуэт Дэнскэ недавно распался, а проспект Шестого квартала скоро будет выглядеть точь-в-точь как эта пустынная улица! Мы и впрямь как герои из «Опоздавшей молодежи»[1]. Ха-ха-ха, я это заметил, когда пришел в Асакусу, на то же самое я обратил внимание, когда пришел в «Асакуса фурансу-дза». И все же, именно под влияние этого района попадали разные

---

[1] «Опоздавшая молодежь» – роман писателя Кэндзабуро Оэ.

писатели – начиная с Исикава Такубоку и Нагаи Кафу, заканчивая Таками Дзюн, Сакагути Анго, Кавабата Ясунари и Кубота Мантаро. Несомненно, будущие великие писатели непременно должны жить в Асакусе! Вот если брать только Шестой квартал – в эпохи Мейдзи, Тайсё, английской конституции, европеизации появлялось множество актеров. Улицы театрального квартала Асакусы кишат душами покойных комедиантов, когда-то живших здесь...

– Что ты мелешь?! Пересказываешь где-то услышанные истории! Давай, Иноуэ, пей! Сегодня у тебя боевое крещение!

– Да-да, выпью, конечно!

Давно я не был в таком хорошем настроении – даже растраченная целиком зарплата не могла его испортить! Радовала мысль о том, что я наконец-то встретил человека подобного себе самому.

Не знаю, почувствовала ли наше настроение хозяйка бара «Сакума», но в итоге она позволила нам заплатить за трапезу в следующий раз и даже угостила изысканными деликатесами вроде супа из плавников кита и салата из водорослей с яйцом!

В конце концов выпивка нам опротивела – так настойчиво проявляла свое гостеприимство хозяйка. Мы с Иноуэ вышли из бара едва держась на ногах. С реки Сумида дул холодный ветер, но нам, пьяным, он не мог испортить настроение.

– Иноуэ, раз мы возле бодхисаттвы Каннон – пошли, поклонимся ей!

– Поклониться в пьяном виде? Хотя... хозяйка бара завернула нам остатки еды... Значит, у нас есть угощение? Тогда пойдем!

Мы пересекли улицу Кототои и вошли на территорию храма Каннон с задворков. В без-

людном саду темноту ночи нарушал лишь рассеянный свет фонаря – унылое зрелище.

– Иноуэ, помолись. Скажи: сделай так, чтоб я стал самым продаваемым писателем и таким же как Иноуэ Хисаси!

– Такэ-сан, ты что говоришь?!

– Можно просто «Такэ». И чтоб в «Фурансу-дза» привалила толпа зрителей, на радость маэстро Фуками! И чтоб мне стать таким же гением, как Фуками Сэндзабуро!

Черное небо низко нависло над божеством Авасима возле статуи Каннон и над шестиугольной крышей пагоды возле статуи божества Бэндзай[1]. Пьяные, мы по очереди поклонились бодхисаттве Дзидзо – хранителю монахов и детей, а также покровителю грешников вроде меня и пошли прочь.

Со следующего дня наша с Иноуэ жизнь завертелась колесом. Всякий раз после отыгранных скетчей я поднимался в осветительскую к Иноуэ, чтобы спросить его мнение о моей игре. Я был способен рассмешить парня, впервые посмотревшего мои скетчи, но многажды их видевшие именитые артисты даже не улыбались! Вот потому критика Иноуэ служила мне хорошим барометром. Если исполнять скетч, к которому потерян всякий интерес публики, то он непременно провалится. Само собой разумеется, я замечал, что на одни и те же импровизации реакция не всегда одинаковая. Если зал хорошо реагирует на двадцатиминутный скетч, его можно растянуть и на час, а когда этого не происходит, и к тому же в зале

[1] Бэндзай-тэн (божество красноречия) – у японцев входит в число семи богов счастья. Обеспечивает долгую жизнь, богатство, военные успехи, защищает от стихийных бедствий; дарует мудрость, красноречие.

нет твоих поклонников, то все заканчивается за пятнадцать минут. Не знаю, в каких именно случаях я напрягался больше, но изо дня в день все же выходил на сцену без страха. Если же меня охватывало беспокойство, я сразу шел с расспросами к Иноуэ, чтобы он мне растолковал, в чем дело. Иноуэ тонко чувствовал многие вещи и, в отличие от меня, воспринимал все по-особому. Если он не оправдывал плохую реакцию на скетч мрачным выражением лиц зрителей, я начинал понемногу впадать в панику...

После прихода в театр Иноуэ я каждый вечер репетировал скетч с танцовщицей-стажеркой. Наше время наступало после закрытия театра – с половины десятого вечера до одиннадцати. Мы разучивали новые импровизации скетчей, которые показал нам маэстро Фуками, и я отрабатывал шаги и прыжки, освоенные в школе степа. В это время Иноуэ сидел в зрительном зале и старательно таращил глаза на сцену.

Как-то раз после репетиции я пригласил Иноуэ в баню «Акэбоно» неподалеку от моего дома. После бани, как и было запланировано, мы отправились в рюмочную «Сакума». Обсудив мое неудачное выступление, мы выпили по рюмке дешевого пойла за сто иен, съели мяса с овощами и сразу же захмелели.

За это время Иноуэ, не без помощи маэстро, тоже получил комнату во Втором доме Мацукура. К своему неудовольствию, во время первого визита к другу я обнаружил, что его комната выше этажом и светлее, да и замок добротный. Еще этажом выше, в двухкомнатной квартирке жила чета Фуками. После переезда Иноуэ мы с маэстро совсем уж побратались и стали чаще выходить куда-нибудь вместе. После репетиций ходили в баню «Акэ-

боно», и стараниями хозяйки «Сакума» едва не стали завзятыми алкашами. Также ежедневно мы встречали рассвет, обсуждая мои выступления.

Не прошло и нескольких месяцев со дня появления в театре Иноуэ, как я заметил, что к нему весьма настойчиво стала клеиться одна танцовщица. Непонятно с какой стати, она принялась величать обычного осветителя Иноуэ с приставкой «сан» – «Иноуэ-сан, Иноуэ-сан»! Почему она обращалась ко мне просто «Такэ», а к его имени присовокупляла «сан» – лишь потому, что он выпускник университета?! Даже Ая признавала его превосходство! Были у нас тогда три сестры-танцовщицы по фамилии Асабуки – Рика, Дзюн и Маи, так именно эта младшенькая Маи, которой едва 16 лет исполнилось, звала Иноуэ так: «братишка Иноуэ»... Он что, ее возлюбленный, что ли?! Она постоянно торчала в его осветительской – аж противно было!

Для таких, как она, танцовщиц без образования, более-менее умный мужчина моментально становился объектом обожания. Психология у них была такая же, как и у старшеклассниц, которые без памяти влюблялись в учителя физкультуры – молокососа, только-только закончившего университет.

Причина заключалось в том, что воспитаны эти девушки были иначе и весьма странными людьми, которые смеялись над чувствами ранимых танцовщиц и втолковывали им, что они могут рассчитывать только на статус любовниц. На моих глазах девчонки превращались в полных дур, и я потихоньку начинал злиться.

В тот самый период Иноуэ внезапно заболел. Это случилось поздней ночью – меня разбудил громкий стук в дверь. Вечером Иноуэ отказался пойти выпить со мной в «Сакума» –

он был простужен и плохо себя чувствовал. Когда я открыл дверь, то увидел своего друга – он держался за сердце, прерывисто дыша, лицо искажала жуткая гримаса.

– Та... Такэ, прошу тебя...

– Что такое, что с тобой?! Сердце?

– Нет, это астма... приступ астмы. Прошу тебя, вызови мне врача... любого... того, что поближе... прошу...

– Вызвать «скорую»?

– Не надо... лучше сам меня отвези. Только быстро... прошу!

Тараща пьяные и сонные глаза, я выскочил наружу, поймал такси на улице Сэндзоку и попросил водителя остановиться перед нашим домом. Я усадил друга в машину, и через минуту мы уже были возле больницы храма Асакусы. За это время Иноуэ стало так плохо, что он не мог сделать и шага, а только тяжело дышал, широко разевая рот, откуда вырывались свист и хрипы.

– Простите, есть кто в этой больнице?!

Глубокой ночью я пытался докричаться до кого-нибудь, но в больнице, скорее похожей на монастырь, казалось, не было ни единой живой души. Стояла звенящая тишина, и только одинокий фонарь освещал входную дверь...

– Похоже, никого нет, Иноуэ...

Я всегда ненавидел больницы и, видимо, поэтому с самого рождения даже не простужался ни разу, разве что лечил кариес или грибок на ногах. Как-то раз вдохнул больничный запах хлорки и сразу наружу выскочил.

Я еще раз попытался дозваться хоть когонибудь, засунув голову поглубже в приемное окошко в воротах, но ответа не было.

– Мдаа, все-таки зря мы сюда приехали! В такой поздний час и врачи спят – неохота им выходить к нам. Давай завтра придем?

Оглянувшись, я увидел все также задыхающегося, скорчившегося от боли Иноуэ, и мне стало страшно настолько, что на секунду промелькнула мысль о том, чтобы бросить его тут и сбежать...

– Ду... дурак (хрип)! Здесь же больница (хрип)! Должен же кто-нибудь быть (хрип)! Позови погромче, понастойчивее (хрип)!

Я стоял молча, как истукан, а Иноуэ, борясь с приступом, сердито смотрел на меня... Ничего не поделаешь – я еще раз, из последних сил завопил. Вскоре из глубины помещений раздался голос медсестры, и, наконец, шлепая сандалиями, появилась и она сама.

– Что такое?

– Этот человек болен... я тут все связки сорвал, пока врача звал!

– Что у него болит?

– Говорит, что приступ астмы. Может, все это пустяки?..

– Ну, как вам сказать... – Низенькая, упитанная медсестра изобразила на лице растерянность...

– Пустяки, не умру (хрип)! Это приступ астмы, Такэ (хрип)! Тяжело как (хрип)!

Иноуэ, издавая страшные хрипы, смотрел в мою сторону, пока я говорил с медсестрой, но у него самого на лице было написано желание сбежать.

Врач появился как раз в тот момент, когда Иноуэ принялся хрипеть особенно громко.

– Что с ним? Приступ астмы, говорите?

– Да, вот у него. Да нет, ничего особенного!

– Так... он в плохом состоянии. Ведите его сюда – сейчас я сделаю ему укол!

Я бережно обнял друга за плечи и хотел было довести его до приемной, но Иноуэ отбросил мою руку и пошел самостоятельно – несомненно, он разозлился!

Из приемной Иноуэ долго не выходил. Я все думал, в каком же состоянии он выйдет оттуда, и тут на память пришли его слова о том, какой же я, Такэ, ледышка, ничтожество... и прочие его высказывания. Мне стало не по себе, но вспомнив о гордости, я решил все же дождаться его в комнате для посетителей.

Это я еще мог бы ему простить, это были пустяки, больше меня раздражали отношения в труппе, возникшие после прихода в театр Иноуэ. Моя популярность среди танцовщиц несколько снизилась, хотя Синокава по-прежнему продолжала закармливать меня вкуснятиной. Однако как-то раз она сказала: «А это ты поделишь с Иноуэ»... Каждая из девушек словно бы пыталась достать меня – особенно Асабуки Маи! Глядя мне в глаза, она без всякого стыда спрашивала: «Интересно, а братишка Иноуэ сейчас в осветительской?» или «В котором часу следующий перерыв у братишки Иноуэ?».

Почем мне знать? Лучше бы сами у него все спросили, чем меня донимать. Отовсюду слышалось лишь: «Иноуэ, Иноуэ...» Нет, ну скажите мне, что им нравилось в этом тощем, бледном как поганка парне?!

...Из приемной наконец-то вышел Иноуэ. Ого, чего это он?! Идет ко мне и улыбается.

– Такэ, как же мне было ночью плохо! Теперь я в полном порядке!

– В порядке, говоришь? А как же твой приступ?

– Укол помог! После укола приступ прошел моментально! Все позади, не волнуйся за меня! Я могу и пешком дойти. Ой, живот разболелся... может, хоть лапши поедим? Угощаю!

Ну и фрукт! Чем это он собрался меня угощать?! Медленно, мелкими шажками, прихрамывая, Иноуэ доковылял до нашего дома.

На следующий день с ним вновь случился легкий приступ, поэтому он остался дома. Вот с того времени весь ужас и начался...

Из-за болезни Иноуэ слег, и тут танцовщицы засуетились! Все вмиг скорчили ангельские личики и начали наперебой упражняться в милосердии: «Я буду за ним ухаживать!», «Я навещу его!»...

В обеденный перерыв все они, начиная с Синокавы и заканчивая танцовщицами, которые на тот момент не выступали, нагрянули домой к больному Иноуэ! Бесполезно было что-то говорить и тем более делать, потому я решил тихонечко выскользнуть за дверь...

Но что тут началось! Женщины доставали свои коробочки с угощением и заодно попрекали меня – мол, ах ты злишься, тебе завидно. Навещаешь больного, так делай это от души! Они натаскали всяческих вкусностей – дыню и виноград, бутерброды и мороженое. Нашлась и такая «сестрица милосердия», что собралась делать ему обертывания с перцем чили, якобы помогающие при астме, она даже специально заказала аптекарю перцовую настойку!

Бедняга Иноуэ, лежа на боку и хрипя, как накануне, благодарил каждую в отдельности. Малюсенькая комнатка в три татами вмиг стала наполняться разными ароматами – пудры, духов и другой косметики. Лицо Иноуэ, который задыхаясь, благодарил танцовщиц, с каждым мигом бледнело и бледнело.

– Так, идите вон туда, туда. Вы его убьете своими визитами! Нельзя же быть такими назойливыми!

Теперь я смахивал на врача на боксерском ринге, который при надобности просит остановить бой и оказывает первую помощь.

– Ой, надо же! При нас он перенапрягся, потому ему стало хуже! Скоро наш выход –

пошли скорей! – воскликнула Синокава и встала.

Остальные тоже повскакивали с мест.

– Иноуэ-сан, поскорее выздоравливайте! Маи-сан сейчас выступает, потому и не пришла, а так, очень просила передать вам привет! Поскорее возвращайтесь в театр! Как только выйдете на работу – устроим пир на весь мир у Фуку-сан! Она приготовит конину и рыбу «фугу»! Ну, мы пошли! – сказала старшая Асабуки и поправила украшение из перьев на своей дорогой шубе.

От подола ее шубы на всю комнату распространился аромат духов от Диор или чего-то вроде того. Пришли даже Рэми, Кэй и Мери Яги – что тут скажешь, люблю я этих цыпочек! Тут я разозлился и случайно пукнул...

Когда все ушли, возле кровати Иноуэ осталась уйма коробочек с гостинцами.

– А ты сможешь все это съесть?

– Нет! – покачал головой Иноуэ.

– Да?... И эту дыню тоже? Верно... зря они ее тащили. Ты ведь только воду и пьешь. Вот, как раз воды тебе принес – выпей! Ты не волнуйся, я за тебя все съем! Холодильника у нас нет, так что пока не испортилось, надо есть!

Иноуэ вытаращил на меня глаза: «Чтооо?!»

А мне хоть бы хны – лучше съесть, чем выбрасывать, разве не так? Так что я взял первую попавшуюся коробочку с самого верха – там оказались бутерброды, затем в ход пошли мороженое и дыня. В итоге я стал лопать все подряд без разбору, как заправский обжора.

Иноуэ смотрел на меня, выпучив глаза.

Когда я развернул гостинец Рики-сан, завернутый в платок, из-под него прямо мне под ноги выскользнул белый конверт. Что же это такое? Заглянув внутрь, я был поражен – там лежала купюра достоинством в 10 000 иен!

– Иноуэ, здорово-то как! Тут 10 000 иен! Если ты выпьешь сакэ на всю эту сумму – непременно выздоровеешь! Ну что, пойдем этим вечером в «Сакума»? Было бы еще столько же, так могли бы и вовсе упиться! Ааа, с твоим-то здоровьем ничего не получится! Ладно, я пойду вместо тебя и потрачу все деньги на себя! Ну что ж, отдыхай себе спокойно! Всех, угостивших нас, надо сегодня же поблагодарить. Если что – я в театре, звони туда! Ну, я пошел.

Пока я болтал, Иноуэ пытался что-то сказать, но лишь задыхался, хрипел и свистел – совсем как немой или впавший в кому старик.

Я схватился за живот – едва сдерживаясь, чтоб не расхохотаться.

Через определенное время я научился тянуть с танцовщиц деньги для болящего. Мы пропивали эти деньги, и Иноуэ заметно полегчало. Даже после его излечения мы бесконечно обсуждали то, как он смачно выпил все сакэ, которым я его угощал. Однако это вовсе не означало, что такой способ мошенничества всегда проходил бы с нашими танцовщицами – старыми, хитрыми лисами! Однажды вечером, как раз тогда, когда мы с Иноуэ были навеселе и брели в прекрасном настроении по улице Хисаго, мы столкнулись со старшей Асабуки.

Ни о чем не подозревавший и едва ворочавший языком Иноуэ громко поприветствовал ее.

– Ой, Иноуэ-сан, разве ты не болеешь?

– Болею?! Я здоров, как бык! И большое тебе спасибо за все!

– Такэ-тян, что же происходит? Вчера я дала тебе 500 иен, так? Верни мне мои деньги! Не вернешь – скажу маэстро Фуками!

Черт!!! Иноуэ, давай, изобрази прямо здесь и сейчас приступ астмы!

– Уф, дай мне время, хоть самую малость, я с зарплаты сразу же верну!

– Только сразу же! Обманешь – не прощу!

– Да-да, сразу же верну, непременно верну! – заверил я девушку, и мы распрощались.

– Ты что, Такэ, что ты такое болтаешь? Ты взял в долг у танцовщицы?! Так не пойдет – брать в долг на выпивку... а если об этом узнает маэстро? Выгонит ведь! – Наивный гуманист и полный болван Иноуэ завел дурацкий разговор, не понимая самой ситуации.

– Заткнись, болван! Иноуэ, заткни же ты глотку!

– Такэ-тян, ты же давал обещание!

– Давал, безусловно, давал! Ты только при маэстро не ляпни, прошу!

Тем холодным зимним вечером я обильно обливался потом... В итоге, я провел Асабуки – деньги так и не вернул, всячески постаравшись замять эту историю.

Танцовщицы всегда были снисходительны к нам, молодым комедиантам!

МНЕ НРАВИТСЯ АРТИСТИЧЕСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО МАЭСТРО ФУКАМИ

По заведенному обычаю мы каждый вечер встречались с Иноуэ и направляли свои стопы в сторону питейных заведений. Не знаю, с чего бы это, но по вечерам нас стал приглашать на выпивку и маэстро Фуками. По словам самого Фуками, он делал это, беспокоясь за нас, – мол, натворите еще глупостей где-нибудь! Он говорил, что идет с нами лишь для того, чтобы присматривать за шалопаями как родной отец. Так это или нет – не знаю, но на самом деле, что бы он ни говорил, мы знали одно – маэстро Фуками был одинок! Не исключено, что он нуждался в собутыльниках...

Маэстро всегда приходил в театр чуть раньше нас, домой он также возвращался раньше нашего, не передохнув и минуты. Похоже, маэстро вычислял, когда мы закончим репетировать и возвратимся домой, – чувствовалось, что он с нетерпением ожидал нашего прихода, так как всегда заявлялся в одно и то же время с приглашением выпить.

– Такэ-э-э! Пошли в баню! – послышался как-то зов маэстро на лестничной клетке.

Когда мы с Иноуэ выскочили из своих комнатушек с мылом и полотенцами, то перед нами предстал поджидающий нас маэстро в халате и банных шлепанцах, в руке он держал таз. Мдаа, впрямь как школьный друг из соседней квартиры!

– Маэстро, простите за ожидание!

– Да ладно вам! Просто пораньше возвращайтесь домой!

– Дело в том, что мы... маэстро, мы теперь изо всех сил репетируем...

– Что это вы репетируете? Я же сказал – только через десять лет! Ну, если идем в баню, то пошли, наконец!

– А куда мы пойдем?

– Болван! Хватит придуриваться! Небось, каждый вечер напиваться вам не противно?! Я как следует все разузнал – так что все хорошо! Сегодня я приглашаю!

– Ах, вы заплатите? А с вами все в порядке?

– Что значит «все в порядке»?!

– Да нет, я хотел поблагодарить, хотя... маэстро, кстати... я еще раньше это заметил... что случилось с вашей головой?

– Уф, достал ты меня! Все со мной хорошо!

Однако выглядел маэстро жутковато. По его лицу до самого подбородка стекала какая-то черная жидкость. Слишком странная, чтобы быть пóтом, но и для крови слишком черная. Когда я присмотрелся как следует, то понял, что это краска, которой он закрашивает седину! Все-таки он был поистине артистической личностью в отличие от многих своих современников. Маэстро не забывал обращать внимание на свой возраст и стиль. Когда в бане он вспенил голову шампунем, то его волосы вновь стали черными, как у тридцатилетнего мужчины.

Его утонченность заключалась не только в этом, но и в манере пить спиртное, как, впро-

чем, и другие напитки. Я и часа не выдерживал в его компании.

Он водил нас по всяким дорогим ресторанчикам, которые нам были не по душе – нас уже тошнило от них, но он, куда бы мы ни зашли, повсюду проявлял такую заботу, что нам было неловко вести себя так, как мы привыкли. Стоило войти в какой-нибудь ресторанчик, как Фуками сразу начинал: – «А ну, ешьте и пейте, да только быстрее!» – такими приказами он постоянно подгонял нас, и это было невыносимо!

Он не давал нам возможности расслабиться и не спеша выпить.

Точно так же случилось и в ресторанчике «Итадаки», куда он как-то раз любезно нас пригласил. Хозяйкой этого заведения оказалась на удивление аристократичная и образованная дама, что было большой редкостью в Асакусе. Той ночью маэстро угощал нас сакэ. Мы ненадолго присели к барной стойке. Похоже, и этот ресторанчик со старых времен являлся излюбленным местом отдыха театралов, писателей и деятелей культуры в Асакусе. Кажется, наш маэстро Фуками и тут был завсегдатаем.

– Ах, маэстро, давно же я вас не видела!

– Что это ты говоришь? Разве я не чаевничал здесь днем?

– Да, но видеть вас так поздно весьма непривычно! А, вы сегодня и гостей привели?

– Ааа, это мои ученики. Дорогая, накормика этих двоих чем-нибудь!

– Да-да, молодые люди, вероятно, голодны?

– Ну, что заказывать будете? Если собираетесь делать заказ, то поживее! Хозяйка с ног валится от усталости! Голодные? Если так, то живо, живо!

И это притом, что нам так и не удосужились показать меню!

– Ну... жареных устриц и бутерброды, пожалуйста.

– Не желаете ли салата? – спросила хозяйка, уроженка района Нихонбаси, выросшая на Гиндзе.

Тут включился маэстро:

– Какой еще салат?! Еще салата им не хватало! Им лишь бы перекусить по-быстрому! Как не стыдно требовать излишеств – разве этим вы не обременяете хозяйку?

– Ну что вы, ведь готовлю не я, а шеф-повар! А что будете пить – пиво?

– А вот об этом не меня спрашивай! Выбирайте, что хотите! Ну, что будете пить? Что?! Виски с содовой?! Я тут пиво пью, а они... Ну да ладно, пейте, что хотите. Дорогая, прости за беспокойство, налей-ка им виски с содовой. Нынешняя молодежь и впрямь обнаглела – раз угощают, так все можно! Плохо это, дорогая!

Маэстро угощал нас по полной программе – куда бы мы ни зашли, так было всегда. То и дело нахваливая еду, он посматривал на нас, уписывающих угощение за обе щеки, с большой радостью.

Так было и в суси-баре «Токудзуши», что на улице Сэндзоку, куда он нас отвел на днях. Там его всегда приветствовали, как «маэстро», чему он заведомо радовался, поэтому мы увидели мгновенное перевоплощение из старика в халате и шлепанцах в денди с черными напомаженными волосами. Облик маэстро Фукамы, стучащего каблуками туфель по улице Хисаго, с рукой, засунутой за пазуху, был величествен – аж дух захватывало!

Без сомнения, в юности маэстро был симпатичным малым, а еще я узнал от гейши Асакусы, будто в одно время он покорил всех как певец. Однако по возвращении с Сахалина в Токио, он более десяти лет не покидал преде-

лов Асакусы. Маэстро не мог даже сесть в электричку линии Яманотэ! Так что его все знали, и куда бы он ни попадал в Асакусе, все его окликали «маэстро, маэстро», а местные якудза даже побаивались Фуками Сэндзабуро! Мы же являлись полной его противоположностью – я, нищий и выглядевший черт знает как мальчишка, и Иноуэ, бледный и тощий, как тыква-горлянка, мы тащились вслед за маэстро... жалкое зрелище!

Куда бы ни заходил Фуками Сэндзабуро, всюду его привечали, потому он всегда был в хорошем расположении духа. Несмотря на наш несчастный вид, он все равно брал нас обоих с собой.

Так уж повелось, что в суси-баре мы заказывали мясо тунца, просили поделить его на 3–4 части, как закуску к пиву, после чего съедали по 2–3 о-нигири[1]. На это маэстро реагировал следующим образом:

– Ничего себе, какие же вы проглоты!

– А что, разве нельзя? Обычно мы в таких местах одни суси и едим!

– Что ты мелешь, болван?! А теперь-то зачем стесняться? Заказывай все, что хочешь!

– Что ж, раз вы так любезны... пожалуй, закажу себе каракатиц и осьминога. А ты, Иноуэ?

– Идиот! Все время ему талдычу, а он... говорил же, чтоб ты не смел заказывать такие дурацкие блюда! Артист должен лучше питаться!

– Ну и что, по-вашему, тут хорошее? Я ведь впервые в этом суси-баре.

– О, нет! Что же мне с вами делать?! Ты ешь рыбу? Тогда закажу тебе то же, что и себе! Так-то будет лучше! А Иноуэ отведает икорочки!

– Т-т-такие дорогие блюда! На-н-нам?

[1] О-нигири – рисовые колобки.

– Дурак! Как же вы заблуждаетесь! Мне противно оттого, что вы, в отличие от меня, едите всякую дрянь! Вот я, Такэ, я ненавижу то, что делал один довольно популярный когда-то учитель – своего ученика, с которым он дружил, он оставлял ждать снаружи, пока сам в одиночку выпивал. Кормил его отвратительно, а сам лакомился на славу! Такое свойственно лишь деревенским болванам. Так что, когда мы пьем – вам лучше прикусить языки и пить со мной!

Как бы маэстро не был груб в разговоре – с официантами он всегда говорил ровным тоном. А также всегда входил в чужое положение, что обычно проявлялось в обильных чаевых. И он еще так шиковал, несмотря на малочисленных зрителей и небольшой доход театра! Хоть мы и были вместе с ним, но чувствовали себя как-то неуютно...

– Дураки, зря вы так нервничаете! Ведь тут не обсчитывают!

– Маэстро, вот вы говорите, не обсчитывают... а вот почему это вы на днях выложили целых 10 000 иен, хотя мы и на 5000 не выпили? Какое же это расточительство – сдачи не брать! Что вы деньги на ветер выбрасываете? Так и обанкротиться можно!

– Хватит, хватит, дурак ты эдакий! Артисту такое позволительно! Я этих денег уже много на ветер выбросил! – маэстро просто вскипел от такой моей дерзости.

– Иноуэ, а ведь это и на самом деле расточительство! Давать на чай 5000 иен! Маэстро, вы бы нам дали по 2500 каждому! А в следующий раз, будьте добры, выдавайте сумму за угощение!

– ЧТО?!

Я так обнищал, что и самой лютой зимой ходил голодранцем – прямо поверх обычной

белой футболки надевал кожаную куртку, к джинсам – спортивные бутсы. Летом мой гардероб отличался лишь тем, что я носил то же, но без кожаной куртки. Всюду – и в бар, и в забегаловку – я являлся в одной одежде. Возвращаясь пьяным, я прямо так заваливался спать, а проснувшись – шел в театр в том, в чем спал. Если шел дождь – моя мода не менялась! Маэстро никогда не выговаривал мне за такой вид, но, когда я приходил неопрятным или грязным, то тут он начинал сердиться в присущей ему манере.

– Такэ, как бы ты ни бедствовал, внешность – это неотъемлемая часть артиста. Сыт артист или нет – неважно, главное, чтоб он тратил деньги на одежду! Что там с твоим желудком – никому, кроме тебя, знать неинтересно, а вот как ты одет – всем в глаза бросается!

– Да уж...

– Главное – это обувь! Обувь всегда должна быть новенькой! Люди ведь всегда на ноги смотрят, поэтому покупай только обувь, но добротную! Носи самую лучшую, такую, что покупают только для посещения театра. Тогда и будет видно, что ты артист! Жаль, что в нынешней Асакусе не осталось ни одного настоящего артиста, чтоб ты смог понаблюдать за ним!

К сожалению, маэстро был совершенно прав! Артистов из театра Мацутакэ, разгуливавших по Шестому кварталу было много, но артистов, одевавшихся со вкусом, как это делал маэстро Фуками, маловато...

Артисты мандзай и комедианты, бродившие по Шестому кварталу, преспокойно носили себе костюмы десятилетней давности. На сцену они выходили в галстуке-бабочке и дешевеньком смокинге, а после выступления переодевались в неизменные клетчатые рубахи,

изредка натягивали поверх пестрые свитера. Когда эти ребята вышагивали в белоснежных лакированных туфлях, то нелепая разница была очевидна, короче, в модных вещах они ничего не смыслили!

Если они становились крутыми артистами, то начинали щеголять в расклешенных джинсах и лондонских ботинках[1], хотя так одевались самые продвинутые хвастуны. У некоторых особо драчливых парней возникало желание поддать им хорошенечко под зад. Не менялись лишь деревенщины, приехавшие осмотреть столицу. А у начинающих артистов не хватало вкуса даже на школьный блейзер... От этих размышлений у меня и впрямь всякий раз начинала болеть голова!

Вот раньше, молодые парни и девушки, так называемые щеголи и щеголихи, в основном группками, тусовались именно в Асакусе. Этот район был средоточием всего самого модного – взять, к примеру, эстраду, спектакли или стиль одежды. Одним словом, все – от ресторанов до увеселительных заведений. Эти самые модные молодые люди обязательно заявлялись в Асакусу, как бы соревнуясь друг с другом в продвинутости. А сейчас что? Одни старики и деревенщины! Асакуса здорово отстала от моды и скатилась на последнее место среди всех токийских районов.

Сейчас перед моими глазами разгуливают лишь такие, как я, голодранцы, а артисты Асакусы проходят мимо них, как бы извиняясь. Когда я задумывался над тем, что и я вхожу в число неимущих артистов, то чувствовал себя

[1] London Boots (*англ.*)– известный бренд в Британии по производству кожаной обуви и курток для рокеров, хиппи, в том числе сценической обуви и костюмов.

опустошенным, как будто весь воздух из меня выкачали, но ничего не мог с этим поделать...

Именно поэтому моим теперешним спасением стал моложавый дух маэстро Фуками, не растерявшего былое щегольство. Даже днем в театре маэстро не забывал о стиле – к красному джемперу он надевал красные носки и сидел в гримерке в хорошем расположении духа, флиртуя с молоденькими стриптизершами. А маэстро, отправляющийся в бар, – это просто загляденье! Красавец-мужчина. Поверх красного джемпера, хоть он был для него ярким не по годам, пиджак с двойным рядом пуговиц. Весь его облик излучал уходящую прелесть старой Асакусы, и мне это очень нравилось.

– Такэ, я иду в чайный домик. Пойдешь со мной?

– Да, я как раз собирался. Дайте мне мою долю денег.

– Фу, опять ты за свои дурацкие штучки! Хочешь денег – ищи соответствующую работу! Хватит болтать, пошли!

– Иду, маэстро, иду. Как раз время пить чай. А куда идем? Вот в «Блонди» и «Итадаки» вас все приветствуют «маэстро, маэстро»... а давайте пойдем туда и поедим чего-нибудь? Вас все равно даром угостят!

– Вот болван, навязался на мою голову! Кто тебе сказал, что там угощают едой или хотят, чтоб я приводил и приятелей? Так не пойдет, хватит уже! «Ой, мне плохо!», «ой, голова болит!», «ах, у меня температура!», «умираю, вызовите врача!»... Знаешь, лучше вам со мной не ходить! Дурак я, кто ж таких с собой водить станет?!

И внезапно маэстро куда-то испарился...

КАК Я РАССТРОИЛСЯ, УЗНАВ О СТРАСТИ МАЭСТРО К АЗАРТНЫМ ИГРАМ

Когда Фуками Сэндзабуро находился в своей гримерке, он преображался на глазах – вел себя презабавно и очень оживленно. Придя в театр и переодевшись, маэстро усаживался в глубине мужской части комнаты и весь день смотрел телевизор или резался в карты, а то размышлял – на какую же лошадь ему поставить. Изредка он мог попросту разлечься на диване в гримерке и ничего не делать, помимо выхода на сцену, разумеется. А во время просмотра телепередач о животных, маэстро, большой их любитель, принимался громко рассуждать по поводу увиденного и восхищаться:

– Слушай, Такэ, странно ведь как, а? Хоть эти твари живут на одной планете, а какие все удивительные, правда? Вот почему на этом свете есть такое животное как слон? Странно, да?.. Ты когда-нибудь задумывался, почему цветы такие красивые?

Ну а если сказанное диктором приходилось ему не по душе, то тут такое начиналось!

– Дурак! Идиот! Такэ, быстро, звони на телевидение! Как можно подпускать к програм-

ме такого остолопа! Позвони и скажи, чтоб его сняли с этой передачи! Пускай увольняют этого диктора! – вопил он, обращаясь к картинке на экране тем тоном, каким обычно он и шутил, и злился.

В следующий миг на экране появилась девица в мини, и тут наш ворчун припал к низу телевизора с возгласами: «Смотри, она показывает, что у нее под юбкой! Хоть исподтишка, а ведь показывает! А ну танцуй здесь! Вот, подпрыгнула, и показались трусики!»

И Фуками мгновенно превращался в похотливого старикашку, чем очень меня шокировал.

Еще смешнее общения с телеэкраном были фокусы с пальцами левой руки. Маэстро потерял половину фаланг четырех пальцев на левой руке вследствие несчастного случая. Во время войны он устроился на завод по производству военного оборудования, где работал на токарном станке, и ему случайно затянуло руку в механизм и начисто оттяпало два сустава четырех пальцев, начиная с указательного и заканчивая мизинцем. После войны маэстро скрывал свою травму от зрителей первых рядов, отдаляясь в глубь сцены. Подробностей сверх того, что мы знали, он нам не рассказывал.

Однако иногда маэстро подшучивал над собственным недостатком в импровизациях во время выступлений. Это была просто умора! Поначалу он резко отнимал левую руку от головы со словами: «Ха-ха-ха, пальцы в голову вонзились!», или весьма странно шутил с ребенком одной танцовщицы: «Сейчас дядя покажет тебе фокус! Ахалай-махалай... ой, я себе пальцы откусил!».

Он сам смеялся в скетчах над своим увечьем и потому этот смех шел от души.

Потом пришел мой черед репетировать скетч маэстро с пальцами и привыкать к этому неудобству. Поэтому, когда мне удавалось застать маэстро за питьем стакана молока, который он держал в левой руке, я учился его копировать. А когда он притягивал к себе столик обеими руками, тот, как нарочно, запрокидывался именно слева.

– Маэстро, пошли, поплаваем вместе! Наверное, когда вы плаваете кролем, то вас все время налево заносит!

– Ах ты, сукин сын! Опять издеваешься над моим увечьем! Хоть я и беспалый, а на спор могу переплыть кого угодно – такой я быстрый! Жаль, что проигрываю из-за того, что не удается быстро дотронуться до финишной отметки – разница ведь в длине пальцев! Жаль, жаль! – показывал он на изувеченную руку и притворно всхлипывал.

– Такэ, если бы не эти пальцы, то и меня бы показывали по телевизору и не только вместе с Юри Тоору или Саяма Сюндзи[1], но вот руки, руки... я ведь не Ногути Хидэё![2]

Рассуждая таким образом, маэстро непременно выходил на сцену, обернув левую руку марлей. Маэстро Фуками так искусно прятал руку в марле, что зрители почти ни о чем не догадывались.

Как-то раз я, а я – хулиган известный, желая пошутить, перепрятал только что выстиранный и просушенный бинт, чем очень разозлил маэстро. Несмотря на обиду, он не растерялся – в импровизациях изображал левой рукой игру на гитаре или на барабанах-бонго. Мы все могли наблюдать его смешную и искусную игру.

[1] Известные японские пловцы.
[2] Учёный-бактериолог.

Фуками Сэндзабуро умел играть в любые азартные игры – маджонг, го, сёги[1], карты, но чаще всего я становился его партнером именно по игре в карты-ханафуда[2]. Наша совместная игра не просто выводила нас обоих из себя, а порождала огромное желание поубивать друг друга. Зная, что у меня нет ни гроша за душой, он без жалости швырял мне мелкие деньги.

– Такэ, это карта «кои»! «Кои», я говорю!

– Черт! У тебя и так карты «акатан», а ты все жадничаешь! Скряга, прямо как старик!

– Что ты там бубнишь себе под нос?! Ты ведь выиграл 1 мон[3] и 10 иен! Ну, скажем навар не большой, да и нет у тебя карт «санко» или «сико»... а, вот и они!

Таким образом я много раз надувал маэстро в карты, но когда дело доходило до карты «кои», то тут я сдавался!

– Вот десять карт «касу», начинаю играть с 1 мона!

– Эээ, нет, нет, нет! Ха-ха-ха, сожалею, господин Китано, но это отпечатано вручную или попросту узорчатая бумага! О, полный комплект «аотан»! Ну-ка, ну-ка, что это у нас? Гляньте-ка, даже комплект карт «иносикатё»! Ха-ха-ха!!! Ой, не могу остановиться – так смешно! В итоге у нас пятьсот карт?! Ха-ха-ха!!!

Уфф... пытка – это еще мягко сказано! Внезапно маэстро начинал меня мучить, словно в

[1] Перечисляются популярные настольные игры.

[2] Карты-ханафуда – карточная игра с изображением цветов, деревьев или животных. Названия карт приводятся в оригинальном произношении, т. к. не существует их русскоязычного аналога. Каждый вид карт имеет до 10 подвидов.

[3] Мон – мелкая монета, грош.

него вселялся злой дух или он становился беспощадным самураем. И впрямь, если давать кому-нибудь роль злодея, то только Фуками Сэндзабуро, тут ему не было равных на этом свете! На сцене – это само собой разумеется, но и в гримерке маэстро играл свою самую лучшую роль – роль картежника!

– Ну, ну, ну, господин Китано, должно быть несладко вам теперь? Ну, и когда вы бросите эти ваши штучки – не пора ли?! Проигрываешь ведь, ты, деревенщина! Ты прекращай или пешком вернешься в свою деревню! Представляю, как дома рвут на себе волосы твои родители! Никчемный сын, дебошир и болван! Ужасно, ужасно!

– Черт! Маэстро, да у вас карта «кои»! Я уже начинаю вас ненавидеть, безжалостный вы старикан!

– ЧТО? Ах, вы изволите продолжать?! Ладно, ладно, но так не пойдет! Гы-гы-гы... а ты рисковый дурак! Гляди, опять вышла! Итак, комплект «санко» плюс триста!

Хоть я искусал себе губы с досады, но не собирался останавливаться посреди игры. Я сохранял уверенный вид, совсем как в бытность свою хиппи, когда в игре в маджонг готов был на всякие авантюры, вплоть до драки. Как бы я ни проигрывал в те времена, никогда не терялся, да и не возникало ни разу причины, по которой кровь от азарта резко прилила к голове.

Такое случалось лишь тогда, когда я играл в азартные игры с маэстро. В самом начале своей карьеры, в одном из совместных выступлений с Фуками Сэндзабуро, я почувствовал его давление на себя. Упорство маэстро в достижении победы просто шокировало! В моменты поражения соперника он ни капельки его не жалел. Ну а чего стоили реплики рас-

серженного маэстро, вроде: «досадно небось, господин Китано?! Сможешь ты меня победить, интересно? Уху-ху!».

Маэстро окончательно вжился в роль Кирако Дзукэноскэ из пьесы Кабуки «Тюсингура»[1], а, узрев во мне Асано Такуми-но-ками, стал нещадно измываться. Когда он все-таки победил меня, его лицо засияло счастьем, изливавшимся изнутри, и он вновь взялся за колкости в мой адрес: «деревенщина», «болван»... На подобные наезды маэстро мне, порой, нечего было ответить – я просто в ступор впадал.

Когда по телевизору транслировался полуфинал состязаний сумо, то он непременно ставил деньги на борца-любимчика. Обычно маэстро пробегал глазами по перечню матчей высшей лиги и составлял список наиболее сильных борцов, затем он бросал жребий среди самых-самых и таким образом выбирал «своего» борца. На выигрыш и проигрыш он ставил по сто иен – не больше. Маэстро Фуками больше всех любил борца Осэки Таканохана, я же был фанатом Вадзимы Хироси, поэтому во время состязаний Осэки против Вадзимы в гримерке становилось очень шумно. Если его любимчик выходил в финал, то маэстро вскакивал, принимался стучать по всяким предметам, прыгать, дрыгая ногами, что-то выкрикивать, словно он стал единым целым с Таканохана и сам выиграл бой. Во время последней атаки на краю ринга у него сдавали нервы: «Дурак Таканохана, так нельзя! Здесь нужен "уватэ", "уватэ"! Эх, уже поздно... черт бы тебя побрал, Вадзима, подохни же! Кто-нибудь, дерните Вадзиму за ногу! Швырните в

---

[1] Знаменитый спектакль театра Кабуки, где рассказывается известное предание о 47 самураях, потерявших господина.

него подушкой! О нет, Таканохана, ты меня грабишь!»

Внезапно крик прекратился, он резко перекувырнулся на татами и опрокинулся на спину. Ну, точь-в-точь дитя малое! Таким образом, он изо дня в день ставил по сто иен – сегодня мог выиграть двести, а в другой раз потерять триста.

Мы с маэстро также любили и боевые виды спорта, поэтому вечера, когда шла трансляция кикбоксинга, проходили ужасно. Мы были фанатами многих боксеров вроде Савамуры Тадаси и Рокки Фудзимару. Среди этих передач подлинным шедевром стал 12-й матч Рокки Фудзимару против тайца Тон Сингутанонсаку. Мы оба без обоюдных подкалываний поставили на определенный раунд по тысяче иен. По правилам, всякий раз во время нокдауна, можно было получать по сто иен. Удивительно, но я наугад решил поставить на выигрыш Рокки Фудзимару. Маэстро поставил на тайского боксера – ха-ха-ха, естественно, что тысячу иен от выигрыша прибрал бы к рукам я!

Однако когда ударили в гонг, и матч начался, перед нами предстала иная картина – в первом же раунде Рокки был отправлен в нокдаун! Во втором раунде история повторилась – вновь нокдаун! Значит за каждый нокдаун по сто иен – получается, я ограблен аж на двести! Третий раунд, четвертый раунд... Рокки умудрился получить в каждом по два нокдауна – итого шестьсот иен! Я не имел ни малейшего представления, на сколько еще ограбил бы меня Рокки. Если он собирался получать нокдауны до конца 12 раунда... Это было бы моим самым большим разорением!

– Фудзимару, не стой там, не спи на ринге! Хватит проигрывать – проснись! – заорал я не

своим голосом, и в тот же миг Рокки вскочил и как ни в чем ни бывало принял боевую позу.

Маэстро очень радовался; если бы выиграл тайский боксер, то все денежки от выигрыша достались бы именно ему. Однако не тут-то было – в последнем, десятом раунде в нокаут ушел таец Тон Сингутанонсаку. Ха-ха-ха, таец начал нервничать! Внезапно у Рокки появился шанс воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы выиграть. В 11 раунде Тон вновь был отправлен в нокаут. Остался последний раунд. На сей раз сдался Рокки Фудзимару, и так два раза... Если он еще раз не выдержит натиска, то это будет полной победой тайского боксера. Рокки, болван ты, ну давай же, побей тайца!

Нокаут. Тон опять нокаутирован. Отлично, и не вздумай сейчас вставать! Гонг пробил в последний раз. Нокаутированный моим Рокки, тайский боксер проиграл! Наконец-то! Я обернулся поглядеть на маэстро – тот лежал на татами в нокауте в точности, как и тайский боксер.

Ха-ха-ха, наконец-то я смог обыграть самого маэстро и прибрать выигрыш к рукам! Теперь настало время пойти выпить чего-нибудь крепкого в «Сакума».

– Эй, Такэ, постой-ка. Эта победа – моя победа!

– Что?! Разве Сингутанонсаку не проиграл? Разве это не моя победа, причем безоговорочная?!

– А вот и нет! Мир не так уж и сладок, дружок! Вот, Такэ, давай подсчитаем количество нокдаунов Рокки и Тона.

Общее количество нокдаунов Тона Сингутанонсаку составило три раза, Рокки – восемнадцать. В общей сложности – разница пятнадцать нокдаунов.

– Тон проиграл матч, потому я должен тебе тысячу иен, но и ты должен будешь заплатить мне за нокдауны 1500 иен! Так что в общем, на 500 иен это победа моя! Что скажешь? Уху-ху, плохо тебе, небось?

– Что??? Ну и алчный же вы! Как же вы все тщательно подсчитали – не человек, а дьявол!

Я сорвался и заорал, так как тогда я получал всего 1500 иен в день. Выходило, что мои кровно заработанные деньги исчезли вмиг, как долг за азартную игру с маэстро.

С тех пор как в Шестом квартале Асакусы на ипподроме появились кассы, моей обязанностью стало покупать там билеты на скачки по просьбе маэстро.

Как только наступали суббота или воскресенье – дни продажи билетов на скачки, я бежал со всех ног в кассы, прижимая к груди блокнот с пометами маэстро. Он читал не только такие журналы про скачки и лошадей, как «Конь», «Конь-победитель», но и «Исследования лошадиных скачек» – то есть журнал, до которого простым людям и дела не было.

Тот день стал последним в этом году днем классических скачек и днем, когда выводили лошадь по кличке Юба Кинэн.

– Маэстро, вы делаете ставки с шестого забега, да? Хмм, на шестом забеге – 7–8, седьмом – 7–8, восьмом явно тоже на 7–8, ну и на девятом забеге на Юба Кинэн, что тоже 7–8... Эээ, послушайте, маэстро, получается, что вы все время ставите на 7–8?

– Ну да, все так и есть!

– Ну как же – «все так и есть», маэстро? В газете лошадь под номером 7–8 никак не отмечена! Так ведь это полудохлая кляча!

– Идиот! Вот потому ты и называешься любителем! А ведь я за всю свою жизнь купил

с десяток тысяч билетов на лошадь под номером 7–8! Теперь понял? Люди меня называют не иначе как «Фуками 7–8»! Лучше замолкни и ставь только на 7–8!

– Ого, и когда такое было?

– Дай-ка вспомнить... лет 20 назад...

– Что за бред вы несете? Маэстро, с шестого забега нужно ставить на 1–2 – никто ее не опередит! С седьмого – на две лошади, 1–3 и 3–8, что под кличкой Нагаси. Восьмой забег пока сложно определить, потому воздержусь, а о девятом можно будет судить по успехам Юба Кинэн, Хайсэйко и Тани-но-тикара, что под номером 2–6. Вот тут-то наша ставка и будет выигрышной! Ну что, маэстро, давайте поставим на них, а?

– Отстань! Прекращай фантазировать! Плачу я, а если будешь делать прогнозы – на свои деньги делай что хочешь! Хватит, как я и сказал – поставим на 7–8! Всего должно быть три билета.

– Ууу, понятно... но хорошо было бы все-таки поставить и на тех... было бы очень здорово!..

Я поплелся к кассам, чтоб сделать ставки. Недавно отстроенные кассы на ипподроме Асакусы, возможно, привлекали своей новизной, но должен сказать, людей там столпилось столько, что очередь доходила чуть ли не до Шестого квартала Асакусы. То ли потому, что компьютеризация находилась в самом начале развития, но в те времена билетов не выдавали, а ставки можно было сделать в любой из касс. Если билет стоил 200 иен, то и я мог бы сделать пару ставок! Черт, если бы я поставил в седьмом забеге на 3–8, а в девятом на 2–6, то маэстро точно остался бы с носом! Ведь он, как ни крути, «Фуками 7–8»! Сколько бы он ни следовал принципу ставок на «темную лошад-

ку», ведь это вовсе не означало, что кляча, просто стоящая в определенном месте, должна непременно победить!

Постой-ка, но зачем специально ставить на лошадь, которая не сможет дойти до финала?! А от маэстро можно будет скрыть его билеты со ставками – ведь лошадь не займет никакого места!

Я остановился на лестнице на полпути к кассам. Вернувшись на первый этаж к кассам со ставками по 200 иен, я стал делать ставки на выбранных мной лошадей. Обычно маэстро не давал мне больше 3000 иен, а тут у меня имелось аж 20 000 иен для его ставок, так что мне этих денег было предостаточно. Само собой напрашивалось поставить еще на один хороший забег, да к тому же увеличить ставку в три раза. Помимо всего я решил поставить и на забег, который вряд ли бы оправдал надежды, но все же рискнул, так, на всякий случай. Денег оставалось сполна на другие покупки и двухдневную выпивку с едой.

Сделав ставки, я не стал возвращаться в гримерку, а сразу же засел в баре «Блонди», чтоб наблюдать за исходом скачек по телевизору. Как хорошо, что в тот вечер до самого моего выхода со скетчем я был свободен!

«Блонди» наводняли фанаты скачек. По словам телекомментатора, в шестом забеге лошадь завершила «гэйт-ин» и скакала с опережением остальных. Ха-ха-ха, ну и где же лошадка 7–8 маэстро Фуками?! Я преспокойно попивал кофе, наслаждаясь трансляцией полуфинала скачек до самого вечера.

Итак, вот итоги полуфинала:

Лошадь под номером 7–8, в которой так был уверен маэстро, ни разу не пришла первой. Самой маловероятной была победа лошади Юба Кинэн под номером 2–8 в главном за-

беге. Стронг Эйт под номером 8, который непременно должен был победить, пришел первым, везунчик и любимец публики Яманинвэбу под номером 7 пришел восьмым, что было неплохо, так как, если бы он пришел вторым – случилось бы непоправимое! Если повезет, то за лошадь 2–8 я бы получил 13 300 иен, так как она призовая. А вот как было бы в случае выигрыша на лошадь 7–8 – не знаю, дело пахло жареным.

Ставки, сделанные мной на популярных лошадей предвещали, что они добегут первыми, вторыми или третьими. Допив заказанный кофе, я отправился в гримерку.

– Эй, Такэ, где ты ошивался все это время?! – Фуками Сэндзабуро поджидал меня с недовольным видом.

– Как где? В перерыве я всего-навсего пошел кофейку попить! Кстати, маэстро, как досадно – я про Юба Кинэн. А 2–8...ха-ха-ха!!!

– Ах ты, болван, я не о том тебя спрашиваю – где мои билеты со ставками?

– Маэстро, ваши ставки провалились!

– Дурак, я и сам знаю! Где билеты, спрашиваю?!

– Да уймитесь вы наконец – ведь забеги закончились. Маэстро, а ведь все-таки 7–8 не победила!

– Заткнись ты! Хватит! Доставай мои билеты!

– Хватит вам! Ни один билет не оказался выигрышным! Билет без выигрыша – всего лишь клочок бумаги! Зачем вам клочок бумаги – разве я не прав?

– Эй ты, что бы ты ни болтал, а я должен увидеть свои билеты и убедиться, что ты меня за нос не водишь!

– Вот, выигрышный!

– Так раз он выигрышный, что ты дурака валяешь?!

– Ну, маэстро, разве не было бы идиотизмом покупать проигрышные? Это ведь пустая трата денег!

– Хватит! Больше я тебя не буду об этом просить! Где это слыхано, чтоб ученик утаивал билеты со ставками от учителя?! Сколько лет у меня ученики, а такой пройдоха как ты – впервые! Идиот ты!

Как бы он ни ругался, тем не менее, на следующей неделе, без малейшей обиды, стал просить меня сделать ставки.

– Такэ, сходи-ка за билетами со ставками! Можно поставить на 7–8! А что, в шестом забеге лошади под номером 8 не будет? Хм, не будет, значит... ну что ж – тогда в шестом забеге ставь на любую! Если и на сей раз надумаешь утаить от меня билеты – ты уж сообщи!

Но я решил не изменять себе. А потому, по заведенному обычаю, я продолжал игнорировать любимую стариком лошадь под номером 7–8...

КАК МЕНЯ ПОРАЗИЛО ВЕЛИКОДУШИЕ СТРИПТИЗЕРШ

Ранее я упоминал о популярности, которой пользовался среди танцовщиц Иноуэ, – парень, решивший стать писателем, но я тоже ходил в любимчиках, причем не только у Синокавы, а и у других стриптизерш. И это не шутка – девушки явно страдали желанием кого-то опекать! Просто моя популярность была неординарной.

Самым клёвым моментом стали ежедневные «передачи» стриптизерш. Переняли они это у Синокавы Ая, которая таскала мне рисовую кашу в коробочке для завтраков. Теперь к ней присоединились и остальные: «Такэ-тян, и я сварила тебе кашки – поешь-ка!», «Такэ-тян, ты ведь любишь рис карри? Я как раз его приготовила – угощайся!» Я не знал, куда от них деваться – они не давали мне прохода и обивали порог моего дома, прихватив с собой коробочки с едой.

На самом деле я был им благодарен до слез, но ежедневно мне приходилось есть по 5-6 тарелок рисовой каши или карри, словно я – прожорливая дворняга! Если я съедал завтрак одной танцовщицы, то никак нельзя было от-

казаться от угощения другой. Попытки увильнуть оказывались бесполезными – приходилось тотчас же лопать все подчистую!

Я принимал коробочки с едой и кастрюли с рисом с видом великомученика.

Не скрою, меня очень тревожил вопрос о том, почему стриптизерши стали питать ко мне теплые чувства – неужели они увидели во мне человека слабее себя и изо всех сил старались окружить меня заботой?!

– Такэ-тяну так плохо! Он целыми днями как белка в колесе! – Самим им в жизни пришлось нелегко, да и работу стриптизерши нельзя назвать простой, но они легко относились к этому, потому что им уже нечего было стыдиться.

Бывало, я передразнивал танцовщиц-уроженок района Тохоку, копируя их акцент: «Ведь уже 8 лет, как я переехала в Токио, а Окцент все равно Остался!» Для таких девиц я был чем-то особенным только благодаря тому, что мог рассмешить их, поднять им настроение или наоборот – смутить. Честно говоря, трудно было вести себя по отношению к ним хуже, чем я.

За то, что они разок оголялись на сцене, они могли получить вознаграждение в пять-шесть раз больше моей зарплаты, но, вступив на подмостки стрип-театра, продолжали влачить свое жалкое существование до конца дней. Да, ни одна из них не разбогатела, но самым болезненным для меня было то, что эти бедняжки считали себя настолько богатыми, что щедро угощали меня едой, и я понимал причину их доброты и отзывчивости. Но стоило только в их жизни появиться импозантному денежному «папочке», как они начинали явно смущаться – им самим было непривычно тратить деньги... Какими же обеспокоен-

ными казались танцовщицы, когда у них заводилась кое-какая денежка!

Однако в их обществе хватало мужчин, знавших эту жизнь, умеющих в нужный момент и под нужное настроение подсунуть им свои денежки. Таких мужчин называли сутенерами.

Среди стриптизерш «Фурансу-дза» было несколько девиц, за которыми присматривали сутенеры. Но всех переплюнула танцовщица Нанами Ватару. Как-то раз вернувшийся в гримерку маэстро, напряженно наморщив лоб, вдруг спросил у меня:

– Такэ, а что такое «тому сэдзу»?[1]

– Что?! А что это?

– Да вот только что проходил мимо гримерки Нанами Ватару, а оттуда слышно: «тому сэдзу». Ей, вроде как, муж книгу читал, но что же это означает – «тому сэдзу»? Так необычно звучит – может, какой-то американский шпион? Такэ, иди-ка, спроси ее!

– Хорошо!

В том, что Нанами читал книгу ее муж-сутенер, не было ничего необычного, но я тоже заинтересовался словами маэстро и сразу же отправился в гримерку Нанами.

И что же я увидел? Нанами сидит за столом и зубрит английский язык! В роли учителя выступал ее муж-сутенер.

– Маэстро, ну вы даете! Нанами просто занимается в гримерке. Она стала английский учить.

– Ничего себе! Эй, постой-ка, Синокава, а ты слышала, что Нанами берет уроки английского?! – удивленно спросил маэстро заглянувшую к нам Синокаву.

[1] Имеется в виду искаженное прочтение англ. – Tom says (Том говорит).

– Ой, вы что, не знали?! Супруг Нанами-сан когда-то преподавал английский в старших классах. А Ватару-сан была его ученицей, когда она училась в старших классах, они полюбили друг друга, но их обоих выгнали из школы. Но учитель ее не бросил, а все это время содержал, чтоб она не стала стриптизершей. Ну что вы уставились, как дураки? Ха-ха-ха....

Мы с маэстро остолбенели и только переглядывались.

– Судя по твоим словам, выходит Ватару-сан к мужу обращается «сэнсэй»?! Потому что он был ее учителем в старших классах?

– И вообще – к чему английский в стрип-театре?! Он что, плохо соображает? И впрямь, бывают же ненормальные!

– Что бы вы ни говорили, а они весьма серьезная пара! – умело заткнула нам рты Синокава.

– «Серьезная»?! Это как? Не болтай глупостей! Он всего-то захудалый учитель английского, да еще отдал свою ученицу в стриптизерши, стал ее сутенером... Опустился ниже некуда, а еще учитель называется! Противно слушать!

– Ах, вы бы хоть не осуждали других людей – не сами ли заставили меня работать стриптизершей под именем Ками?

– Хмм... – на эти слова Синокавы маэстро ответить было нечего.

Был у нас еще один братишка-сутенер, покровитель стриптизерши Такара Йоко. Его звали Ябэ-сан, и занимался он тем, что днями напролет играл в шары-патинко. Он быстро мог разнять любых драчунов, поскольку был очень сильным. Рассказывали, что он спас свою любимую от якудза из района Тохоку и бежал с ней в Токио. Вот таким храбрецом слыл этот парень.

Каждый день он пропадал в заведение патинко, которое располагалось по соседству с театром, там он зарабатывал себе на ежедневное пропитание. Добряк от природы, он был очень мил с молодыми комедиантами, на деньги от выигрыша умудрялся приглашать нас выпить, а призы – консервы и всякие продукты быстрого приготовления – всегда делил поровну.

Надо было видеть, как соперничали между собой Ватару Нанами и Такара Йоко – стриптизерши, у которых имелись покровители!

Один – школьный учитель, другой – игрок патинко. Однако теперь они оба были сутенерами стриптизерш и так состязались друг с другом во всем, что это казалось просто нелепым.

Если Нанами покупала обновку, то и Йоко не оставалась в долгу – тотчас же появлялась на сцене в чем-нибудь новом и слишком ярком. Если один мужчина приобретал навороченную высококлассную фотокамеру, то другой бежал в магазин за новым кассетным магнитофоном, тогда первый покупал стереосистему – короче, они всячески пытались переплюнуть друг друга. При этом они все время насмехались над соперником:

– И ты это купил, что ли? Ты бы лучше откладывал деньги, а то тратишь заработок своей женщины – нехорошо получается!

Эти две супружеские пары все время поносили и подкалывали друг друга, поэтому не то что маэстро, даже я совершенно не понимал, что же они думали на самом деле. Что касается свободных танцовщиц, эти постоянно ловили меня и зазывали к себе:

«Такэ-тян, приходи в гости – поужинаем вместе!»

Раньше постельные отношения между стриптизершей и артистом были настолько привычным делом – как ежедневный прием пищи, но мне так не казалось. Я считал это странным и никогда не пользовался удобным положением, так как часто задумывался о неустроенной жизни стриптизерш, которые всегда были у меня на виду – ведь жили мы, в общем-то, в двух шагах друг от друга. Да, признаюсь, их несчастное положение меня волновало.

Когда мне на глаза попадались стриптизерши, обычно разгуливающие в чем мать родила, даже не прикрыв грудь и попу, я не воспринимал их как объект любви, а просто считал коллегами по работе. Всякий раз, когда я бывал у них в гостях, то все больше поражался огромной разнице в житейских и общих взглядах. Их взгляд на жизнь с одной стороны казался очень даже серьезным, но в результате все они жили лишь сегодняшним днем.

Однажды меня пригласила к себе в гости одна из трех сестер-стриптизерш Асабуки – Рика. Дом сестер Дзюн, Рики и Маи находился поблизости от Шестого квартала, где располагался театр – прямо в квартале Таварамати. Меня сразил наповал роскошный, выступающий из стены буддийский алтарь – и все это в двухкомнатной квартирке в 6 татами! Странно было видеть такой дорогой алтарь в их доме, он не подходил к образу жизни стриптизерш. Сестры, совсем недавно обратившиеся в веру, сидели перед алтарем с самым серьезным видом, сняв маску веселости, какую обычно носили на лице, находясь в театре.

– Такэ-тян, ты не стесняйся, ешь побольше! – они выставили передо мной угощение:

огромную тарелку с десятком вареных яиц, возвышающихся на ней, как гора.

– Ну не стесняйся, ешь! Яйца очень питательны, от них спермы больше становится! Если ты ежедневно так будешь питаться – счастливее станешь, уверяю тебя! – назидательно заявила самая старшая из сестер Рико-сан, которая славилась тем, что обожала яркие наряды.

– Ага, – буркнул я.

А как еще можно реагировать на такую чепуху?!

Как будто прежде бедные сестры вкалывали из последних сил, не имея возможности нормально питаться! Интересно, если бы им, правда, пришлось вкалывать, как и где бы это происходило? Я представил себе, что, вероятно, они считали меня очень бедным и несчастным парнем. Задумавшись, я не заметил, как проглотил целиком желток пятого по счету вареного вкрутую яйца.

Захламленная, перегруженная вещами квартира сестер и пестрота интерьера в целом так на меня подействовала, что вернувшись к себе домой после угощения вареными яйцами, я раздарил все когда-то преподнесенные мне мужские брюки и рубашки, и даже настольные мраморные часы – уж очень они меня раздражали! Моей комнатке в три татами, похожей скорее на тюремную камеру, совсем не подходили эти мраморные часы! Что касается брюк и рубашек – они были не в моем вкусе, то есть, красными и желтыми, а не белыми, как я любил, потому я всучил все это Иноуэ.

Подаренный телевизор через неделю перестал работать, показывал лишь сплошную полосу на экране, так что смотреть невозможно. Самым ужасным стало то, что у подаренного летом вентилятора, не было на-

ружной крышки, и одна лопасть выдрана. Так что в знойные летние ночи моя комната с единственным окошком превращалась в сауну, и мне приходилось всю ночь напролет самому вращать вентилятор. Но все-таки этот полуразбитый вентилятор сослужил мне службу.

Обычно я подвешивал эту штуковину к задвижке оконной рамы и вращал ее всю ночь, но во время сна она норовила свалиться мне на голову. В такие моменты я даже не чуствовал боли. Мне удавалось уснуть лишь глубокой ночью, но тут-то вентилятор и вознамеривался обрушиться на меня. Ужасно – ведь у него не было внешней сетчатой крышки. «Ба-бах» – брякалась на меня эта штуковина, как снег на голову! А сколько раз я получал по голове лопастями! Когда я вскакивал посреди ночи от свалившегося на голову вентилятора, то ненароком принимал боевую позу.

Диву даюсь – за что меня так одаривали любовью женщины? Сама эта мысль приводила меня в изумление! Но я, безотказно принимавший это внимание, не собирался менять свой образ жизни.

Вот я рассказываю о всяких смешных вещах и странностях, однако по-настоящему странной была жизнь Ан Нисиямы, жившей в том же доме, что и я. Ан Нисияма – приглашенная стриптизерша – иногда выступала в нашем театре. Подражая остальным девицам, она стала зазывать меня в гости: «Такэ-тян, заходи ко мне выпить чего-нибудь!» Вот я, скрепя сердце, отправился к ней, и ее быт меня сильно рассмешил.

Ее комната была в точности, как и моя, но с холодильником, кондиционером, стереосистемой и телевизором. Комнатку до отказа

наполняла всяческая мебель, в том числе и столовый гарнитур, представлявший собой стол и стулья для веранды, также я увидел там большой аквариум с рыбками, но вот свободного места для второго человека не было! Гостям Ан-сан ничего не оставалось, кроме как выходить в прихожую или в коридор в подъезде и там есть и пить – в самом деле, ситуация нелепее некуда!

Несмотря на все это, стриптизерши считали свою нынешнюю жизнь самой лучшей и счастливой, так как девушки они были простые и хорошие.

ВСЕ БЫЛО ХОРОШО, ПОКА Я НЕ ПОБЫВАЛ В ГОСТЯХ У СТРИПТИЗЕРШ

то время на службу в театр поступило много стриптизерш совершенно непривычного нам типа. Тогда в самом расцвете был андерграунд, как в музыке, так и в танце, и для развития своей карьеры танцовщицы этого стиля решили подрабатывать стриптизом. В промежутках между своими андерграундными выступлениями, парни и девчонки объединялись в танцевальные пары и являлись в театры, чтоб заработать деньги в качестве стриптизеров.

Все они были последователями Хидзикаты Тацуми – танцора, застрявшего в своем творческом развитии, а по возрасту – моими ровесниками, такими же, как и я, бывшими студентами или педагогами, клерками или хиппи. Несмотря на это, они представляли собой сборище странных типов, которых вполне устраивал такой образ жизни.

Среди принятых в «Асакуса фурансу-дза» попадались и такие, кто устраивал шоу андерграундных танцев, вымазавшись золотой, черной и белой красками.

– Такэ, а что это за странная хореография? Это что-то вроде танцевального стиля? – спросил как-то маэстро Фуками, боязливо оглядываясь на сцену.

Он забрел ко мне за кулисы, что случалось нечасто.

– Ну, нам это малопонятно... что правда, то правда. Они в танце хотят показать зародыш человека или человеческий эмбрион в виде рыбы... Или же так выражают зов природы и подобные ощущения... Одним словом, и это искусство, маэстро!

– Такое искусство нельзя показывать в стриптиз-театре! Здесь можно смотреть только на голых!

– Вы так считаете, маэстро? А ведь среди нынешней молодежи андерграунд – вещь привычная! Танцы вроде этих – ничуть не странные! Вот если пойти в Сибуя или Синдзюку, то там устраиваются настоящие представления!

– Ах, вот как?! Да, но тогда почему все зрители сидят тихо и даже не хихикают?

– Ну что вы – это же искусство! Вот сейчас могут, например, сказать: «вот это да!», «ну и ну!» или же в зале начнутся вздохи...

Не успел я это произнести, как мои предположения оправдались. Вместе с громогласным женским «ух ты!» из зрительного зала послышалось и пронзительное «как же они это делают?!», затем стон «ууу!» Зал взволновался.

– Такэ, а что сейчас происходит? Посмотри, – попросил меня маэстро, но я уже и так подглядывал из-за кулис на сцену.

Из зала доносились стоны танцовщицы андерграундного номера – одной из участниц труппы. Не знаю как, но похоже, что, кружась во время исполнения медленной части, она вы-

пустила руку партнера и упала в зрительный зал. Бедняжка прямо так, с голыми сиськами лежала где-то на первых рядах. Похоже было, что, упав в зал, она умудрилась разбить лицо о кресло, так как изо рта у нее капала кровь. Возможно, она повредила и конечности, потому что не могла двигаться. Кровь, сочившаяся изо рта, собиралась лужицей на ее сиськах. Что до ее партнера, то он просто остолбенел и прямо со сцены стал кричать ей: «ты в порядке?»

– Маэстро, как быть?

– Что значит как? Иди и помоги ей!

– Так не пойдет – надо бы остановить музыку, погасить свет... и вдвоем спуститься к ней, что ли?

Не успела мне прийти в голову эта светлая мысль, как танцовщица с усилием встала на ноги, вытерла окровавленный рот рукой и опять поднялась на сцену, подошла к своему партнеру, чтобы продолжить выступление.

Ее партнер слегка растерялся, но девушка стала его торопить – они взялись за руки и затанцевали.

– А эта девчонка с характером!

– Идиот! Где ты характер-то увидел?! Или искусство?! Все тело в крови! Как можно показывать зрителям окровавленные сиськи?! Зритель только расстроится! Все, довольно! Поскорей остановите этот балаган, идиоты вы этакие!

– Ладно!

Но как я ни размахивал руками, подавая знаки танцовщице, она и не думала меня слушать, и довела выступление до конца. Это было нечто – зал так и замер!

После выступления парочка заперлась в гримерке и долго не выходила, так что сам

маэстро забеспокоился: «Такэ, а ничего, что мы ей врача не вызвали?»

– И я о том же думал, но ее партнер сказал, что она не нуждается в «скорой помощи».

– Да, но хотя бы перевязку-то надо сделать! Ну-ка еще раз сходи, глянь как там дела!

–Хорошо!

Танцевальная пара занимала как раз ту самую гримерку, где я когда-то ютился. Когда я приблизился к этой комнатенке, то опять перепугался – оттуда доносились звуки, похожие на стоны... вот я и подумал, что девушке снова стало нехорошо, но я ошибался! Хм, и что же предстало моему взору? Эта парочка авангардистов, будучи голышом, заключила друг друга в страстные объятия и активно двигалась, как это обычно происходит при занятии сексом!

Когда я возмутился, мол, ну что, это и есть ваше авангардное искусство, они мне в ответ – «да, это Нижинский из "Фурансудза" трахается!»

– Маэстро, авангардисты в полном порядке, –доложил я. – Оба отлично проводят время – вовсю занимаются сексом!

– ЧТО?! Трахаться в гримерке?! О чем только думает нынешняя молодежь?! Я уже ничего не понимаю!

После я навел справки и узнал, что девушка сбежала из дома со своим мужчиной, бросила школу, а из-за страха быть найденной родителями не захотела вызвать врача и стойко терпела боль. После того случая она выступала и на втором представлении прямо так, с распухшим лицом, что меня восхитило – и впрямь смелая девица!

Очередной шедевр нам представила группа с садо-мазо шоу. Хотя они и были из труп-

пы садо-мазо, но выглядели не больше чем на 19–20 лет – девицы настолько молоденькие, что их легко спутать со старшекласницами.

А их представления были такими: на сцену выходили мужчины и только и делали, что хлестали себя плеткой. Короче, любительское шоу без всякого сценария и затей, однако, когда я увидел их женщин голыми, то очень удивился. У этих молоденьких девчонок все тело сплошь покрывали синяки от самоистязаний кнутом. Всякий раз, когда маэстро их встречал, он хмурился: «Смотри-ка, что эти несчастные с собой вытворяют! Вроде шоу, а на самом деле самобичевание! Неужели они и есть настоящие садо-мазохисты?!»

Для молодежных групп их выступления носили характер хобби, но среди них были и девчонки, которые делали это ради денег. После деньги делили поровну. Были и самые настоящие проститутки-рабыни, которых заставляли бесплатно танцевать в шоу. Такие девицы не задерживались дольше десяти дней – сбегали на пятый из страха быть убитыми. В таких случаях маэстро, бегая по театру, приговаривал: «Сбежала, сбежала!»

– Болван, это все потому, что она нуждалась в деньгах, считай, была в рабстве! А ведь она нам в первый же день заплатила задатокгарантию за все десять! Черт! Какая неблагодарность! Впереди еще 7 дней, не так? И всетаки зачем она дала всю сумму?!

Хотя маэстро уже много лет крутился в шоу-бизнесе и подобные вещи с ним происходили ни раз, а все равно добряк Фуками неоднократно обжигался на случаях со сбежавшими стриптизершами.

– Такэ, та стриптизерша, что мы приняли на днях, надежная? Не дай бог сбежит с середины спектакля! Ты как считаешь – ведь ты несешь за них ответственность?!

– Да, маэстро, иметь с ней дело рискованно – может и впрямь сбежать! А не лучше ли брать с них аванс за половину выступлений? Просто остальную половину я сам с них вытрясу. Маэстро, ну сколько можно вас расстраивать и надувать? Больше так нельзя!

– Ну да, конечно! Погоди-ка, это как же так?! Отчего это стриптизерши должны тебе давать залог-гарантию? Ах ты, разбойник! Ты, именно ты самый главный жулик!

– Ааа, так вы прозрели?!

– Заткни глотку!

Бывали случаи, когда стриптизерши водили дружбу с якудза, но маэстро презирал крутых типов, поэтому в «Фурансу-дза» якудза и не думали соваться. Только разок, помнится, я столкнулся с якудза.

Была у нас такая Таки Матико – ветеран среди стриптизерш. Ей исполнилось почти сорок лет, но она танцевала столь энергично и быстро, что ее возраст никто не замечал. Она давала фору двадцатилетним лентяйкам – и могла так зажечь публику, что ни одно ее выступление не обходилось без оваций. Таки Матико была единственной стриптизершей, распивавшей вино в гримерке и лакомившейся красной икрой и тунцом. Да и в целом, пожалуй, Матико-сан по сравнению со стриптизершами «Асакуса фурансу-дза» казалась на редкость утонченной, стильной и привлекательной особой.

Как-то раз эта самая Матико-сан изображала тигрицу. Вдруг появились двое типов, смахивающих на сутенеров. Они направились в сторону гримерных, к боковым местам для

помощника директора, что прямо возле сцены, и во все глаза принялись пялиться на выступление Матико-сан.

– Извините, сюда посторонним вход воспрещен!

– Отстань! У меня дело к Матико – поэтому я здесь!

– От Таки-сан я ничего такого не слышал.

– Отстань ты! Исчезни!

– И все-таки, если вы останетесь здесь, у вас будут неприятности!

– ЧТО?!

Когда они стали сквернословить почем зря, прямо со сцены прибежала сама Матико.

– Эй, ну что вы вытворяете? Я думала, вы на улице ждете! Что вы прицепились к Такэтян – это наша гордость и знаменитость. А ну извинитесь!

Сыпля скороговоркой, Матико-сан за пару секунд успела хорошенько выругать сутенеров.

– Дда, да, конечно! Таки-сан, ты прости нас. И у тебя, браток, мы просим прощения. Прости нас!

То, что наиболее склочный тип, был любовником Таки – я догадался, но я никак не ожидал, что на прощание мне в виде компенсации всунут в руку двадцатитысячную купюру.

– Таки-сан, возьми эти деньги! Я не могу принять такую большую сумму.

– Да ну тебя, дурачок! Ты прости, Такэ-тян! Бери их себе, все в порядке!

После этого случая я еще раз повстречался с этими же якудза на улице, но, увидев меня, на сей раз они подобострастно поклонились и подошли поближе.

– Браток, ты прости за то происшествие на днях. Мы не знали, что ты – артист «Фурансу-

дза», вот и начали препираться. Сестренка Таки нас хорошенечко отругала и заткнула глотки! Мы тебя уже знаем, так что в следующий раз будем повнимательнее!

Нет, ну представьте себе!!! Именно мне они всучили 20 000 иен, ха-ха-ха! Если повстречаться с якудза и отвесить им формальный поклон, то ничего не стоило вляпаться в пренеприятнейшую историю! Несколько месяцев спустя я узнал от Таки-сан, что эти якудза погибли в перестрелке со своими неприятелями из кансайского района, так что я опять стал трястись от страха.

В театр принимали много разных стриптизерш, и как-то раз мы с ними решили собраться и сходить на дискотеку. В то время еще не употребляли слова «дискотека», а «гоу-гоу клуб». Не помню, при каких обстоятельствах мы договорились сходить в клуб и от души потанцевать.

Поводом послужило «крещение» голышом нашего «писателя» Иноуэ, которое устроили стриптизерши, накинувшись на него на манер цыганок.

...– Такэ-тян, нам нужен Иноуэ-сан из осветительской! У нас к нему важное дело, связанное с раздеванием в следующем выступлении... позови его, очень тебя просим! – С такой просьбой ко мне обратилась стриптизерша по имени Оцуки Май, принятая в «Асакуса фурансу-дза» несколько месяцев назад.

Затаив дыхание и при этом прекрасно понимая, что будет, я с невинным выражением лица пошел звать Иноуэ.

– Сестричка, доброе утро! Вы что, должны переодеться к следующему выступлению? Можно прямо там – и свет не такой яркий! – с такими словами и доброжелательной улыб-

кой на лице ни о чем не подозревающий Иноуэ появился на пороге гримерки Оцуки-сан.

– Плохо, что надо на ходу переодеваться! Да и костюмы на сей раз мне не понравились. Что ж, заходи, хотя бы чаю попей!

– Нет, нет, что вы! Я пойду к себе.

– Не надо так говорить! Лучше садись и выпей чаю – я его и так редко завариваю.

– Ага, хорошо! – согласился Иноуэ и устроился в прихожей гримерки.

Тут-то Оцуки-сан как кинется на беднягу!

– Что... что такое?! – перепугался несчастный, и тут его окружили девушки и набросились на него как тигрицы!

Все стриптизерши театра набились в гримерку и затеяли возню. Они стали сдирать с Иноуэ одежду – одну деталь за другой, в итоге оставили его голым в одних трусах! Костлявое и тощее тело Иноуэ предстало перед присутствующими во всей красе.

– Что, что вы делаете?!

– Отлично! Отныне и ты стал одним из нас! Где справедливость – ведь только вы можете пялиться на нас, раздетых! Редко тебя голым увидишь! А вот теперь порядок, ха-ха-ха!!!

Оцуки-сан заразительно рассмеялась. Впервые за все это время расхохотался и Иноуэ – то ли из-за сложившейся ситуации, то ли оттого, что понял чувства стриптизерш. Это был расслабленный, веселый Иноуэ...

В тот вечер – вероятно предложение исходило от Оцуки-сан – все договорились пойти потанцевать в «гоу-гоу клуб». Пошли все, вплоть до девчонок из массовки, не нашлось ни одной, кто сказала бы «нет». Ко-

нечно, ведь никто из них не мог позволить себе особых развлечений!

Поздним вечером, когда мы вышли из театра, нас оказалось больше десятка, целый отряд во главе с Оцуки Май и Синокава, ну и все остальные – Асабуки Рика, Дзюн и Маи, также Сава Каори, Кэй Аканэ, Мацувара Михо, Мери Яги и я с Иноуэ. Мы поспешили на электричку и сошли в районе Синдзюку.

Стриптизерши, разумеется, не разгримировались, а прямо так – броские и сверкающие – ехали в вагоне, как группа цирковых артисток.

Мне вспомнилась наша совместная летняя вылазка в бассейн парка развлечений. У меня ноги подкосились, когда я увидел их, после переодевания в купальники. Что за купальники на них были – уму непостижимо! Раздельные, с бикини и верхней частью, из которой все сиськи вываливались наружу! К купальнику была приделана какая-то фигня, вроде страусиных перьев. Платья они надевали еще ничего, не такие уж кричащие, но вот на купальники танцовщицы понашивали блестящие пайетки, они все так и сверкали! Кошмар какой-то, разве можно заявляться в бассейн прямо в театральном костюме?! Из-за чрезмерной броскости вокруг нас столпилась куча народу, и я прекрасно помню, как мне захотелось сбежать оттуда.

Поэтому на сей раз, когда мы засобирались в «гоу-гоу клуб» и я высказал им всю правду в лицо, девушки решили от меня отделиться. Если ходить с ними по двое или трое, то их вызывающий вид не так бросался в глаза, но компашка из пяти, а то и более таких девиц моментально привлекала внимание прохожих. Мне трудно сказать, плохо это

или нет, поскольку когда мы ходили компанией, то все смешивались, но, если парочка таких пестрых отделялась – они смотрелись как пришельцы с другой планеты и их точно все замечали.

Стоило нам выйти за пределы Асакусы, как взгляды прохожих стали жестче. В Асакусе и нищие могли преспокойно расхаживать, никого не стесняясь. В каком бы виде вы не разгуливали по Асакусе, никто даже не обернулся бы вам вслед, возможно, лишь впервые попавшие сюда туристы. Парни, вроде меня, живущие здесь, чтобы узнать это место получше, уже ничему не удивлялись.

Например, ходил тут в одно время нагишом некий тип, называл себя Тарзаном – сборщиком хмеля, был знаменит по всей Асакусе тем, что даже зимой ходил голый.

На сей раз я предчувствовал неладное. Наш отряд вошел в клуб White House, куда обыкновенно захаживала Асабуки Дзюн, и мы дружно заказали выпивку. Девчонки всегда вели себя гораздо спокойнее, когда пили вне театра. То есть, я хочу сказать, что они визжали не так громко и смеялись не так оглушительно, как в театре, а растворялись в толпе танцующих и старались ничем не выделяться.

И все шло бы хорошо, если бы они не принялись пить! После первого танца их было уже не узнать! Вначале они вклинились в компанию симпатичных танцовщиц-любительниц и с милым выражением лиц стали выплясывать рядышком, но как только начался конкурс на лучший танец, им, конечно, не захотелось уступать местным потаскушкам, и они изо всех сил стали выделываться.

Танец в стиле «гоу-гоу» внезапно сменился вальсом. Потом начались танцы с вихляни-

ем зада, и тут я уже стал смотреть на девчонок, стиснув зубы. Уж это никак не было похоже на «гоу-гоу», стриптиз какой-то, честное слово!

– Эй, Иноуэ, там девчонки не увлеклись, случайно?

Похоже, что Иноуэ с самого начала с подозрением наблюдал за дикими плясками наших стриптизерш.

– Такэ, нужно их остановить и притащить сюда! Они испортят остальным настроение! Смотри, все остановились!

Тут я увидел, что на танцплощадке остались лишь наши неистово танцующие стриптизерши. Их манера отличалась от принятого в Синдзюку «гоу-гоу» танца тем, что больше смахивала на степ. Иногда мужчины выкрикивали им что-то, вроде: «остыньте!» Я взбесился и ринулся к танцующим.

– Синокава-сан, Оцуки-сан, вы неправильно танцуете! Здесь не сцена с шестом, так что хватит вальс изображать!

– Да что ты, Такэ?! Все говорят, что мы отлично смотримся, не так ли? Вот, и аплодируют даже – мы всем нравимся!

– Да нет, такое тут не прокатит! Расслабьтесь, чтоб понравиться публике, не нужно было приезжать в Синдзюку! Мы пришли развлекаться, а не на работу! Сестренка, ну давай пойдем отсюда! Подумай и о нас чуточку! Эй, Иноуэ!

– Да-да, Оцуки-сан, брось танцы, иди к нам, выпей чего-нибудь! Не стоит вам стараться тут за бесплатно!

Иноуэ чуть с ума не сошел, пока не отыскал подходящих слов, чтоб остановить их и заставить выпить.

Почти всякий раз вылазки с девицами заканчивались для нас плачевно. И тот поход в

«гоу-гоу» клуб не принес нам с Иноуэ никаких положительных эмоций – мы вернулись полумертвыми, словно парни из глухой деревни, выигравшие приз – поездку в город от турфирмы.

КАК БРОДЯГА КИЁСИ ЗЛОУПОТРЕБИЛ ДОСТОЯНИЕМ ШЕСТОГО КВАРТАЛА

Однажды, выходя после закрытия театра из парадной двери «Фурансу-дза», мы с Иноуэ увидели, как по пустынной улице Шестого квартала к нам медленно ковыляет сухонький дядечка. На голове у него была кепка ученика средней школы, да и на пиджачишке сверкали школьные пуговицы. Костюм довершали драные штаны и, по всей видимости, где-то найденные кожаные ботинки, лицо испещряли морщины. Однако он приближался к нам, широко улыбаясь. Потом он загородил собой дорогу, видимо, собираясь к нам прикопаться.

– Эй, а вы ведь молодежь из «Фурансу-дза»! Ха-ха-ха, угостите меня сакэ, ребятки... ну или подайте тысячу иен! Ха-ха-ха, ну угостите сакэ!

Это был известный всему Шестому кварталу Асакусы бродяга Киёси.

– Ты опять напился, Киёси?! Кто тебя на сей раз угощал?

– Ха-ха-ха, это был Киёси-сан! Недавно в Асакусу приезжал Киёси Ацуми, давно мы не виделись – вот и угостил! Ха-ха-ха!

– Он тебе еще деньжат подбросил, так что ты в хорошем настроении, так ведь?!

– Ха-ха-ха, я уже все истратил! Дай хотя бы 1000 иен!

– Болван! Я как раз собираюсь пойти поесть и это меня надо бы угостить – такой я голодный! Иноуэ, не давай ему ничего! Сегодня я и так без наличных.

Только я отвернулся и пошел прочь, отказав ему, как позади послышался голос: «Ой, да это Киёси? Да ты в отличном настроении! Как дела?»

Это была Мери Яги.

Киёси оглянулся на Мери через плечо и, покачиваясь из стороны в сторону, направился к ней.

Ему было где-то лет шестьдесят. Имя Киёси он взял из любви к старому артисту Асакусы – Киёси Ацуми. Никто не знал, кто он и как его зовут на самом деле. Похоже, в молодости он приехал с Кюсю, чтоб торговать чем-то, но ходили слухи, будто он без памяти влюбился в некую стриптизершу из Асакусы и все свои сбережения и заработок тратил на нее. Также поговаривали, что в старости он работал охранником стриптиз-театра и даже уборщиком, но потом опустился и стал нищенствовать.

– Ха-ха-ха, сестренка, давай-ка я понесу твою сумочку! И пакеты тоже давай!

– Ну тебя, Киёси, хватит приставать! Я все понимаю – вот тебе мелочь!

Мери вынула из кошелька, который сжимала в руке, почти 3000 иен и всунула Киёси.

– Ха-ха-ха, ты извини меня...

– И не увлекайся выпивкой! Смотри, Киёси, скоро похолодает – не простудись. В следующий раз захвачу для тебя свитер!

– Ха-ха-ха!!! – лишь радостно смеялся в ответ Киёси.

Спустя несколько дней я увидел прогуливающего по Шестому кварталу Киёси в шерстяном свитере умопомрачительной красно-желто-синей расцветки, в шерстяной шапке и теплых шерстяных носках, с миленькой сумочкой в руках.

– Ого, Киёси, а ты сегодня здорово выглядишь!

– Ха-ха-ха, это подарки Мери-сан! Она хорошая! Настоящая стриптизерша Асакусы! Ха-ха-ха! А куда ты идешь? Угости меня сакэ! – от подошедшего ко мне вплотную Киёси невыносимо разило спиртным.

– Я не настроен пить средь бела дня!

– Ха-ха-ха, тогда угости чашечкой кофе в «Блонди»!

– Где это видано, чтоб нищие, как аристократы, блаженствовали в кофейне за чашечкой кофе?! Были бы у меня деньги на кофе, я скорее сожрал бы чего-нибудь! Я сейчас как раз иду в забегаловку, но мне совсем немного не хватает. Кстати, Киёси, а где деньги, что тебе Мери дала? Давай хотя бы пятьсот иен, я тебе вдвойне верну.

– Ха-ха-ха, может пять тысяч?

– Идиот, я тебе тысячу дам! Жадный попрошайка!

– А что, и впрямь дашь тысячу?

– Ты что, думаешь, я нищего обижу?

– Ты не шутишь, что вернешь мне тысячу иен?!

– Ну что, так ты дашь мне наконец пятьсот иен?

– Угу! – кивнул он мне с широкой улыбкой на морщинистом лице, вытащил из карманов новеньких брюк, подаренных Яги-сан, скомканную 500-иеновую купюру и протянул мне.

– Вернешь мне тысячу иен!

– Ага, разумеется! Ну, до встречи!

Я выхватил из рук Киёси купюру, сразу же побежал в ближайшую забегаловку и с жадностью набросился на жареные креветки и рис-карри.

Это произошло вечером спустя неделю. Я начисто забыл про Киёси, так как полностью был увлечен выступлением. Тогда я три раза выходил на сцену с маэстро, чего уже давненько не случалось.

– Эй, ты! Ты что творишь?! – послышался зычный окрик из зрительного зала.

Несмотря на то, что вечер едва начался, кто-то уже успел напиться. Это же Киёси!

– Эй, а ну верни деньги! Заткнись и тащи сюда деньги – сколько можно не возвращать долг!

Киёси так разорался, что весь зал стал хохотать!

– Этот тип взял у меня деньги и не отдает! – увидев реакцию зала на свою выходку, Киёси приободрился, подошел вплотную к сцене и орал, не переставая, и тыкал в меня пальцем.

– Отстань, Киёси! К тому же ты бесплатно сюда пролез! Кто пустил сюда этого типа?! Выведите его! – завопил в ответ маэстро Фуками прямо со сцены.

– Пусть он сперва отдаст долг! Пять тысяч иен!!!

В зрительном зале опять раздался хохот, кто-то даже стал аплодировать. На это время скетч прервался, так как внимание зрителей целиком и полностью захватил бранящийся Киёси.

– Такэ, ты действительно взял у нищего Киёси пять тысяч иен?!

– Не пять тысяч, а пятьсот! Просто я пообещал вернуть ему в двойном размере!

– Что ты вытворяешь?! Как ты мог взять деньги у нищего и не вернуть? Почему ты так бесчеловечно себя ведешь?! – теперь уже и маэстро стал на меня наезжать.

– А ну быстро возвращай мне мои пять тысяч! – не унимался Киёси.

– Идиот! Не брал я у тебя пять тысяч! Я пятьсот просил!

– Врешь! Пять тысяч! Верни пять тысяч, верни!

– Он прав, а ты дурак, раз занял денег у нищего! Пожалей его – верни долг! – кричали мне зрители, знавшие Киёси.

– Я все понял, Киёси. Долг я тебе после верну, только угомонись и дай закончить скетч!

– Фу, изо дня в день в этом театре одни и те же скетчи, одни и те же импровизации – неинтересно! Киёси Ацуми играл в скетчах получше!

– Заткнись, бродяга!

– Ах ты так! А ну возвращай пять тысяч!

– Маэстро, что мне делать?!

– Что тут сделаешь? Разве что отдать ему эти пять тысяч?

– Что?! Но занимал-то я всего пятьсот иен! А насчет пяти тысяч – вранье сплошное!

– А ты не думал, когда брал у него деньги, что нищий Киёси не годится на такую роль?!

– Ууу... может отдать ему хотя бы пятьсот иен? – заныл я со слезами на глазах.

– А ты поплачь, Такэ! – расхохотался маэстро.

– Маэстро, простите меня ради бога, одолжите мне пять тысяч иен!

– Хватит тебе! Вместо того чтобы слезы лить – отдай ему долг.

Когда я вдоволь наплакался, маэстро дал мне пять тысяч, которые я отдал Киёси, поджидавшему меня у первых рядов с протянутой рукой.

– Ха-ха-ха, я свое получил – мои пять тысяч иен! – и стуча каблуками нищий направился прочь, демонстрируя публике пятитысячную бумажку.

Зал опять зашумел.

– Ну вот, свое я получил, так что можете продолжать представление! – заявил Киёси.

– Заткнись ты! И без тебя все знаем!

Что ни говори, в тот день Киёси мне здорово испортил выступление! Этот бродяга обвел меня вокруг пальца, получив пять тысяч вместо пятисот иен! С досады оттого, что я связался с нищим сморчком, я всю ночь проплакал, так и не ложась спать.

С тех пор прошло где-то пару недель. И тут Киёси устроил переполох по всему Шестому кварталу. В тот день стояла пасмурная погода. Когда закончилось утреннее представление, мне захотелось немного проветриться, часиков эдак до двух. На улице, где располагались кинотеатры, внезапно раздался оглушительный звук, как при взрыве бомбы. Сразу же после этого по всему кварталу отключилось электричество – все театры погрузились в темноту. Народ из ближайших заведений высыпал на улицу, интересуясь, что случилось.

Рядом с мюзик-холлом Асакусы, в здание которого входил и «Франсу-дза», раньше был кинотеатр, а теперь на его месте располагался театр-кабаре. Вот как раз позади него и клубился дым.

– Пожар?

– Газовая труба взорвалась?

– Атомная бомба?

– Почему отключилось электричество?

Приехала пожарная машина, но, к счастью, пожар оказался небольшим. Как выяснилось, по какой-то причине полетел трансформатор, установленный позади здания театра-кабаре. Он обеспечивал током весь Шестой квартал. После, когда стали все выяснять досконально, оказалось, что причиной возгорания стал нищий Киёси! Во время тушения пожара на месте взрыва обнаружился он сам, весь чума-

зый от копоти и грязи. Оказывается, в будках с трансформаторами, которые располагались рядом с театром, с наступлением зимы спасались от холода такие же бродяги Шестого квартала, как Киёси. Для старика Киёси было обыкновенным занятием забираться внутрь будки, где целый день тепло, и так он проводил всю зиму.

Однажды дневавший и ночевавший там Киёси, будучи пьяным, нассал на внешний кабель, и когда спросонья он входил внутрь, тогда все и случилось. Причина точно не известна, но поговаривали: не исключено, что короткое замыкание и пожар был вызван именно бедолагой-нищим. Сам Киёси особых увечий не получил, но вся одежда превратилась в лохмотья.

Разумеется, отключение электричества в квартале, где уйма театров и кинотеатров, ни к чему хорошему не привело. Ведь перестает работать абсолютно все: останавливается показ фильмов, отключается освещение и прочее, и никто не знает, когда его вновь смогут подключить. На сей раз хозяевам кинотеатров удалось уговорить зрителей подождать минут тридцать или час. А если потребуется больше времени?

Директора театров вышли на улицу с недоуменными лицами и стали обсуждать проблему. Был среди них и маэстро Фуками. Однако, как оказалось, на ремонт кабеля требуется больше времени, чем ожидалось, так что директорам всех двадцати кинотеатров Шестого квартала придется вернуть зрителям стоимость билетов.

Интересно, а как поступить «Фурансудза»? Когда маэстро вернулся в театр мы стали обсуждать случившееся.

– И нам придется сделать то же самое. Давай вернем билеты? Хотя... терять постоянных зрителей тоже нехорошо.

– Маэстро, есть выход из положения! – заявил спустившийся из осветительской Иноуэ. – Я установлю кинопрожектор, только не буду его вращать. Он сгодится для частичного освещения сцены.

– Как? Разве он заменит освещение? Каким образом? – спросил я.

– Свечи! Мы поставим вокруг сцены свечи, которые использует Синокава в своем шоу. А в светящемся кругу будут танцевать девочки!

– А как же звук?

– А я установлю в кулисах портативный плеер – он и будет проигрывать все мелодии. Это сделает обстановку более интимной, я даже думаю, что мы и после так будем делать.

– Хмм, ну, что ты скажешь, Такэ? – маэстро все еще нервничал.

Задумка Иноуэ не особенно пришлась ему по душе, но другого выхода не было.

– Маэстро, может, вы сразу посмотрите?

– Ладно, давай начнем!

Мы с Иноуэ взяли у Синокавы толстые свечи, расставили по всей сцене и стали пробовать звук для выступлений стриптизерш.

– Первой попросим выйти Рэми-сан в номере со степом! Мелодия пошла!

Объявив ее выступление, мы включили запись. Рэми Икеда вышла первой, выждала нужный такт мелодии и начала танцевать. Тем не менее, на зрителей она не произвела никакого впечатления – зал молчал. Когда я взглянул на сцену из-за кулис, то понял, что свечи и прыжки в стиле андерграунд очень напоминали храмовую ритуальную мистерию – атмосфера стриптиз-театра отсутствовала напрочь!

Я кинулся в зрительный зал и обнаружил, что музыки не слышно вообще! С первых рядов можно было уловить звуки, похожие на комариный писк, но не более того. Точь-в-точь

как тихая мелодия во время всенощного бдения возле тела покойника.

И все же, то ли зрители попались добрые, то ли еще что, но никто из них не стал возмущаться, все спокойно смотрели на нашу самодеятельность. Мы были единственным театром в Шестом квартале, где отключили ток, и зрители не рассердились, а упорно ждали продолжения программы.

– Стоп, стоп, нельзя такое показывать публике! Остановите, быстро остановите! – раскричался маэстро Фуками, ужаснувшись при виде всего этого безобразия.

Шоу пришлось прекратить.

– Нужно извиниться перед зрителями, вернуть назад билеты и сказать, чтобы они приходили, когда устранят аварию. Такаяма, выйди и передай это публике!

Такаяма-сан пошел извиняться перед зрителями, я стал раздавать билеты у входа. Жаль было отпускать людей, ведь двадцать из них пришли к нам впервые! Вот если бы освещения хватило хотя бы для скетчей!

– Этому мерзавцу Киёси захотелось устроить аварию с электричеством именно сейчас! Когда у нас и без того мало зрителей! Дубина этот Киёси, проходимец, а не человек! – все ворчал маэстро.

– Вы правы! А хотите, я его убью?

– ЧТО?! Такэ, ты что это, всерьез?

– Если не избавиться от этого ублюдка, то кто знает, что он натворит в следующий раз?!

Разумеется, я не собирался его убивать, но отчасти допускал такую мысль.

Потому впредь при виде нищих я начинал ужасно злиться.

К НАМ ЗАЯВИЛСЯ СТРАННЫЙ ТИП ПО ИМЕНИ МАКИ

Наконец-то в Асакусе наступил Новый год! Со временем у нас пропала всякая охота украшать сцену к празднику. Ясное дело – в стриптиз-театре нет отпусков. Мы работали весь год до 31 декабря, а новогодним утром открывали театр для зрителей. Непременно надо описать вам Асакусу в Новый год, когда наплыв зрителей становится особенно большим.

Завтра – канун Нового года. Мы вместе с рабочими сцены отправились в Международный театр, толкая перед собой тележку. Мы шли туда, чтоб заполучить комплект старого реквизита для шоу SKD[1]. Ненужный крупный реквизит нам давали даром, так что наш маэстро был убежден в том, что его можно было бы использовать много раз. Среди прочего у них была декорация средневековой европейской крепости – совершенно непонятно для

---

[1] Аббревиатура на англ. SKD – Smokey Kick Doears. Имеется в виду музыкальный жанр, популяризируемый в мюзик-холлах. Подобные шоу напоминают богато костюмированные мини-оперетты с танцевальными номерами.

чего она могла нам понадобиться! На другой заставке изображался Икар, также обнаружилась декорация с видом на здания большого города в вечернее время. Получив все, что могло бы нам пригодиться, мы вернулись прямиком в театр и приступили к украшению сцены.

Через какое-то время сцена оживилась, заиграла яркими красками, даже не нужно было создавать особую обстановку для стрип-шоу. Единственное, что смущало – исполнительницы японских национальных танцев. Когда они, нацепив парики, в традиционном японском одеянии выходят на цену, то смотрятся, конечно, великолепно. Но тут за их спиной оказался мужественный Икар, который ну никак не вписывался в общую картину. К тому же у нас Новый год! Мы расстроились, так как считали, что сделали все возможное для создания новогоднего духа.

Когда мы завершили украшение сцены, желая поскорее покинуть театр, рабочих сцены вызвал к себе в гримерку маэстро Фуками.

– Благодарю всех за ваше усердие в старом году и надеюсь на то, что и в новом вы будете стараться на славу! Тут нет ничего такого, просто небольшая премия. Вот, держите, Такаяма, Дзиро, Такэ и Иноуэ!

На врученном мне конверте рукой маэстро было выведено – «новогоднее денежное вознаграждение», внутри лежало 20 000 иен.

– Кто из вас встречает Новый год дома? Если таких нет, то прошу ко мне в гости! Всех накормлю вкусным о-набэ![1]

– Спасибо!

В итоге в гостях у маэстро оказались только мы с Иноуэ, как безвозвратно ушедшие из

[1] О-набэ – горячее блюдо, которое обычно готовят в холодное время года.

родного дома. Вчетвером мы встречали Новый год у маэстро, угощаясь блюдом из рыбы-фугу, приготовленным сестренкой Синокавой. Давненько я не смотрел по цветному телевизору конкурс эстрадной песни! Также я послушал первые в новом году удары колокола.

– Маэстро, сестричка, с Новым годом! И в этом году будьте ко мне снисходительны!

– Угу, надеюсь, в этом году я смогу на тебя положиться!

После посиделок у маэстро мы отправились в храм Каннон с традиционным первым визитом. Вот тогда и начался наш Новый год!

На Новый год число зрителей в «Франсудза» невероятно увеличивалось и потому нам приходилось по несколько раз в день выступать со скетчами – чему маэстро только радовался. Народу в Асакусе было столько, что, когда я заглянул в ближайший ларек, чтобы купить чего-нибудь пожевать, там все уже распродали.

Раз зрителей стало больше, то, само собой разумеется, мы увеличивали длину скетчей. Их было много, поэтому что бы мы ни играли – зрители принимали нас на «ура». Они смеялись во время показа самых простых скетчей, так что мы брали разгон и начинали безудержно импровизировать. Нравятся импровизации – вот вам еще одна порция дурачеств! Нравятся дурачества – получаем общий успех!

Когда зал хорошо реагировал, мы обязательно удлиняли скетчи, а потому приходилось укорачивать стрип-шоу. Однако, если вдуматься, какой смысл укорачивать время выступления дорогостоящим стриптизершам и давать выступать нам, низкооплачиваемым артистам?

– Такэ, болван, сколько еще будешь тянуть? А ну заканчивай! – всякий раз, когда мы задерживались со скетчем, звал из-за кулис клюющий носом маэстро.

Но зал и не думал нас отпускать, и нам приходилось ставить точку посередине выступления. О, разве не такой вечер я видел в своих честолюбивых снах? Разве не для этого момента мы из дня в день без устали репетировали? Что плохого в том, что зал тебя принимает?

Взять хотя бы наших стриптизерш – они превращались в зрителей, ожидая своего выхода в кулисах, и весело смеялись над нашими шутками. Вот теперь-то я могу называться артистом! Когда-нибудь я заставлю Синокаву сказать, что в театр приходят лишь ради наших скетчей, потому что они интересные!

Я нарочно проигнорировал зычный зов маэстро и продолжил свою импровизацию. Однако маэстро был не просто придирчивым учителем, всякий раз выговаривающим ученику за оплошность в игре. Нет, он был артистом!

– Смотри-ка, Такэ набрал обороты! С каждым разом все более тонкие импровизации! – отметил он.

Наконец я ввалился в гримерку, сам себе удивляясь. У меня возникло ощущение, что наша игра наконец-то стала достойной и качественной во всех отношениях. Как раз в это время в театр поступил паренек по имени Маки, желающий стать комедиантом. Настоящее его имя – Макикути Масаки. Ему было лет двадцать, родился он в Кавасаки, небольшого такого росточка паренек с хитрыми глазками.

– Меня зовут Масаки, но зовите меня, пожалуйста, Маки, – с показной шутливостью, заикаясь назвал он свое имя.

Мы же наоборот – смотрели на него с некоторой долей настороженности.

– Чем ты занимался до этого?

– Я был обыкновенным служащим, но мне это поднадоело. Я считаю, что быть комедиантом намного интереснее!

Маки, цедящий слова сквозь зубы, говорил это так жизнерадостно, что мы сразу же его полюбили. Услышав про его прежнее занятие, я удивился – всего-навсего простой служащий!

Со слов Маки, местом его первой работы было агентство по недвижимости. Из-за реформ премьер-министра Танаки относительно рачительного использования японских островов развился повышенный спрос на неосвоенные земли. Продавал ли агент земли под строительство или болота – все равно эта профессия приносила прибыль. Особенно мне запомнилось коварное агентство по недвижимости, в котором работал Маки.

– Мне уже совершенно расхотелось у них работать. Они показывали клиентам чужую недвижимость! Самое ужасное, что клиенты им верили, ориентируясь только на табличку агентства, установленную на землях ни о чем не ведавших хозяев, и на взятый напрокат бульдозер, который ставили просто так, имитируя активные строительные работы. Как только клиент уходил, табличку и бульдозер быстренько убирали. Когда не было прибыли, то успешно продавали болота – накрывали его пленкой, сверху насыпали земли, так что от настоящей почвы отличить ее было невозможно. Так они продавали земли и надували людей. После продажи участков агентство переехало, а сотрудники разбежались.

– Ну и ну! Хоть сценарий к скетчу пиши! – мы с Иноуэ с интересом слушали рассказы Маки.

После прихода Маки мы, дураки, не знавшие ничего, кроме своих скетчей, начинали прозревать и узнавать этот мир заново.

– Агенты все сплошь были типами вроде якудза или сутенеров – потому им все удавалось. Стоило им засветиться, как все разбега-

лись и начинали новое дельце. Странным был у них и кассовый аппарат. То есть внешне он ничем не отличался от обычных аппаратов, которые стоят в каждом магазине, но внутри, якобы, был компьютеризирован. Так этот самый аппарат они продавали по цене, больше первоначальной на 15 000 иен. Такие аппараты они отвозили на продажу в лавку ни о чем не ведавшего деревенщины. Они сами придумали визитки с названием изготовителя кассовых аппаратов – написали одно лишь название фирмы SHARP. И автомобиль переделали под служебный – с фургоном, а сбоку пририсовали синим линию, номера переделали под 63, 64, 65. Не знающим об афере людям казалось, что это крупное агентство с 65 машинами, а на самом деле у них было лишь три легковых. На этих машинах они ездили по деревушкам и загоняли свои кассовые аппараты под видом последнего слова техники.

– Вот аферисты! – Иноуэ захватил рассказ Маки.

– Садились на три свои развалюхи и гнали до ближайших деревень, там они втюхивали бедным бабушкам «новейшие компьютеризированные кассовые аппараты, которые в любом городском магазине стоят». Вот что они обычно говорили: «Я, менеджер, специально приехал из компании SHARP, чтобы рассказать вам о нашей продукции. Сейчас у нас период распродаж, поэтому вы сможете приобрести аппарат по цене ниже, чем в обычных магазинах. Настоящая цена – 35 000 иен, а мы просим всего лишь 20 000!» Так они и проникали в магазин. Ненароком они просили дать им осмотреть старый аппарат, осматривая, портили там что-то и заявляли, что он не исправен и надо приобретать новый.

– Ха-ха-ха, ну и мерзавцы!

– Ну вот, продав его, якобы, дешевле, они делали ноги.

– И впрямь бандюганы! Сажать таких надо!

– Опасно было с ними оставаться! Еще немного и кто его знает – сожрали бы меня с потрохами!

В спокойном тоне, которым Маки все это выкладывал, и в самом рассказе угадывался талант комедианта. Не исключено, что и наш бизнес в итоге стал бы надувательством зрителей. Хотя даже если мы обманывали публику, то только ради смеха, преступлений мы не совершали.

Мы обнаружили у Маки талант, поэтому стали включать и его в наши скетчи. Он оказался на удивление способным парнем, все, сказанное мной, он моментально усваивал и ловко повторял. Он так же, как и я, обладал некоторым обаянием, да и в диалогах был неплох. Вот только заикание, которое меня напрягало с самого начала, так и не исчезло. Этот легкий недостаток возникал, когда он нервничал, но и у меня ведь были свои изъяны.

Однажды я набрался смелости и на одном дыхании доверил Маки тайный план, постоянно мучивший меня.

– Маки, хочешь выступать со мной в паре? И не в этих устаревших скетчах, а новых, с изюминкой – мы их сами придумывать будем. Работу над проектом я беру на себя!

– А что, ты уходишь из «Фурансу-дза?»

– Тише ты! Это пока секрет! На самом деле пока надо придумать, чего мы точно хотим, а после отрабатывать в других местах, пока не отточим мастерство!

– Такэси-сан, с тобой я куда угодно пойду!

– Хорошо! Тогда с завтрашнего дня мы вдвоем начнем работать над скетчами!

– Понятно! Спасибо!

Со следующего дня мы втихаря начали отрабатывать тексты будущих скетчей на крыше «Фурансу-дза». Лиха беда начала – с Маки работа ладилась, и вскоре я решил попросить маэстро отпустить меня в свободное плавание. Мы все прекрасно знали, как маэстро не любил отпускать своих учеников, прийти к нему с такой просьбой было очень непросто. Было страшно, но мы чувствовали уверенность в себе. Теперь нам не хотелось ничего другого, как выступать с собственными скетчами на свой страх и риск, не зная заранее – провалятся они или нет.

Поэтому отныне я и Маки, улучив любую свободную минутку, поднимались на крышу для репетиций. У нас самих поменялось мироощущение. Не то чтобы времена были уже не те, скорее, мы сами изменилось и больше не совпадали со стилем жизни в Асакусе. Неужели мы не смогли бы сделать что-нибудь новенькое? Неужели мы не смогли бы удивить зрителя? Однако не так уж и легко что-то придумать! А надо было сделать так, чтобы все рот разинули от удивления, увидев нас в качестве дебютантов. Нам очень хотелось выпорхнуть из гнезда, к чему мы и стали активно готовиться.

И все-таки, почему людям свойственно всех уравнивать? Как раз тогда я частенько спорил об этом с Маки, а тут до нас дошли слухи о дебюте в мюзик-холле Мацутакэ нашего друга – Авагути Санты. Санта иногда подрабатывал тем, что в свободное время помогал в «Фурансу-дза» с постановками скетчей.

По рекламному объявлению я обнаружил еще одного нашего друга из «Фурансу-дза» – Сайто Сэйроку, он подрабатывал в рисовой лавке вместе с Хагимото-сан. Сэйроку бесконечно мне обрадовался, и я пригласил его к себе в гости, где он и поведал мне свою историю в

свойственной ему шепелявой манере, надо сказать, в этом дефекте была некая изюминка. Хагимото-сан для нас, начинающих комедиантов, являлся примером для подражания, мы даже ему завидовали! Быть его учеником означало возможность появиться на телевидении.

– Маки, а давай и мы состряпаем скетч, не хуже, чем у этих парней?! Если с таким номером можно попасть на телевидение, то тогда это проще простого!

Мы с Маки особо не задумывались о дополнительных участниках скетчей или о способе всеми правдами и неправдами проникнуть на телевидение – такой участник объявился сам, сразу же после известия о нашем предстоящем дебюте. Это был наш коллега Дзиро.

– Такэ, дай мне сыграть в вашем скетче, а?

Дзиро, говорящий на диалекте Ямагата, явился, чтоб пригласить меня работать вместе. Раньше он хотел стать певцом, потому и приехал в столицу, а так он был самым настоящим жителем Ямагаты – нелепым чудаком. В Токио с ним произошла неприятность в школе пения, которую ему пришлось бросить. После же он мелькал иногда в фильмах для взрослых, да и то на второстепенных ролях. Также он состоял в какой-то безвестной театральной труппе. Однако Дзиро раньше меня стал выступать со скетчами, еще в пору «Рокку-дза».

– А что ты умеешь делать?

– Мандзай! На мандзай всегда народ валит!

– Да, но я рассчитываю на скетчи в дуэте с Маки!

– Раз так, то мандзай займусь я сам! Я ведь смогу быть и конферансье, и вообще кем угодно!

Но мы с Маки решили совершенствовать наш номер, не обращая внимания на Дзиро.

ДЕБЮТ В МАНДЗАЙ ВМЕСТЕ С ДЗИРО

Порой что-то происходит так неожиданно, что застает тебя врасплох. Вот и на сей раз так случилось – Маки, с которым мы репетировали, выпил лишнего, и у него разболелась голова. Если бы он некоторое время не отлежался, то не смог бы вообще дойти до дома. Изначально я подозревал, что он пьющий, но никак не мог себе представить, что Маки такой слабак. Оказалось, что он прикрывал свое заикание и нервозность выпивкой, что меня шокировало.

– Прости, что сорвал репетицию, Такэ! – извинялся Маки, но я уже засомневался, что хотел бы иметь такого напарника.

С другой стороны, я вспомнил про предложение Дзиро относительно мандзай, и мне впервые захотелось выступать с ним.

Я стремился уйти из театра, так как не собирался оставаться там до конца своих дней. С недавних пор я стал обращать внимание на то, что наш человеколюбивый маэстро словно бы читает мои мысли. Как-то раз он выдал следующее:

– Такэ, ты и другие молодые ребята нравитесь публике. Вот только больших денег это не приносит, так? Ведь для вас игра не так уж и важна, я прав? Язык у тебя подвешен – ничего не могу сказать, но ты можешь только острить. А артист должен уметь все – и петь, и степ исполнять, и копировать знаменитостей, и двигаться как следует, так, как это не может простой человек. Иначе он не будет иметь успех у зрителя. Вот возьмем хотя бы артистов, недавно принятых в мюзик-холл Мацутакэ. Скажи на милость, где оно в вашей игре, искусство?! Вы же просто выходите на сцену, так ведь? А те артисты могут перевоплотиться в кого и что угодно!

Как ни крути, а маэстро был прав. Но мне так не хотелось, чтобы однажды зародившаяся в моей душе мечта исчезла! Я мечтал выступать не только в «Асакуса фурансу-дза», но и в других театрах комедийного жанра. Хотел, чтоб люди говорили: «он дал сто очков вперед артистам, которые только напускают на себя важный вид!» Да нет, пусть люди говорят, что им вздумается. Я лишь намеревался попытать счастья на других площадках.

С тех пор для меня начались мрачные, окрашенные депрессией дни. В один из таких дней ко мне заглянул Дзиро – парень, с которым мне предстояло дебютировать. Оказывается, он был знаком с менеджером мюзик-холла, поэтому, если поторопиться и создать дуэт, можно попросить его приятеля выпустить нас на сцену. Он был в хороших отношениях с мэтрами мандзай, братьями Сиёкакуя Тиовака и Тиокику. Так вот, если напроситься к ним в ученики, получить право на сценический псевдоним, то после они рекомендовали бы нас для платных выступлений в любом крупном театре. Дзиро говорил все это без назойливости,

свойственной уроженцам Ямагаты. Хотя он несколько раз повторил, видимо, желая заинтересовать меня: «ты только возьми меня в напарники, а остальное я сам сделаю!»

– В номерах со скетчами я уверен на все сто, но вот мандзай... я никогда этим не занимался!

– Так это же просто! Диалоги будем писать вместе, тебе я оставлю самое простое.

Услышав, что мы сможем сами писать то, что нам по душе, я обрадовался, но пока мне не хватало решительности. И тут мне вспомнился случай с трансвеститом, где сыграл свою роль и Дзиро.

В «Фурансу-дза» впервые поступил на службу трансвестит-стриптизер. Тогда это было в новинку, и все только диву давались. То ли он делал себе гормональные инъекции, то ли еще что-то, но грудь у него была большой и упругой, хотя половые органы он не прооперировал. Во время стриптиза он демонстрировал свои мужские органы – в этом и состояла изюминка его номеров, а в качестве псевдонима взял имя «Отака-сан». По жизни – на редкость приятный и милый парень.

В этого самого трансвестита Отака-сан влюбился Дзиро, да нет, скорее всего, первым влюбился сам Отака! Так или иначе, не будем заострять внимание на том, кто из них первым втюрился – мужчина или трансвестит, но вскоре они вступили в близкие отношения. Всем в театре становилось не по себе от почти супружеских отношений трансвестита Отаки и Дзиро, но он так опекал Отаку, что стриптизерши не смели и плохого слова проронить. Все хорошо знали про дурное поведение Отака-сан, когда он напивался. Ладно, если бы только спиртное, но он и наркотиками баловался. Это были не только героин и стимули-

рующие наркотики, но и модный тогда хайминал и какой-то вид снотворного. Когда Отака-сан запивал наркоту алкоголем, то весь день был, мягко говоря, не в себе. Часто, когда ему становилось плохо, он совсем не мог выступать.

– Эй, Дзиро, что с Отакой? – спрашивали мы у Дзиро. – Он не в состоянии что-либо делать, не говоря уже о выступлении.

Когда Отаке стало совсем худо, маэстро вызвал Дзиро к себе.

– Я очень зол на Отаку! Так нельзя!

Обычно Дзиро не оставлял выговоры маэстро без ответа, но когда дело касалось его любовника и коллеги, то тут ему крыть было нечем, он лишь молча выслушивал замечания. А Отака все продолжал принимать наркотики, злоупотребляя любовью и терпением Дзиро.

– Если ты не заставишь его бросить наркотики, то Отака либо умрет, либо попадет в больницу! – время от времени стращали Дзиро стриптизерши.

– Да понимаю я все! На каком еще языке мне ему это сказать, чтобы он понял наконец?!

– Как? Думай! Это и есть твоя задача, как мужа!

– Ну и ну! Мужем еще называют! – ворчал расстроенный Дзиро.

После нам доводилось слышать крики. Это ругались Дзиро и Отака. Крики перемежались звуками разбивающихся и падающих предметов.

– Такэ, что там происходит у Дзиро? Все ли в порядке? Иди-ка, глянь, что и как! – обычно просил меня перепуганный маэстро.

– Пусть супруги ругаются – не стану я вмешиваться! – говорил я и все равно шел взглянуть на происходящее.

...– Почему ты меня не слушаешь? Мне надоело терпеть выговоры и советы от маэстро и девочек из стриптиза!

– Чушь несут эти твои советчики! Побольше их слушай! – послышался низкий голос Отака.

– Ах, не слушать?! Они беспокоятся о тебе, чтобы ничего с тобой не случилось, а ты! Ну все, хватит! С этих пор я тебе не муж!

– Ах, не муж?! Ну а кто, кто же ты теперь? Обычный сутенер, так?!

Я живо представил себе выражение лица деревенщины Дзиро, когда он зарычал в ответ. В следующую минуту раздался звонкий шлепок – пощечина, отвешенная Отаке в ответ на его попытку замахнуться на Дзиро. Звук был слышен аж в коридоре, за ним незамедлительно последовала возня двух любовников и крики: «больно, отпусти!», «заткнись, трансвестит несчастный!», «что ты делаешь? Прекрати!», «ай, боюсь! Хватит, умоляю!»

– Хватит вам, кому говорят! А ну перестаньте! – когда мы бросились разнимать любовников, более избитым оказался Дзиро.

– Больно! Тут больно! Я понял, все понял – отпусти меня!

Осыпанный пощечинами, Дзиро выбежал из гримерки.

– Эй, Такэ, полюбуйся на меня! Радуйся – видишь, как Отака меня разрисовал!

На лице Дзиро чернело несколько синяков от затрещин Отаки, из губы капала кровь. Припомнивший свою первичную мужскую природу, Отака оказался настоящим силачом! Я вспомнил, что до того, как стать трансвеститом, Отака состоял в службе самообороны, а потом в танковой дивизии.

– Он не на шутку разошелся! То спокоен, то как взорвется! Нельзя недооценивать его из-за того, что он трансвестит, нет!

– Да уж...

– Купи мне спиртного! Спиртного!!!

– Понял, понял!

Дзиро улегся прямо на татами, так как кровь у него стала идти носом. Я пришел помочь ему, и слово за слово мы стали обсуждать невероятную агрессию Отаки.

В тот вечер было наше выступление. Внезапно возникла неприятная ситуация с выходом Отаки, он куда-то испарился – не знак ли это того, что он не смог встать на ноги? Дзиро кинулся в гримерку Отаки – тот выпил все оставшееся снотворное...

– Может, «скорую» вызвать?

– Во-первых, идет представление, во-вторых, приедет и полиция, а это уже лишнее!

– Может быть, самим пропробовать?..

– А это хорошая идея. Надо бы напоить его водой и вызвать рвоту.

Дзиро влил в глотку бесчувственному трансвеститу несколько стаканов воды, подтащил его к унитазу и надавил на корень языка, чтоб вызвать рвоту. Из Отаки потек виски вперемешку с белым порошком.

– Он, случайно, не умер? – побледнел Дзиро.

К нашему обоюдному ужасу Отака не приходил в себя. Два дня Дзиро не отходил от постели Отаки, преданно ухаживая за любимым. Это было больше, чем любовь мужчины и трансвестита, нечто тонкое и возвышенное... как красота. Благодаря самоотверженному уходу Дзиро, Отака смог выкарабкаться.

Сразу же после этого происшествия Отака снял квартиру и стал жить в ней вместе с Дзиро. Дзиро вновь, как и раньше, являлся ко мне для того, чтобы порепетировать, а это оз-

начало, что от мечты выступать со мной дуэтом он не отказывается. Теперь я больше не напускал на себя безразличный вид, как это было раньше, когда Дзиро захаживал ко мне. В желании выступать на другой сцене Дзиро, пожалуй, давал мне фору.

Ну а что маэстро?! Всего-навсего артист, не сумевший воплотить свою мечту в реальность, вот уже несколько десятилетий убивавший в себе сокровенные желания. Только потому, что я понимал его чувства, сказать обо всем ему самому было тяжело. Так я стал сам себе противен, поэтому решил бросить переживать. В один прекрасный день мы собрались с духом и отправились к маэстро для серьезного разговора.

– Маэстро, мы бы хотели разок выступить в другом театре...

Лицо маэстро Фуками стало на глазах резко менять цвет.

– Уфф, а что вы умеете? Если вы бросите театр, то вам останется лишь личная свобода. Ни мастерства, ни...

На большее у маэстро не хватило слов.

– Нет, маэстро, хоть вы так говорите, но мы не считаем, что слава придет к нам сразу же. Если понадобится помощь, то мы к вашим услугам, а если на другой сцене нам не повезет, то мы с радостью сюда вернемся! Как-то раз мы смотрели выступление артистов мюзик-холла, так нам показалось, что и мы так сможем, если постараться, а то и лучше! – видя мое отчаяние, перехватил инициативу Дзиро, нарочно растягивающий гласные, как уроженец Ямагаты.

Однако маэстро ничуть не хотелось ввязываться в дискуссию.

– Так и быть... И не надо приходить помогать – сами справимся! – печально произнес Фуками Сэндзабуро.

Думаю, он много чего мог бы нам сказать, но он только прибавил – «эх, дураки вы!» и замолчал.

Что бы маэстро нам ни сказал – мы были тверды в своем решении играть в мюзик-холле. Теперь по отношению к нему мы испытывали лишь благодарность.

До нас маэстро взрастил не один десяток, а целую сотню учеников. Что бы ни произошло в моей жизни, я буду помнить этот день.

Однако маэстро был все так же растерян, как и в начале нашего разговора. Неприятно об этом говорить, но ведь нельзя отрицать, что мы с маэстро сроднились по духу. Куда бы мы ни пошли, всюду он гордо хвастал: «А это мой ученик!» Я радовался этому, и сердце наполнялось чувством благодарности, но в то же время было тяжело.

Я очень переживал из-за маэстро, но все же репетиции мандзай на квартире у Дзиро продолжались. Улучив свободную минутку, я заглянул в мюзик-холл Мацутакэ и посетил выступление старших учеников, исполняющих мандзай.

Среди выступающих были Коломбия, Топпу, Райто, Сиситэнъя, Сэто Ванъя, W Кэндзи, Араяма Нориро и Ториро, Харуно Пиитику и Паатику, а также Аодзора Итимон, Харуно Итимон – короче, лучшие молодые последователи эстрадного искусства мандзай собрались сегодня в зале мюзик-холла Мацутакэ!

– Слушай, это ведь легче скетчей! Просто стоишь на сцене и болтаешь себе!

– То, что мы видели – проще простого, но я считаю, что интереснее скетчей «Асакуса фурансу-дза» я еще не видел!

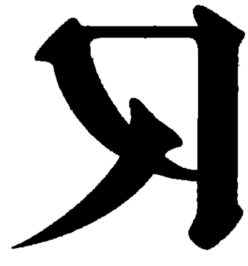
– Да ладно тебе! Мандзай во сто крат интереснее! Да и предоплата есть, а ведущему так совсем хорошо платят.

Дзиро все напирал на деньги и ни разу не упомянул про мастерство, сценарий и наши импровизации. Я же в то время думал лишь о творческой стороне наших выступлений и о том, что в случае чего мир шоу-бизнеса может запросто проглотить нас со всеми потрохами.

Тем не менее, с этих пор мы могли предстать перед зрителем со своим собственным репертуаром. Плохо ли, хорошо ли, понравилось бы это публике или нет – все теперь зависело только от нашего таланта и творческого потенциала. Черт, да я хочу перехитрить этих типов, обратить на себя внимание, чтобы все говорили – «смотрите, вот он – молодой гений мандзай!»

После визита к маэстро Сёкакуя Тиёвака, руководителю труппы мандзай, Дзиро получил странный сценический псевдоним – Сёкакуя Дзиро. Хоть маэстро Фуками до последнего не одобрял наш поступок, но я все-таки покинул «Фурансу-дза» и сразу же состоялся мой дебют в качестве артиста мандзай.

ФУКАМИ СЭНДЗАБУРО НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ МОИМ УЧИТЕЛЕМ

Я ушел из «Асакуса фурансу-дза», покинул маэстро Фуками, но, как сказал Дзиро, это не означало, что мы так просто завоюем публику.

Наверняка мы привлекли к себе определенное внимание, как перспективные молодые артисты мандзай, вот только с тех пор случались и падения, и взлеты – и так на протяжении нескольких лет.

– Видишь? Все как я тебе говорил! Не так уж и просто тут пробиться!

Когда я изредка встречал маэстро на улицах Шестого квартала и рассказывал о наших делах, я чувствовал, как меня покидает оптимизм, и даже несколько раз появлялось желание вернуться в «Фурансу-дза». Только потом-то мне оттуда уже не вырваться! Вновь покинув «Фурансу-дза», я бы не имел ни малейшего понятия, когда бы еще смог выступать. Теперь оставалось только ждать, стиснув зубы. К тому же я не считал нужным возвращаться в «Фурансу-дза» во время испытательного срока в мюзик-холле. Даже если б я

не успел стать чьим-то учеником, все равно это посчитали бы предательством учителя.

Я знал, что ходили слухи о моем безразличии и хладнокровии. Всякий раз, когда мне приходилось слышать такое, меня одолевали печальные мысли.

Излишне говорить о том, что маэстро расстроился, если бы я так и не стал артистом.

Как доверчивый ребенок, я поверил россказням Дзиро о том, что работы в театре навалом, однако на самом деле ее не было совсем.

Даже когда мы упрашивали менеджера мюзик-холла Мацутакэ дать нам возможность выступить, то, дай бог, чтобы он выпускал нас на сцену раз десять в месяц. Гонорар составлял 1500 иен за вечер, которые, разумеется, мы делили пополам. Таким образом, каждому доставалось всего 750 иен.

Заработка на жизнь не хватало – пойди-ка, проживи на 7500 иен в месяц! Мне и во сне не могло присниться, что я буду жить беднее, чем во время работы в «Фурансу-дза»! Это меня неприятно поразило, хотя я считал себя привычным ко всему!

В дни, когда в мюзик-холле Мацутакэ не было работы, мы напрашивались с выступлениями в «Кимакан». Публика была немногочисленной, притом одни дедушки и бабушки – весьма жалкое зрелище! Двадцать минут выступать с мандзай перед стариками – это просто пытка! Что бы мы ни исполняли, в зале стояла гробовая тишина, хоть бы кто кашлянул или вздохнул! Пока я истязал себя на сцене, старички начинали копошиться – бабушки ковыляли в туалет, мочась по пути, а дедушки храпели. Так зал постепенно и пустел. И как же мне продолжать, когда в моем номере должен был быть диалог со

зрителями?! Это начинало походить на безумие...

С подачи Дзиро, мы ушли из мюзик-холла и примкнули к ученикам потомков Райто – Коромбия, Топпу и Райто. Тогда у нас появились новые псевдонимы – Сора Такаси и Киёси. Однако и эту затею по прошествии полугода пришлось оставить.

Я обратил внимание, что нам не везет потому, что диалоги, придуманные Дзиро, слишком уж длинные. А ведь я давно это понял, еще когда работал у маэстро Фуками! Нет, ну все, хватит с меня мандзай, не хочу им больше заниматься! С тех пор, как я ушел из «Фурансудза», то только и делал, что шел на поводу у Дзиро – нельзя было этого делать!

Взвесив все плюсы и минусы, я решил изменить дело. Сценарием и диалогами изначально должен был заниматься я. С того дня я взял эту роль на себя.

Если бы я кардинально не поменял сценарий – не видать бы нам успеха! Мне хотелось учинить что-нибудь сумасбродное! Наши номера мандзай болтались где-то посередине между комедией и трагедий – не мрачные, но и не наивные.

Увиденный как раз в то время мандзай в «мюзик-холле Оосу» в Нагоя вдохновил меня на новые подвиги. Меня впечатлила манера выговаривания слов речитативом в мандзай некоего артиста Ёсити. Эта идея была близка и мне – определенного рода ставка на быструю реакцию зрителей, она обескураживала публику и в этом была своя прелесть.

В Хиросиме и Окаяме, ну и у нас, в Токио и Ямагате, демонстрировали другого типа мандзай. Уроженцу Ямагаты Дзиро не надо было излишне напрягаться. Он уже собаку съел на этом деле. Можно говорить все, что

в голову взбредет – глумиться над партнером и всякое такое.

От этой мысли на душе становилось так хорошо! К тому же можно было самому импровизировать так, как ты это чувствуешь. Название для дуэта мы придумали сами – «Два Бита», и решили, что наш дебют пройдет без нашего «матерого волка» – маэстро. Моим партнером стал все тот же Дзиро – все же давняя дружба не позволяла нам разойтись в разные стороны.

Иногда я думал позвать в партнеры Маки, но у бедняги все также было не в порядке с головой. Более того – болезнь прогрессировала, и ему становилось все хуже. А ведь изначально мы собирались дебютировать вместе, а он в такой ответственный момент стал прикладываться к бутылке и все испортил! Мечта выступить с Маки так и осталась мечтой. Однако мои планы относительно мандзай нового типа оправдались. Разумеется, в ход пошли непристойные скетчи, которые я исполнял в «Асакуса фурансу-дза», также я стал активно использовать в них табуированную лексику, что до сих пор не позволялось канонами мандзай. Намешав в сценарии всю эту запрещенную лексику, я стал выступать с такими номерами. Теперь в дураках ходил Дзиро. Именно он, впадал в недоумение больше, чем сами зрители, что вызывало у меня смех.

Всякий раз выходя на сцену, Дзиро объявлял: «Дорогие зрители, не умирайте прежде времени, а внимательно послушайте наш мандзай!», поэтому зрители, прежде чем впечатлиться нашими выходками, изумленно взирали на него. А далее публика слушала, раскрыв рот от удивления, иногда возмущаясь вслух – «хватит говорить такие гадости!»

Мы преспокойно произносили вслух как слово «п...а», так и наоборот – «дапиз». Порой нам не везло с публикой, и начиналась словесная перебранка со зрителями, – тогда уже наш номер превращался в грандиозное шоу. И все-таки самым большим успехом наши выступления пользовались у наших же коллег-профессионалов.

По слухам, наш дуэт «Два Бита» появился как результат сотрудничества двух артистов-чудаков из мюзик-холла. Во всяком случае, слухи сработали, и дело пошло как по маслу. Постепенно до нас стала доноситься критика, а при встрече с бывшими коллегами из «Асакуса фурансу-дза» нас даже окликали: «эй, это вы Два Бита?» Удивительно было видеть в зале мюзик-холла не обычных зрителей, а артистов «Фурансу-дза». Во время моего выхода из гримерок с нижнего этажа поднимались наверх актеры и слушали меня в кулисах. Среди них были как начинающие артисты вроде меня, так и заслуженные. Причину нашего успеха я сам так и не смог понять.

Тем не менее, как бы нас ни расхваливали, менеджеры мюзик-холла никак не хотели нас признавать. Они по-прежнему заставляли нас исполнять провальные номера, которые шли, когда театр только открывался... И вообще – до каких пор они собирались выпускать нас лишь для «разогрева» публики? Менеджеры пихали нас в помощники к артистам постарше, а то из жалости или из желания протянуть руку помощи, заставляли «Двух Битов» вступить в профсоюз артистов мандзай. А может, наш мандзай и вовсе не считали за таковой?! В общем, над нами так глумились, что мы ощущали себя двумя великомучениками, – страдальцами, побитыми за христианскую веру.

И все же, странно, но несмотря на то, что нас использовали для «разогрева» публики, мы становились популярными. Чем больше мы выступали с номерами, сделанными по своему усмотрению, тем больше нас любили. Мы с удивлением подметили и то, что после окончания выступления, поняв, что мы больше не выйдем, зрители с разочарованными лицами начинали расходиться. Тогда проблемой стал выход наших именитых старших коллег после того, как зал покидала публика, то есть сразу после нашего «разогрева». Вот тут уже было не до шуток, получалось более чем неприлично по отношению к мастерам мандзай.

Теперь уже изворачиваться пришлось нашим менеджерам – во избежание повторных ситуаций со зрителями, они нас, дебютантов, поставили выступать в самом конце. То есть, в самом начале программы выпускали какую-нибудь парочку для «разогрева», потом известного артиста, а между первым и вторым выходами мэтров мандзай разносили бутерброды, тем самым удерживая публику на местах.

Несомненно, что многие артисты смотрели наши выступления с кислыми минами. В игре нас выручал, скорее талант, чем мастерство. Неудачники спокойно общались с удачливыми артистами, сильнейшие завоевывали сцену, слабые ее покидали, но на успех могли рассчитывать лишь талантливые – таков был закон театрального мира.

Не особо везучие артисты пытались завоевать популярность написанием романов. Объектом своего романа я, как представитель актерской профессии, выбрал Асакусу – наиболее стильное место для своей писанины.

Форма и логика повествования в конце концов появятся, пока же перед моими глазами только репетиционная сцена. Ни логики, ни-

чего – только одна сцена, и я ничего не могу с собой поделать! Подумаю, когда закончу! Это как раз мне свойственно. Стиль игры в Асакусе – не умение, а риск, а дальше как кривая вывезет.

Идти напролом, испытывая страсть к необычайному очарованию сцены, стать ее заложником – вот ни с чем не сравнимое удовольствие! Артисты, можно сказать, родившиеся на сцене, обладали сильным духом. В какую бы ситуацию они ни попадали, где бы ни очутились – они были настолько в себе уверены, что могли сходу начать импровизировать и привлечь зрителя.

Со временем наш дуэт «Два Бита», появившийся впервые на подмостках мюзик-холла Мацутакэ, переметнулся в мир телевидения.

Так что и мы прошли через эпоху ни с чем не сравнимой популярности мандзай. Этот бум заставил изменить представление людей о мандзай, ведь прежде никто даже не мечтал о том, что артистов в этом жанре будет так много и что это искусство обретет такое невероятное признание.

Однако как бы я ни стал популярен, маэстро Фуками, сказавший про мандзай – «такие вещи не считаются искусством!», до последнего не признавал меня. Хотя, безусловно, он радовался моим успехам. Но, признаюсь вам честно, я был согласен с учителем и не считал мандзай истинным искусством. Мандзай просто стал для меня ступенькой, возможностью шагнуть в театральный мир, а не самоцелью, не вершиной артистического мастерства. Ведь только мандзай можно научиться так быстро!

Я понемногу занимался всем, чем угодно – варьете, скетчами, степом, учился пению и пел, как мог, после чего сам маэстро Фуками меня зауважал.

Всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, я отправлялся с визитом вежливости к маэстро.

Неожиданно для всех в результате несчастного случая маэстро погиб. Эту печальную новость я услышал по телеканалу Фудзи в гримерке театра, где шла киносъемка. Меня как будто оглушили, колени задрожали, ноги подкосились...

В тот день в газетах появился некролог.

ОДИНОКИЙ «УЧИТЕЛЬ СМЕХА» ПОГИБ ПРИ ПОЖАРЕ

Фуками-сан, руководитель театра «Асакуса фурансу-дза» в течение 35 лет, учитель Бита Такэси и многих других.

Ранним утром 2-го числа бывший комедиант сгорел при пожаре в своей квартире в районе Асакуса, Токио. Он был учителем таких известных артистов «Асакуса фурансу-дза», как Бит Такэси, Хигаси Хатиро и др. Фуками-сан проживал в однокомнатной квартире в артистическом квартале в полном одиночестве. По официальной версии он поздно обнаружил возникший пожар и не успел выбежать из квартиры.

«Не стало еще одного человека, знавшего старую, добрую Асакусу», – так выразили свою скорбь коллеги и старшие ученики погибшего.

В тот день примерно в 6:30 утра из квартиры бывшего комедианта, г-на Кубо Насодзи (59 лет), проживающего по адресу: Токио, Восточный р-н, Асакуса 3-9-9, 2-й дом Мацукура (частная собственность г-на Мацукуры), 4 эт., кв. 46, потянулся запах гари, но внимание на это обратил только сосед-бармен, живущий на том же этаже. Выломав дверь, он обнаружил в квартире пожар, а услышав крики, набрал по телефону номер 119.

Из службы спасения Японии было прислано 9 пожарных машин, экскаватор, машины «Скорой помощи». В квартире г-на Кубо было затушено 20 кв.м., а возле входной двери был обнаружен сгоревший труп г-на Кубо.

Этот дом является 4-этажным бетонным зданием, 1 этаж занимает гараж, 2, 3, 4 этажи – 19 квартиросъемщиков. Остальные жители не пострадали.

Полиция Асакусы рассматривает такой вариант случившегося. Г-н Кубо в состоянии алкогольного опьянения курил лежа, а незатушенные окурки бросал на пол. Г-н Кубо упал на пол в метре от матраса, по всей видимости, желая выбежать из квартиры.

Г-н Кубо, более известный под псевдонимом маэстро Фуками, – бывший комедиант, до нынешнего время руководивший «Асакуса фурансу-дза». С 21 до 44 лет исполнял ведущие роли в «Рокку-дза», его коллегами были Сэки Кэйроку, Тани Канъити, Ацуми Киёси и Нагато Исаму. Учеником г-на Кубо был Хигаси Хатиро. Позже г-н Кубо перешел из «Рокку-дза» в «Асакуса фурансу-дза», где исполнял второстепенные роли в промежутках между стриптизом. Когда маэстро было за 50, он выпустил на сцену дуэт «Два Бита». Он вообще всячески содействовал творческому росту молодых артистов, но два года назад бросил театр и поступил на работу в косметическую фирму.

В прошлом году маэстро воспользовался новогодним отпуском в фирме, чтобы выступить в родном театре, ведь по его признанию, он любил свои корни! Но в личной жизни артисту не везло – он развелся с женой, а женщина, с которой он жил после, скончалась еще в прошлом году, поэтому маэстро еще больше пристрастился к алкоголю, что пугало его друзей и коллег.

Владелец этого дома, г-н Мацукура является менеджером «Асакуса фурансу-дза». Когда-то этот дом был сплошь заселен артистами, но теперь тут живут рабочие сцены или торговцы. Хозяин закусочной (45 лет), проживающий на 3 этаже, тепло вспоминает своего знаменитого соседа: «Он был замечательным человеком, моим завсегдатаем. И я выбежал на запах горелого с огнетушителем в руках, но дыма было слишком много и я не смог его спасти. Соседи называли его «Фуками-сан» или «маэстро», хоть в театральном мире у него было прозвище «ужасный человек».

С 27 числа прошлого месяца по причине переутомления на службе в больнице преф. Окаяма,

г. Готэмба проходит лечение г-н Хигаси Хатиро. Узнав о гибели г-на Кубо в тот же день в 11 утра от менеджера Ямады, он произнес: «Что ни говори...», но продолжить не смог. По прошествии некоторого количества времени он смог произнести ослабшим голосом: «Жаль, что я в больнице и не смогу проститься с учителем. После я непременно его навещу».

(Из выпуска газеты от 2 февраля 1983 г.)

Маэстро Фуками сгорел из-за собственного пьянства... Говорят, его обожженный труп настолько увеличился в объеме, что его было не охватить руками. Странно, во время наших встреч в барах Асакусы я не замечал, что его жизнь была настолько суровой. Несомненно, маэстро стал более одиноким после его ухода из театра. И все же, случайным ли стал этот пожар?

Маэстро полгода назад из-за болезни потерял свою любимую Синокаву. И она тоже усугубила свою болезнь чрезмерной страстью к выпивке.

Со дня гибели маэстро прошло два года. В этот раз я узнал о смерти потомственного сутенера Ябэ. Говорили, что Уки был выброшен на улицу своей любовницей-стриптизершей, он умер стоя в туалете своей заложенной квартиры, из которой вынес все – вплоть до столовых приборов. Причина смерти – кровоизлияние в мозг.

Почему такое происходит – кто мне скажет?! Я-то выбился в люди, стал популярным, но почему дорогие мне люди ушли так нелепо один за другим?! Да, я одержал победу над Фуками Сэндзабуро, но как я могу забыть то, что он до конца своих дней так и не захотел признать меня артистом?

И все-таки Фуками Сэндзабуро был для меня экстраординарной личностью, артистом, до которого мне никогда не дорасти!

ОБ АВТОРЕ

Такеши Китано, знаменитый японский актер и режиссер, родился в Токио в 1947 г. Его любимый отец, маляр и изготовитель лаковых фигурок, был азартным игроком, от чего страдала вся семья. Мать Китано происходила из семьи военного. Ее мечта о карьере сына в качестве государственного служащего привела Китано в токийский университет Мейджи. Уйдя из университета, так и не получив степень, Китано подряжался на любую случайную работу. Работая кассиром в стриптиз-клубе, он однажды разыграл комедийную сценку с переодеванием в женскую одежду. В соседнем кабаре он научился танцевать. Такой опыт в конце концов сформировал у молодого человека устойчивые комедийные навыки.

В 1971 г. Китано вместе со своим другом Киеши Канеко создал комический дуэт «Два Бита» (Two Beats); много позже, когда о былом сотрудничестве останутся только воспоминания, он возьмет псевдоним Бит Такеши в память о первых шагах в шоу-бизнесе. Поначалу они выступали в стрип-клубах, развлекая публику в перерывах между стриптизом. Только через два года последовало предложение телепродюсера, и уже в 1976 г. Китано и Канеко получили приз японской телекомпании как лучший комический дуэт.

В 1983 г. на экраны выходит картина Нагисы Осимы «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» с участием Китано. Фильм, сочетающий в себе признаки психологической драмы и философской притчи, подчеркивал, что в разных культурах понятия гуманизма и жестокости не тождественны. Картина была восторженно встречена в Европе. Китано зарекомендовал себя как актер, способный на мгновенное перевоплощение, с большим диапазоном эмоций и чувств.

Первая режиссерская работа Китано – фильм «Жестокий полицейский» (1989).

Несмотря на очевидное новаторство Китано-режиссера, фильм был встречен прохладно. Образ жестокого полицейского никак не вязался с тем комиком, который веселил всю Японию по выходным. Для Китано пришло время делать окончательный выбор между телевидением и кино.

В 1990 г. на экраны выходит «Точка кипения» – запутанная история о токийских подростках, нечаянно вставших на пути якудза. Герой Китано появляется лишь во второй половине фильма и погибает за десять минут до конца, но оставляет едва ли не самое сильное впечатление от картины.

Далее режиссер пробует себя в жанровых лентах – «Сцены у моря» и «Кого-нибудь снял?». Обращение как к мелодраматическому, так и к комедийному сюжетам не привнесло новизны в творческий путь Такеши Китано и не имело значительного успеха.

Между съемками этих лент появляется «Сонатина», после которой Китано входит в пантеон классиков японского кинематографа. Герой фильма – гангстер Муракава (его сыграл Китано) из токийской якудза. Когда на Окинаве начинается жестокая война между бандитскими кланами, «бригаду» Муракавы посылают для урегулирования конфликта. Китано умело моделирует ситуацию, вводя в повествование элементы комедии, триллера, мелодрамы.

В 1994 г. Китано попадает в аварию, на всю жизнь «отпечатавшуюся» на лице режиссера. По его словам, он понял, что должен измениться. В 1996 г. он снимает «Ребята возвращаются» – историю друзей, идущих по жизни разными путями, но сохранивших отношения даже тогда, когда судьба сталкивает их лоб в лоб. При

обычном антураже – драки, убийство, мужская дружба – меняется киноязык, которым режиссер рассказывает свою историю. «Ребята возвращаются» имел мощный кассовый успех и был хорошо принят западной кинообщественностью.

В 1997 г. на экраны выходит один из лучших японских фильмов десятилетия – «Фейерверк». Этот фильм часто сравнивают с «Сонатиной»; но при определенной смысловой схожести «Фейерверк» выигрывает за счет возросшего режиссерского мастерства Китано.

После оглушительного успеха «Фейерверка» Китано заявил, что должен создать что-то другое. Он придумал интересную историю о плохом парне, который случайно совершает хорошие поступки. Так в 1999 г. в Каннах состоялась премьера «Кикуджиро», признанного на родине последним шедевром XX века.

После этого Китано снимается в нескольких культовых японских фильмах – «Табу», «Королевская битва» и др.

Последующие фильмы, сделанные им в качестве режиссера, – «Куклы», «Затойчи» и др., – также принесли Китано широкий успех как в Японии, так и за ее пределами.

Такеши Китано и сейчас продолжает оставаться ведущей фигурой на телевидении Японии. Он до сих пор участвует в восьми ТВ-программах в неделю. Весьма многогранен и писательский талант Китано – он пишет стихи, повести, которые экранизируют другие режиссеры. Также он прекрасный художник и мультипликатор, живописные работы Китано можно видеть в сценах «Фейерверка» и «Кикуджиро». Когда его спрашивают, как же он справляется со всем этим, Китано отвечает: «У меня нет впечатления, что я работаю. Я просто стараюсь получать удовольствие».

СОДЕРЖАНИЕ

Такеши КИТАНО

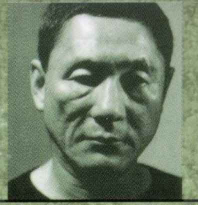
ПАРЕНЬ ИЗ АСАКУСЫ

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Ведущий редактор *С. Н. Абовская*
Корректор *Л. С. Самойлова*
Дизайн обложки *А. Ф. Щавелев*
Верстка *А. Б. Ирашин*

Подписано в печать 25.08.2009
Формат 84×90 $^1/_{32}$ Гарнитура «MyslC»
Печать офсетная. Бумага газетная пухлая.
Усл.-печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,0
Тираж 2000 экз. Изд. № ОП-09-0378-ВС
Заказ № 423.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко 3, стр. 1
http://www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru e-mail: book@uralprint.ru

Такеши Китано — культовый актер и кинорежиссер, самая знаменитая фигура в японском кинематографе последних десятилетий. Его уникальные работы получили широкое признание как в Японии, так и за границей. Он — обладатель Золотого и Серебряного Льва Венецианского кинофестиваля за фильмы «Фейерверк» и «Затойчи». Китано наделен непревзойденным комическим даром, он был и до сих пор остается одной из самых ярких фигур на японском телевидении благодаря своему острому глазу и бескомпромиссному чувству юмора. Кроме того, он — поэт, художник, кинокритик и писатель.

Бурная юность Такеши Китано прошла на подмостках стриптиз-театра в Асакусе, старом артистическом районе Токио, где он выступал с комическими номерами и одновременно в качестве помощника директора присматривал за танцовщицами. Возможно, именно поэтому в дальнейшем творчестве Китано не существует запретных тем и моральных ограничений?.. Ведь что только не происходило с молодым человеком на сцене и за кулисами этого малопочтенного, но веселого заведения!

ISBN 978-5-373-02919-3

www.olmamedia.ru